

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

113

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

· ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

113

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарeva,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

В. В. КРОПОТКИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История раннего средневековья Восточной Европы в связи с крайней ограниченностью письменных и эпиграфических источников в XIX—начале XX в. была в русской и зарубежной науке изучена очень слабо. Археологические и нумизматические данные для реконструкции исторического процесса привлекались дореволюционной исторической наукой совершенно недостаточно. Многие археологические работы носили формально вещеведческий характер, давал себя знать определенный отрыв археологии от истории.

Дореволюционные историко-археологические исследования по истории Восточной Европы в эпоху железного века и раннего средневековья были суммированы в известной книге академика Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе». Эта работа была первым синтетическим исследованием, в котором крупный историк попытался широко привлечь и проанализировать разнообразный археологический и нумизматический материал по истории Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Многие исторические проблемы в книге Ю. В. Готье были зачастую только поставлены ввиду недостатка доброкачественного фактического материала, как, например, вопрос о происхождении и древнейшей истории славянских племен, вопросы этногенеза народов Восточной Европы и пр.

Советская археология накопила громадный фактический материал в результате широких и планомерных археологических исследований на территории Восточной Европы. Особенно большие археологические работы были проведены на крупных новостройках, при строительстве энергетических гигантов на Дону и Днепре, на Волге и Каме. Труды этих экспедиций опубликованы в серии «Материалы и исследования по археологии СССР».

Новые археологические и нумизматические материалы, накопленные советскими археологами, позволили коренным образом пересмотреть основные концепции русской дореволюционной науки по истории и археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Основное внимание советских археологов было обращено на актуальные исторические проблемы этой эпохи, например на сложный вопрос о смене общественно-экономических формаций, о переходе из рабовладельческой формации к феодальной на юге Восточной Европы и, наконец, о непосредственном переходе от первобытнообщинного строя к феодальному обществу многих племен и народов Восточной Европы в I тысячелетии н. э. (хазары, волжские болгары, восточные славяне и др.). Особое внимание было также

уделено вопросу о переходе кочевых народов к феодализму, о так называемом кочевом феодализме у степных обитателей Восточной Европы. Новые проблемы свидетельствовали о постепенном утверждении материалистических концепций исторического развития в советской археологии в 20—30-х годах.

Особое внимание советскими археологами было уделено изучению производственных сил у народов Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. История земледелия и скотоводства, история ремесла и торговли, экономические связи племен Восточной Европы в I тысячелетии н. э. явились темами специальных исследований и монографий¹. Наконец, пристальное внимание было уделено проблемам этногенеза племен и народов Восточной Европы в эпоху раннего средневековья, в особенности этногенезу славянских народов и древнейшей истории восточных славян, вопросу о возникновении у славян классового феодального общества и государства — Киевской Руси².

Интерес советских археологов к этим проблемам был не случаен. Он свидетельствовал о постепенном утверждении и победе материалистических концепций исторического развития в археологии.

К сожалению, на первых этапах развития советской археологии борьба с буржуазными теориями и формальным вещеведением зачастую велась без глубокого исследования конкретного археологического материала.

В данной статье основное внимание будет уделено краткому обзору археологических исследований в южной и юго-восточной части Восточной Европы (Северный Кавказ, Поволжье, Подонье, Крым, Украина и Молдавия). Эти области были тесно связаны с историческими судьбами передовых цивилизаций того времени в Средиземноморье и на Ближнем Востоке: Римской империей, Византией и Арабским Халифатом.

Изучение Восточной Европы в эпоху кризиса Римской империи и перехода от рабовладельческой формации к феодальной в Северном Причерноморье является одной из труднейших проблем советской исторической науки. В более северных областях Восточной Европы, где в первые века I тысячелетия н. э. многочисленные племена находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, формирование классового общества происходило в иных исторических условиях, минуя рабовладельческую формацию. Широкое изучение археологических памятников Восточной Европы I тысячелетия н. э. позволило также изучать проблемы славянского этногенеза, которые дореволюционной наукой изучались только на базе исторических свидетельств и лингвистических данных. Детальное изучение памятников позднеантичного времени в Северном Причерноморье показало, что наши представления об экономическом и политическом кризисе античного мира страдали упрощенчеством и схематизмом и часто не соответствовали конкретному археологическому материалу. Выработке правильных взглядов на эти процессы мешали бытовавшие в советской исторической науке догматические воззрения о так называемой революции рабов на грани античности и средневековья³.

Советские археологи широко исследовали позднеантичные и средневековые города Восточной Европы. В течение многих лет велись системати-

¹ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. I, Л., 1932; В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1953; он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА, № 74, 1958.

³ А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. ВИ, 1964, № 5, стр. 95—111.

ческие раскопки Херсонеса, Фанагории, Ольвии, Пантикапея, Танаиса, Тмутаракани и Саркела (Белой Вежи). Мы не упоминаем в этой статье раскопки более мелких городов и поселений Северного Причерноморья, которые развернулись в послевоенные годы. Раскопки позднеантичных городов (III—VI вв. н. э.) в Средиземноморье и Северном Причерноморье убедительно свидетельствуют о том, что далеко не все города этого времени теряют свое значение крупных торговых центров. Например, изучение Херсонеса в Таврике показало, что интенсивное строительство в городе осуществлялось вплоть до второй половины VI в. и лишь в VII—VIII вв. город переживал тяжелый экономический кризис⁴.

Многочисленные находки монет в позднеантичных слоях Херсонеса IV—VI вв. н. э. также противоречат установившемуся в советской науке представлению о так называемой повсеместной рустификации позднеантичного города, об упадке ремесла, торговли и денежного обращения.

В последние годы советские археологи предприняли широкие исследования сельских поселений позднеантичного и средневекового времени в Крыму и на Тамани. Эти работы позволили более конкретно, чем это было возможно ранее, наметить развитие производительных сил в эпоху кризиса античного мира и варварских завоеваний в Северном Причерноморье (готы, гунны)⁵.

Советские археологи успешно начали систематическое изучение пещерных городов Крыма и связанных с ними больших раннесредневековых могильников. Наиболее крупные раскопки производились в Эски-Кермене, изучались пещерные города в Мангупе, Чуфут-Кале, Бакле и Инкермане⁶.

Исследование раннесредневековых могильников (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Сахарная Головка, Скалистое, Керчь и др.) ввели в научный оборот новые данные для изучения проблемы этногенеза, в частности позволили рассмотреть сложные вопросы, связанные с вторжением готов в Таврику, с этническими изменениями в эпоху переселения народов и владычества хазар.

Раскопки пещерных городов, поселений и могильников дали обильный фактический материал для пересмотра вопроса о христианизации Таврики в IV—IX вв. н. э. В советской исторической литературе утвердилось мнение о насильственной христианизации варварского населения Крыма, которая осуществлялась Византийской империей в тесной связи с ее завоевательной политикой в Причерноморье⁷. Византия и зависимые от нее города и области вели усиленное строительство христианских базилик не только в Херсонесе, который являлся центром византийского господства в Таврике, но и на периферии (Эски-Кермен, Мангуп, Партенит и Тепсень).

Многочисленные находки христианских надгробий и других предметов, связанных с христианским культом, убедительно свидетельствуют о широком распространении христианства в Таврике в эпоху раннего средневековья. Распространение новой религии было тесно связано с процессами

⁴ А. П. Каждан. Византийские города VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 164 и сл.; А. Л. Якобсон. Раннесредневековой Херсонес. Очерки материальной культуры. МИА, № 63, 1959.

⁵ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. «Очерки экономической истории». М., 1966; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958; А. Л. Якобсон. Средневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 458—501.

⁶ Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 71—79; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964; «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968.

⁷ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, стр. 12.

феодализации общества, с упадком античной культуры и языческих культов. Конечно, христианство в Крыму укрепляло свои позиции в борьбе со старыми языческими представлениями, о чем сохранились яркие свидетельства в письменных источниках. Следует признать, что развитие феодальных отношений и распространение христианства в Таврике в VI—X вв. н. э. были объективно прогрессивными явлениями в истории Крыма, как и других областей Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Тесные экономические связи Таврики с Византией были выгодны не только господствующим классам Византийской империи, но и коренному населению Северного Причерноморья. Резкое сокращение экономических связей Крыма и Северного Кавказа с Византией в VII—VIII вв. н. э. имело отрицательные последствия для населения Херсонеса, Боспора, Фанагории и Таматархи.

Средневековые города приходят в упадок, сокращается ремесло, торговля и денежное обращение. В Херсонесе прекращается выпуск медной монеты. Политической и военной слабостью Византийской империи не замедлили воспользоваться окружающие ее различные кочевые племена, экономика которых имела экстенсивный характер и которые жили за счет грабежа соседних, более развитых земледельческих племен и народов.

Экономическое возрождение Таврики падает на вторую половину VIII—IX в. н. э., когда Византийская империя оправилась от тяжелого экономического и политического кризиса и вновь установились тесные связи Северного Причерноморья с Византией.

Таким образом, роль Византии в истории Восточной Европы нужно рассматривать глубоко и всесторонне, учитывая сложную международную обстановку в эпоху раннего средневековья.

Археологические раскопки в Северном Причерноморье и на Кавказе открыли многочисленные памятники средневекового зодчества и искусства: остатки базилик, мозаики, фрески, изделия ювелирного искусства. Фундаментальные исследования в этой области принадлежат И. А. Орбели, К. В. Тревер, Л. А. Мацулевичу, Н. И. Брунову, В. Н. Лазареву и А. В. Банк⁸.

Изучение ювелирного искусства Таврики в IV—VII вв. н. э. (фибул и поясных пряжек) позволило установить тесные генетические связи ювелирного искусства Крыма со Средним Подунавьем и другими районами Центральной Европы⁹.

Изучение поясных наборов дружинников Евразии IV—IX вв. н. э. позволило установить локальные варианты в убранстве дружинников и разработать детальную типологию и хронологию поясных наборов на широкой территории от Сибири до Среднего Подунавья¹⁰.

Большие археологические исследования по средневековой археологии были проведены также в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе. Активное участие в этих работах приняли новые национальные кадры археологов в республиках Поволжья и Северного Кавказа, появившиеся за годы Советской власти.

Большое значение для разработки основных вопросов средневековой археологии Восточной Европы имели систематические раскопки Тмутаракани и Фанагории на Таманском полуострове, Саркела на Нижнем Дону, Правобережного Цимлянского городища и других памятников, связанных

⁸ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926; А. В. Банк. Византийское искусство. Л., 1966.

⁹ А. К. Амброз. Дунайские элементы в культуре раннесредневекового Крыма. См. настоящий сборник, стр. 10—23.

¹⁰ В. Б. Ковалевская. Поясные наборы дружинников Евразии в IV—IX вв. н. э. Доклад, прочитанный на заседании скифо-сарматского сектора ИА.

с Хазарским каганатом — государством, возникшим на юге Восточной Европы в VII в. и просуществовавшим до второй половины X в., когда его основные центры были разгромлены войском киевского князя Святослава¹¹.

Изучение салтово-маяцкой культуры на Дону, в Приазовье и Восточном Крыму успешно осуществлялось как русскими, так и украинскими археологами. Комплексные археолого-антропологические исследования салтово-маяцкой культуры, проведенные советскими археологами в послевоенные годы, дали возможность разделить могильные памятники этой культуры по обряду на катакомбные (Верхнее Салтово и др.) и грунтовые (Зливки и др.) и связать их с различными этническими группами, обитавшими в пределах Хазарского каганата (аланами и болгарами). Изучение поселений и могильников салтово-маяцкого типа, раскопки средневековых памятников на Нижней Волге и в Дагестане имели большое значение для разработки научных представлений о роли Хазарского каганата в истории Восточной Европы¹².

Новые ценные находки на территории Хазарии (клады и отдельные находки куфических и византийских монет) опровергают преждевременные выводы В. Л. Янина об отсутствии денежного обращения на территории Хазарского каганата и южного, хазарского пути проникновения дирхемов на Русь¹³.

Изучение кочевых племен Восточной Европы успешно продвинулось в результате больших раскопок в Нижнем Поволжье, на Дону и Днепре. Эти полевые исследования были обобщены в работах С. А. Плетневой и в монографии Г. А. Федорова-Давыдова¹⁴.

Существенных успехов достигли советские археологи в изучении сложной проблемы происхождения и древнейшей истории славянских племен. Систематические археологические исследования, проведенные за годы Советской власти на Украине и в Молдавии, в Белоруссии и Российской Федерации, открыли для науки бесспорные славянские памятники VI—IX вв. н. э.¹⁵

Основные исследования в области археологии ранних славян принадлежат П. Н. Третьякову, И. И. Ляпушкину, Г. Б. Федорову, Ю. В. Кухаренко, И. П. Русановой и другим археологам. Особенно успешными были раскопки славянских памятников на левобережье Днепра, осуществленные И. И. Ляпушкиным в послевоенные годы. Раскопки Новотроицкого городища в Сумской области (VIII—X вв. н. э.) дали целостную картину славянского поселения, его жилищ, хозяйственных построек и материальной культуры его обитателей.

Систематические раскопки славянских памятников IX—X вв. проводил Г. Б. Федоров в Молдавии (Алчедар, Екиматуцы). Новые материалы для

¹¹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

¹² Там же; он же. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—167; «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 62, 1958; т. II, МИА, № 75, 1959; т. III, МИА, № 109, 1963; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

¹³ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956; стр. 105; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М. 1967, стр. 118 и сл.; он же. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 72; сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 183 и сл.

¹⁴ Первые славянские поселения и могильники VI—VIII вв. были открыты на Украине еще в конце XIX—начале XX в. С. С. Гамченко на Житомирщине, но они не были правильно осмыслены и не обратили на себя должного внимания.

¹⁵ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968.

изучения славянских памятников добыты во время археологических раскопок в Молдавии, на Украине, в Подонье, в Белоруссии, на Смоленщине и на верхней Оке. Исследования советских археологов позволили проследить постепенное развитие материальной культуры славянских племен от VI—VII вв., когда в византийских источниках появились первые достоверные упоминания о славянах, вплоть до IX—X вв., когда складываются феодальные отношения у восточных славян и возникает могущественное государство средневековой Европы — Древняя Русь.

Советские историки и археологи неоднократно пытались ответить на вопрос о том, какое общество и какие государственные образования появились в Восточной Европе на развалинах античных государств Северного Причерноморья и скифского царства в Крыму, разрушенных варварскими племенами, проникшими к берегам Понта из Северной Европы и Повисленья и из глубинных районов Азии (готы, гунны, аланы и другие племена). В советской исторической науке была высказана гипотеза о существовании так называемого дофеодального периода и дофеодального государства, которые предшествовали возникновению феодальных отношений и феодальных государств в Восточной Европе (Хазария, Древняя Русь и Волжская Болгария).

Совершенно очевидно, что варварские завоевания в Восточной Европе в III—VI вв. н. э. не могли полностью ликвидировать прочную социальную структуру общества в рабовладельческих государствах Северного Причерноморья, и речь должна идти не о господстве первобытнообщинных отношений, а о синтезе рабовладельческих и варварских социальных институтов, когда рабовладельческие отношения постепенно отмирают, а новые, феодальные складываются в систему и, наконец, побеждают. По-видимому, средневековый Боспор V—VII вв. и Крымская Горня являются такими переходными варварскими государствами, когда феодальные отношения еще не созрели, и мы не можем рассматривать эти государственные образования как феодальные.

К сожалению, археологические материалы были мало использованы для изучения этого переходного периода¹⁶. В историческую литературу, тем не менее, проникли необоснованные предположения некоторых советских археологов о появлении классового общества и государства у восточных славян (антов) еще в III—VI вв. н. э., в так называемый антский период, который украинские археологи ошибочно связывают с черняховской культурой, о появлении древнейших городов на Руси еще в VII—IX вв. (Киев, Псков, Старая Ладога и др.)¹⁷.

Большое внимание советские историки и археологи, специализирующиеся в области раннего средневековья Восточной Европы, уделили развитию вспомогательных исторических дисциплин и привлечению данных нумизматики, палеографии, метрологии и сфрагистики для широкого исторического синтеза. Составлены и опубликованы топографические сводки находок византийских, западноевропейских, древнерусских и джучижских монет на территории СССР¹⁸.

В работах Р. Р. Фасмера, Н. П. Бауера, И. Г. Спасского и В. Л. Янина поставлен вопрос о происхождении денежно-весовой системы у восточных

¹⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 25 и сл.; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939; он же. К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве. ВИ, 1946, № 7, стр. 45—65.

¹⁷ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 92 и сл.; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

¹⁸ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, вып. Д4—4, 1962; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. ТНК, V, 1925, стр. 188—288, карта; Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде. НЭ, т. I, 1960, стр. 94—192.

славян и дана развернутая периодизация денежного обращения в Восточной Европе с конца VIII по XI в.¹⁹

Даже беглый перечень некоторых проблем и полевых исследований свидетельствует о громадной работе, проделанной советскими археологами в области раннесредневековой археологии Восточной Европы. Основной задачей советских археологов, занимающихся этими проблемами, является скорейшее издание многочисленных первоклассных коллекций и памятников, хранящихся в музеях Советского Союза. Например, до сих пор полностью не опубликованы материалы Эски-Керменской экспедиции, Скалинского могильника в Крыму, насчитывающего более 800 погребений IV—IX вв. н. э., не изданы полностью материалы Таманского городища и средневековой Фанагории.

Издание неопубликованных полевых исследований, проведенных советскими археологами за 50 лет, и публикация подготовленных к печати монографий позволят создать полноценную обобщающую работу по археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья.

¹⁹ Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. «Изв. АН СССР. Отд. общ. наук», 1933, № 6—7; Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. К. АМБРОЗ

ДУНАЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ КРЫМА
(VI—VII вв.)

Проблема связей Северного Причерноморья V—VII вв. с более западными областями давно привлекает внимание исследователей. Из-за скудости письменных данных основным источником стала археология. В этой статье рассматривается лишь один вопрос: об общности парадного женского убора, состоявшего из больших гладких (двупластинчатых) и рельефных (пальчатых) фибул, найденных парами на плечах погребенных, и из крупных рельефных пряжек от широких поясов. В целостном виде этот убор распространен по всей Европе, но не на сплошной территории, а как бы очагами: Боспор, юго-западный Крым, Среднее Подунавье и Тисса, Италия и Испания. Лишь отдельные элементы иногда выходили за пределы основного ареала.

В советской науке наиболее распространено мнение о севернопричерноморском (боспорско-аланском) происхождении этого набора и его распространении на запад с переселявшимися под натиском гуннов племенами. Истоки инкрустационной и рельефной орнаментик вслед за М. И. Ростовцевым и Л. А. Мацулевичем ищут в скифо-сарматском искусстве с его пышно развитым звериным стилем. При этом исследователи не располагают четкой классификацией комплексов и отдельных типов вещей, слабо разработаны археологические датировки. Как следствие и у нас и за рубежом главное значение часто придается письменным свидетельствам о массовых передвижениях народов с востока на запад в конце IV—VI вв., а археологический материал рассматривается в связи с этими данными. За исходную точку хронологии принимается дата вторжения гуннов в Причерноморье, чему, казалось бы, дают некоторую опору редкие находки римских монет III и IV вв. в керченских комплексах. Не учитывается, что переселявшиеся к западу народы подолгу задерживались на одном месте, что они заставляли на новых местах старое население с определенными традициями, что менялось политическое и экономическое состояние таких центров, как Боспор, что, наконец, варварские племена V—VI вв. находились в особенно тесных связях с Римской империей и ее населением, и сводить «провинциальное» только к «боспорскому» глубоко ошибочно.

Привлечение новых материалов, изучение комплексов, картографирование, датирование вещей по узким вариантам — все это позволяет критически переоценить существующие взгляды. Особенно большое значение имеют работы И. Вернера по древностям Подунавья и запада Европы,

а из советских исследований — развернутое уточнение В. К. Пудовиным хронологии Суук-Су. Сопоставление материалов юга СССР с находками из более западных областей показало, что большие двупластинчатые фибулы типа Суук-Су сложились в Среднем Подунавье и заимствованы населением Крыма отсюда¹. Подтвердилась правильность точки зрения Б. Салина, впервые установившего, что рельефные пальчатые фибулы с ромбической ножкой возникли на Среднем Дунае (при воздействии провинциального искусства) и проникли на Боспор и в Италию. Декор пальчатых фибул на Боспоре и в Подунавье тождествен, но на Дунае он представлен в целостном виде, а в Крыму подражателен и деградирован² — этот аргумент Б. Салина подтверждается всем новым материалом (ср. рис. 1, 13, 14 и рис. 1, 15—21, 24). Возражения Л. А. Мацулевича основаны на недоразумении, так как в них вопрос об иконографии стиля подменен анализом семантики³. По своей семантике декор боспорских и дунайских фибул и пряжек входит в большую группу архаических орнаментов земледельческих народов Евразии, прежде всего эллинов, славян и народов Переднего Востока; их главный сюжет — древо жизни в окружении живых существ⁴. Кочевническая орнаментика скифов и сармат с изображением борьбы зверей гораздо дальше семантически, да и ее последние образцы не заходят позднее I в. н. э. (Новочеркасский клад). Зато по устойчивому комплексу мотивов, по их трактовке, по компактности ареала рассматриваемая орнаментика представляет определенное целое⁵ (рис. 1, 11—24, рис. 3, 9—11), охватывая лишь Крым, Среднее Подунавье и Италию. В то же время она как один из локальных вариантов входит в обширную область распространения специфического художественного стиля, охватившего значительную часть Средней и Западной Европы, Скандинавию и Англию (ср. рис. 3, 1—8, 12). Крым был лишь наиболее восточной окраиной в распространении этого стиля. Ни для славян, ни для алан, ни для народов Кавказа и коренного населения Балкан, Италии, Испании этот художественный стиль не характерен. Его ареал совпадает с известной по письменным данным областью расселения древнегерманских племен⁶, у которых он столь широко распространился в раннее средневековье, вероятно, в результате тесных межплеменных контактов. Лишь отдельные

¹ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 84—91.

² В. Салин. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, стр. 32, 124—129, 193; J. Werner. Ostgotische Bügelfibeln aus bajuwarischen Reihengräbern. Bayerische Vorgeschichts-Blätter, т. 26, вып. 1. München, 1961, стр. 70; А. К. Амброз. Рецензия на книгу: J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt. Die Fibeln. СА, 1966, № 4, стр. 213, 214.

³ Л. А. Мацулевич. К вопросу о стадильности в готских надстроечных явлениях. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 592—597; А. Л. Якобсон. Средневековой Крым. М.—Л., 1964, стр. 15.

⁴ А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками», СА, 1965, № 3, стр. 21—24 и рис. 4, 5, 7; он же. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. СА, 1966, № 1, стр. 68—72, рис. 6.

⁵ О методическом значении суммы признаков: С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, стр. 42.

⁶ Иногда можно встретить утверждение, что Б. Салин поступил тенденциозно, выделив древнегерманский художественный стиль (Л. А. Мацулевич. К вопросу о стадильности, стр. 593, 594). Это утверждение ошибочно. Напомню лишь заключение Ф. Энгельса, сделанное им в 80-х годах XIX в. на основе фибул Британского музея и приведенное в работах «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «К истории древних германцев»: «Стиль этих работ — часто при довольно резких местных особенностях — в основных чертах тот же самый на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 374). Они настолько единообразны, что «застежки, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли выйти из той же мастерской, что и английские и шведские, и они столь же несомненно германского происхождения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 142).

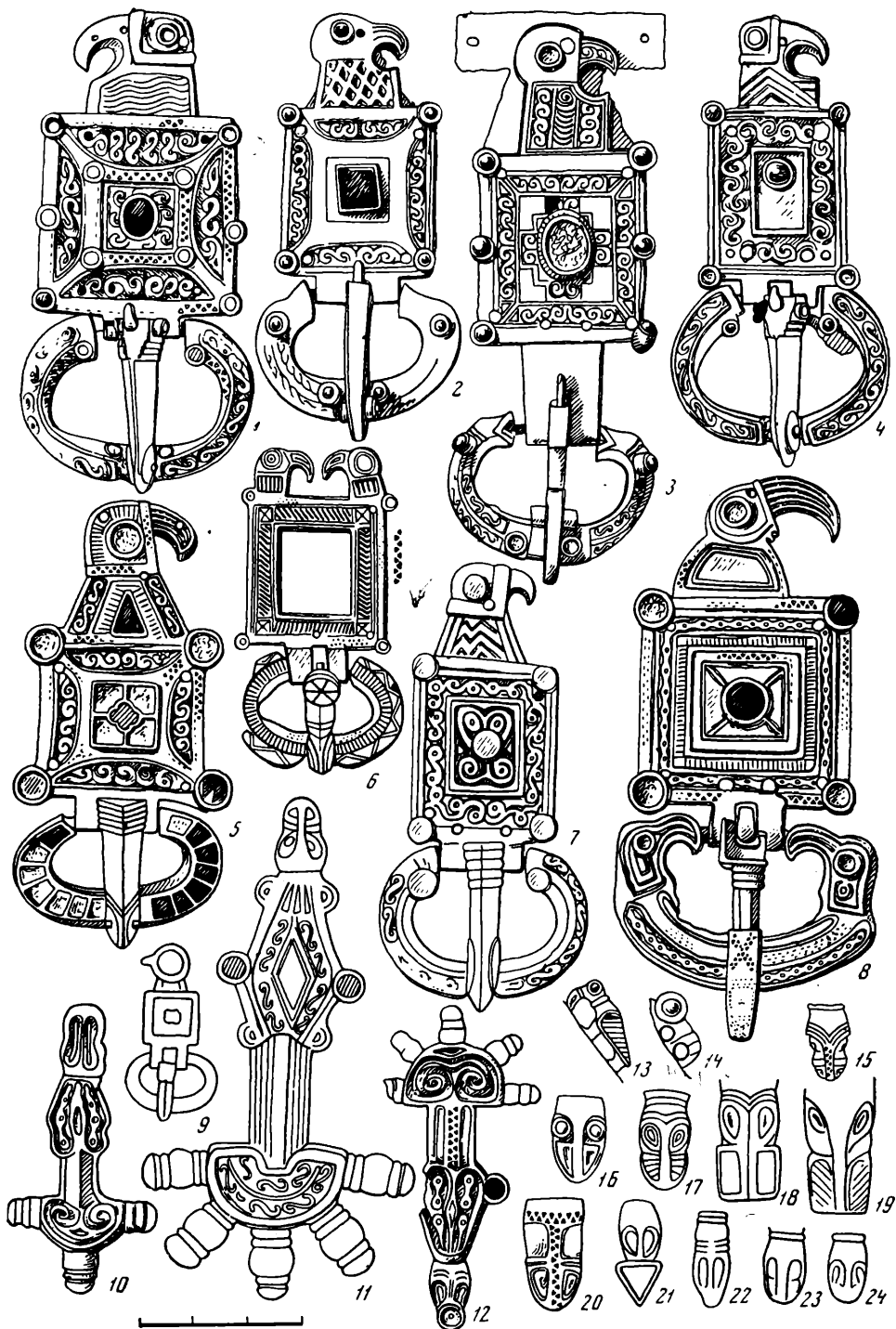

Рис. 1. Орлиноголовые пряжки и пальчатые фибулы:

1, 4-7, 10-12, 14, 21-24 — Керчь; 2, 3 — Суук-Су; 8 — Северная Польша; 9 — Яношхида, Венгрия; 13, 15 — Домолошуста, Венгрия; 16-20 — детали фибул италийских остроготских типов (16, 19, 20 — Италия, 17, 18 — ФРГ); 7-9 — пряжки; 10-24 — фибулы. Масштабы различные; линейный масштаб — только к рис. 10-12.

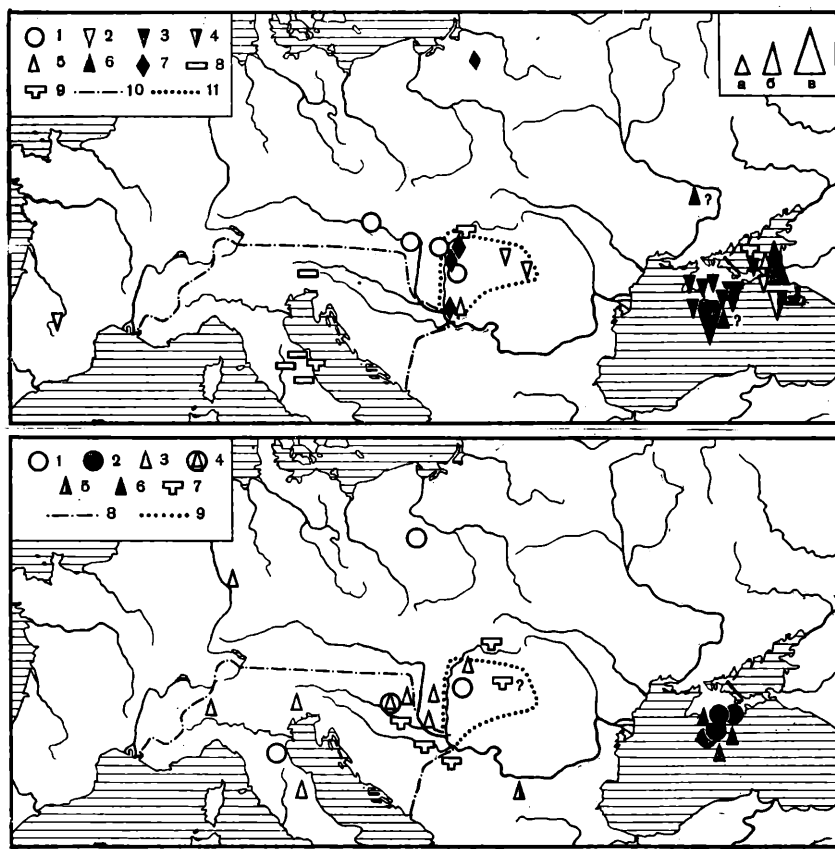

Рис. 2. Карта распространения больших рельефных пряжек V и VI вв.

Карта 1. Распространение орлоголовых пряжек: 1 — типа рис. 1, 9; 2 — типа рис. 1, 7; 3 — типа рис. 1, 2-3; 4 — типа рис. 1, 4; 5 — типа рис. 1, 5; 6 — типа рис. 1, 7; 7 — типа рис. 1, 8; 8 — типа рис. 1, 6; 9 — фибулы типа рис. 1, 11; 10 — королевство остготовов в начале VI в.; 11 — область расселения гетидов

Карта 2. Распространение ромбических пряжек: 1 — типа рис. 3, 3; 2 — типа рис. 3, 1, 2, 7; 3 — типа рис. 3, 11 и подобные; 4 — пряжка со смещением признаков разных вариантов (Домолошпуста); 5 — пряжка рис. 3, 5; 6 — типа рис. 3, 9, 10; 7 — пальчатые фибулы с ромбической ножкой второй половины V в.; 8 — королевство остготовов в начале VI в.; 9 — область расселения гетидов; а — 1 находка, б — от 2 до 6, в — 7 и более

изолированные проявления этого стиля встречаются у пограничных с германцами народов, но обычно они сильно переработаны. Насколько декор дунайско-боспорских пальчатых фибул был чужд, например, аланам, показывают местные пальчатые фибулы Осетии⁷.

Теперь обратимся к третьему компоненту рассматриваемого набора — к большим поясным пряжкам с рельефной орнаментацией. Впервые их исследовал А. Гетце, наметивший основные типы, районы распространения, хронологию и связавший их с готами, разбросанными от Крыма до Испании⁸. Из них особенно интересны пряжки с большой головой хищной птицы (рис. 1, 1-8), наиболее полно собранные М. Русу. Обоснованно выделив пять стилистических вариантов, каждый со своей областью распространения, М. Русу тем не менее все их отнес к изделиям «разных боспорских мастерских», каждая из которых якобы имела свой особый район сбыта: Боспор (рис. 1, 4, 7), юго-западный Крым (рис. 1, 2, 3), Семиградье (рис. 1, 1), область Тиссы (рис. 1, 8) и Сирмий в Югославии

⁷ МАК, т. VIII, 1900, табл. СХVI, 10 и СХХII, 6 (в ГИМ).

⁸ A. Götze. Gotische Schnallen. Berlin, 1907.

(рис. 1, 5)⁹. На самом деле это изделия локальных ювелирных центров: об этом говорят не только ареалы, но и технологическая близость пряжек к местным украшениям других типов.

Начнем с рассмотрения крымских находок. Очень большие (до 18 см) серебряные пряжки, изображенные на рис. 1, 2, 3, характерны для могильников типа Суук-Су в юго-западном Крыму (рис. 2, 1). Кроме старых находок из Суук-Су (17 экз.), Артека (6 экз.) и Кореиза (1 экз.), учтенных в публикациях Н. И. Репникова, одна пряжка найдена в Чуфут-Кале, несколько в Скалистенском могильнике (раскопки и сообщение Е. В. Веймарна), одна в Баштановке (с пальчатыми фибулами), обломки одной пряжки в Эски-Кермене, трех в Херсонесе и одной в Керчи¹⁰. Указание М. Русу на Черноморье ошибочно, сведения антикваров о «Никополе» мало достоверны. Суммарная датировка пряжек второй половиной VI и первой половиной VII в. хорошо обосновывается находками в Суук-Су и Чуфут-Кале¹¹. Но ее можно детализировать, поскольку пряжки делятся на три подварианта: 1) относительно небольшие с обоймой, по форме приближающейся к квадрату, и с короткими петлями для кольца (рис. 1, 2); 2) с более длинными петлями для кольца; 3) очень крупные с продолговатой обоймой и с очень длинными петлями для кольца (рис. 1, 3). Пряжки первого подварианта имеют на щитке широкие диагональные полосы, сближающие их с пряжками типа рис. 1, 1, 5, у остальных подвариантов эти полосы превратились в узкие рудиментарные штрихи. Пряжки первого подварианта найдены в наиболее ранних погребениях Суук-Су (№ 46, 56, 82), один раз с монетой 527—565 гг.; пряжки третьего варианта сопровождалась малыми пряжками первой половины VII в. и антскими фибулами (№ 86, 131, 154); второй подвариант занимает в комплексах промежуточное положение, встречаясь и в более ранних и в более поздних сочетаниях¹².

Гораздо слабее изучены собственно боспорские пряжки (рис. 1, 7), отличающиеся треугольной формой выступа. Они меньше южнокрымских (до 12,7 см) и покрыты беголо нанесенным грубым орнаментом из завитков и зигзагов. Большинство их бронзовые, некоторые из плохого серебра. Цилиндрические выступы на углах отлиты вместе с обоймой; чаще они сплошные, плоские (рис. 1, 7), в ряде случаев украшенные сверху гравированными циркульными кружками; иногда выступы высверлены и в них вставлены алмадины или стекла. Большинство этих столь различных по ценности пряжек настолько близки по мельчайшим деталям орнамента, что можно предполагать их изготовление по одной модели, как это отметил уже Гетце¹³. Следовательно, один ремесленник обслуживал заказчиков с разным имущественным положением, что характерно для городских условий.

⁹ M. R u s u. Pontische Gürtelschallen mit Adlerkopf (VI—VII Jh. u. Z.). Dacia. III. București, 1959, стр. 515.

¹⁰ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, рис. 3, 2; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, стр. 16; Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, т. 12, вып. 1—8, 1932, стр. 171; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, рис. 138, 1—2 и стр. 273; А. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 49.

¹¹ В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.). СА, 1961, № 1, стр. 184; В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 210.

¹² В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су, стр. 178, 181, 183, 184; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. ИАК, вып. 19, 1906; он же. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II, ЗООИД, т. XXVII, 1907 (по вариантам: 1) табл. VIII, 3, IX, 5, 7, 9; 2) табл. VIII, 4, XIV, 1, 3; 3) табл. VIII, 1, 5, IX, 8, XIV, 2, 5); M. R u s u. Pontische Gürtelschnallen. ..., рис. 9, 3 (вариант 2).

¹³ A. G ö t z e. Gotische Schnallen, стр. 14, 16, 32.

В Керчи найдены также пряжки типа рис. 1, 4, близкие южнокрымским по форме выступа, но небольшие и проще украшенные (учтено 3 экземпляра, хранящиеся в ГЭ, и один из Керченского музея)¹⁴.

Исходя из предположения о том, что орлиноголовые пряжки с прямоугольным выступом развились из пряжек с треугольным выступом, Л. А. Мацулевич относил первые к концу V и VI вв. (пряжку, изображенную на рис. 1, 1, — даже к середине или первой половине V в.), а вторые к V в.¹⁵ На этом основан его вывод, что «тип находок Суук-Су не является местным гурзуфским вариантом, а последующим развитием тех же керченских типов»¹⁶. Этот вывод стал своего рода аксиомой для историков Крыма¹⁷. Но он базировался на недостаточной изученности Суук-Су. Детальное изучение Суук-Су позволяет определить дату найденных в нем пряжек второй половиной VI в. и первой половиной VII в. (А. Гетце, В. К. Пудовин и др.). Более того, благодаря обилию датированных вещей Суук-Су является хронологическим эталоном для древностей всего юга СССР. Выясняется, что керченские пряжки и пальчатые фибулы входят в комплексы, синхронные Суук-Су, и вещей V в. с ними не бывает. Так, пряжки сопровождалась в склепе 52 раскопок 1867 г. золотыми серьгами с пирамидками зерна типа Суук-Су; в склепе 1875 г. у Долгой Скалы — обломками большой орлиноголовой пряжки типа Суук-Су; в склепе 180 раскопок 1904 г. — боспорскими пальчатыми фибулами, пряжкой с прорезным геральдическим щитком и поясным набором второй половины VI—первой половины VII в.¹⁸; в склепе 163 раскопок 1904 г.¹⁹ — пряжкой, датирующейся по итальяским аналогиям первой половины VI в. (рис. 1, 6). Но особенно показательны находки в склепе 152 раскопок 1904 г. Первоначальные погребения склепа были разграблены в древности, от них сохранились пряжка первой половины VI в. (рис. 1, 1), золотая сережка типа Суук-Су и бронзовая лампа с канделябром, имеющие аналогии в комплексах VI в. После того как разграбленный склеп до половины запыл землей, на поверхности напыла было совершено погребение с двумя пряжками типа рис. 1, 7 и парой керченских пальчатых фибул VI в. типа Аквилея²⁰. Все эти пряжки хранятся в Эрмитаже. Кроме них, известно восемь пряжек из случайных находок, поступивших через антикварную торговлю с указаниями на Керчь (4), Гурзуф (2), Нижнее Поднепровье (1) и Верхнеднепровский уезд в пределах современной Днепропетровской области (1)²¹.

Таким образом, обилие в Керчи погребений с пальчатыми фибулами и пряжками VI в. (включая большое количество таких вещей из кладочислительских находок) показывает, что нет оснований говорить о малочисленности керченских погребений VI в.²² Но для суждения по поставленному Л. А. Мацулевичем вопросу о соотношении культур типа Керчи и Суук-Су необходимо еще рассмотреть те несколько орлиноголовых пряжек

¹⁴ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 48 (ИАК, вып. 25, 1907 г., стр. 21); А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, табл. Ie; фотоархив ЛОИА, II 23589 (КИАМ).

¹⁵ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 41, 42, 47—49.

¹⁶ Там же, стр. 49.

¹⁷ Он повторен во многих работах, например: А. Л. Якобсон, Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 464.

¹⁸ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 49; ИАК, вып. 25, 1907, стр. 57, 58; В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы. СА, 1962, № 2, стр. 145, 146; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 60.

¹⁹ ИАК, вып. 25, стр. 46; идентификация вещей из погребения установлена К. М. Скалон.

²⁰ ИАК, вып. 25, стр. 39—41; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 41, 43—47 и табл. III, 3.

²¹ А. Götze. Gotische Schnallen, рис. 14 и 15, табл. IX, табл. X, 1—2; Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности, табл. XLI, 337; ГИМ, 71/566 и 51/3а.

²² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 463.

западных типов, которые найдены в Керчи (рис. 1, 1, 5, 6, 8, 9; рис. 2, 1). Как правило, они украшены бордюрами из мелких треугольных выемок, заполненных чернью. Неизвестный на местных крымских вещах, как это отметил уже Л. А. Мацулевич, этот прием очень характерен для Подунавья, Италии (острготовов и лангобардов) и Скандинавии: вещи без этого декора встречаются там как исключение. Для многих западнототских пряжек также характерны обоймы, состоящие из литой рамы (рис. 1, 6) и вставленной в нее отдельно изготовленной середины с инкрустациями²³. Наконец, для определения пряжек показательны сами ареалы их распространения.

Четыре орлиноголовые пряжки типа рис. 1, 1 найдены в Арнесп близ Тулузы во Франции, в Чипэу и Фундэтура в Румынии и в Керчи. В Арнесп — это «одно из наиболее ранних погребений» некрополя²⁴, в Чипэу — погребение VI в., скорее его первой половины²⁵, в Керчи — нижнее погребение в вышеупомянутом двухъярусном склепе 152. Таким образом, дата пряжек — первая половина VI в. На Дунае они принадлежали гепидам²⁶. К этим пряжкам довольно близка пряжка из Эрмитажа, купленная у антикваров с указанием на «Кавказ» (вероятнее — Керчь?). Как и у экземпляра из Чипэу, середина обоймы и рама были изготовлены отдельно; пряжка имеет кайму из черневых треугольников²⁷.

Две пряжки (одна изображена на рис. 1, 5) найдены в Ковине (Югославский Банат) на Дунае и в Керчи (покупка). Они почти идентичны и были богато украшены плоскими инкрустациями²⁸. Пряжка из Ковина, вероятно, связана с гепидами, владевшими Сирмием в первой половине VI в. Именно к этому времени следует отнести обе пряжки по стилю инкрустации (плоских ячеистых с четырехлепестковой розеткой в центре)²⁹.

Четыре гепидские орлиноголовые пряжки второй половины VI — начала VII в. (рис. 1, 8) уже сильно отличаются от крымских. Они найдены лишь в Венгрии (Сентеш-Надьхедь и Сольнок-Санда) и в северо-западной Польше (быв. Альт-Коссеви в Мронговском повете) — все в датирующихся комплексах (рис. 2, 1). Типологически более ранняя пряжка этого варианта найдена в Сирмии³⁰.

Двуглавая пряжка (рис. 1, 6) найдена в Керчи в 1904 г. в склепе 163 вместе с боспорской пряжкой (типа рис. 1, 7). Она принадлежит к остготским пряжкам первой половины VI в. из Италии (рис. 2, 1), особенно близка к ней пряжка из Крань³¹.

Находки в Керчи трех гепидских и одной остготской пряжек первой половины VI в. не случайность. Там найдены также гепидские пальчатые фибулы VI в. (рис. 1, 10, 12; ГИМ, № 46029, из склепа 66 раскопок

²³ A. Götze. Gotische Schnallen, стр. 4—12 (тип Б).

²⁴ M. M. Labrousse. Circonscription de Toulouse. Gallia, t. XVII, вып. 2. Paris, 1959, стр. 433 и рис. 29.

²⁵ M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen. . . , стр. 486—491, 512, рис. 2—5.

²⁶ M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen. . . , стр. 520.

²⁷ N. Kondakov. Histoire et monuments des émaux Byzantins. Francfort, 1892. стр. 47, 48 и рис. 14 (неточный рисунок).

²⁸ A. Götze. Gotische Schnallen, табл. VIII, 2, стр. 17; M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen, стр. 511, 523, рис. 8, 4 и рис. 12.

²⁹ J. Werner. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 3. Köln, 1958, стр. 59, рис. 5 и др.; A. Götze. Gotische Schnallen, табл. VII.

³⁰ M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen. . . , рис. 6, 7, 1—2; D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest, 1961, стр. 331—333; N. Aberg. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala—Leipzig, 1919, стр. 116—118.

³¹ ИАК, вып. 25, стр. 46; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 54; паспортизация пряжки выяснена К. М. Скалон. Аналогии: A. Götze Gotische Schnallen, табл. V, VI, 1—4; J. Kovačević. Varvarska kolonizacija južnoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960, табл. XI, 48 (Крань).

1905 г. и ГИМ, № 78607)³² и одна гепидская или итальянская остроготская фибула первой половины VI в. (рис. 1, 11; ГЭ)³³.

Сопоставление всей суммы больших пряжек с орлиными головами показывает, что обе серии — с прямоугольным и с треугольным выступами — возникли одновременно и развивались параллельно. Различие форм выступов связано с различной трактовкой голов и шей хищных птиц: птицы показаны то спокойно сидящими (с выступающим зобом), то в полете и при нападении (с вытянутой шеей) — в этом легко убедиться на орнитологических материалах. Судя по сочетанию комплексов и по типологическим признакам, гепидские пряжки древнее крымских и лишь отчасти одновременно им. На Среднем Дунае имелись также маленькие инкрустированные пряжки с четырехугольной обоймой и головой птицы, найденные в комплексах V и VI вв. (рис. 1, 9 и рис. 2, 1)³⁴. Можно думать, что крупные пряжки с большой головой птицы возникли на Дунае у гепидов в условиях контакта с ювелирным ремеслом остроготов Италии. В течение первой половины VI в. они были заимствованы населением Боспора и юго-западного Крыма. Помимо общего сходства типов, на крымских изделиях есть пережиточные дунайские черты. Так, на тыльной стороне шипа одной из керченских пряжек (рис. 1, 4) помещена маленькая головка птицы, обычная для западных пряжек второй половины V — начала VI в.³⁵ У других керченских пряжек шипы срезаны прямо и у пряжек типа Суук-Су снабжены неразборчивой фигуркой стоящего животного или клюющей птицы. Из пряжек типа Суук-Су ближе всего к гепидским ранний подвариант, впоследствии это сходство уменьшается (рис. 1, 2, и 3). Вероятно, часть ранних погребений Суук-Су восходит ко второй четверти VI в., к периоду контакта с гепидами. Орлиноголовые пряжки и большие фибулы Боспора и юго-западного Крыма характеризуют два параллельных локальных родственных варианта раннесредневековой культуры Крыма, не имеющих один перед другим приоритета.

Еще ярче и определеннее влияние Подунавья на ювелирное ремесло Крыма проявилось на мало изученных больших пряжках с сужающейся назад ромбической обоймой (рис. 3, 1, 2, 9, 10), хорошо датированных комплексами второй половины VI — первой половины VII в. Они выполнены в той же технике, что и южнокрымские пряжки с птичьей головой, сделаны из серебра, иногда со следами позолоты и украшены стеклами, достигая в длину от 17 до 21 см. По деталям декора выделяются два варианта.

Пряжки I варианта (рис. 3, 1—2) украшены в передней части резными изображениями двух склоненных звериных голов на длинных шеях. Очень специфично передан рот с длинной верхней челюстью и с завитком «под подбородком». Четыре пряжки найдены в Артеке (рис. 3, 2) и Суук-Су (рис. 3, 1, при земляных работах), в Чуфут-Кале, в склепе 98 (рис. 3, 7) вместе с обломком пальчатой фибулы днепровского типа и с двойной пряжкой конца VI—начала VII в.³⁶ и в Скалистом (в комплексе из раскопок Е. В. Веймарна). Их орнаментальная схема совершенно чужда югу

³² Аналогии: D. Csallány. Denkmäler, табл. CCXIII, 4, CCLXX, 7, 9.

³³ 1907 г., склеп 78, погребение 1, по сообщению К. М. Скалон. Аналогии: G. Annibaldi, J. Wegner. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta. Germania, 41, т. 2, Berlin, 1963, рис. 7, 1; D. Csallány. Denkmäler, табл. CXCVI, 9 и стр. 333.

³⁴ J. Wegner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, табл. 18, 4—5 и стр. 124; D. Csallány. Denkmäler, табл. CLIX, 3, CCII, 5—6, CCXV, 7, CCXVI, 2.

³⁵ Л. А. Мацулевиц. Серебряная чаша из Керчи, стр. 46, рис. 86; G. Annibaldi, J. Wegner. Grabfunde, табл. 38; 42, 2; 44, 1; 45, 3; 46, 1; 47, 1, 3; рис. 9; в данной статье — рис. 1, 1 и рис. 3, 11.

³⁶ Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов, ч. I, табл. VIII, 2; ч. II, табл. II, 4; В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-кале в Крыму. КСИА, вып. 100, 1965, рис. 44, 7, 9, рис. 45, 5 и стр. 112.

СССР. Зато такие головы во множестве представлены в декоре скандинавских фибул (рис. 3, 4, 8, 12)³⁷. Завиток под мордой зверя изображал высунутый язык. Такие детали пряжек, как поперечная нарезка лент (рис. 3, 2, ср. рис. 3, 12) и внутреннего поля (рис. 3, 1, ср. рис. 3, 8, 12), а главное, нерегулярная насечка или странные завитки по краям узкой части, находят объяснение как крайне неумелая попытка имитировать причудливую и трудно выполнимую звериную орнаментку вещей «I скандинавского стиля». Конец пластины, разделенный на две части и украшенный завитками или группами кружков, — это все, что на большинстве пряжек осталось от излюбленной в скандинавском искусстве выразительной звериной морды с выпуклыми глазами и широкими ноздрями, обычно упирающейся в голову человека или животного (рис. 3, 4, 7, 8).

Первый звериный стиль, северный вариант общегерманского стиля, был распространен только у племен Дании, Норвегии и Швеции, где он сложился с использованием позднепровинциальных прототипов. С начала VI в. он был заимствован ювелирами Англии. Лишь изредка и в фрагментарном виде он применялся на Рейне, в Средней и Южной Германии и у лангобардов Среднего Подунавья. Еще уже область распространения интересующей нас композиции. Хотя она и восходит к вышеупомянутым общеземледельческим представлениям о древе жизни, но в данной интерпретации — ромб с двумя звериными головами на одном острие, крупной головой на другом и припавшими зверями по краям — она применялась лишь в Скандинавии, Англии и редко (и упрощенно) на западе Германии.

Скандинавская орнаментика неизвестна на других типах крымских вещей, она была явно непонятна и чужда квалифицированным ювелирам, сделавшим роскошные крымские пряжки с ромбической обоймой. Откуда же взяли крымские мастера образцы для подражания? В Скандинавии подобных пряжек нет, аналогичная система декора представлена там лишь на ножках фибул I скандинавского стиля (рис. 3, 4, 6, 8, 12). Данных о прямых связях Крыма со Скандинавией пока нет. Из соседних областей только в Подунавье известны отдельные находки фибул северных типов, выполненных в упрощенном I скандинавском стиле, там же нередко местные фибулы с очень схематическими изображениями склоненных голов, а главное, на юге Европы единично встречаются большие пряжки, очень близкие нашим по композиции, но выполненные в прекрасном зверином стиле (рис. 2, 2 и рис. 3, 3; Форли в Италии, Дьюла в Венгрии, Конажев в Польше)³⁸. Они серебряные, позолоченные, со вставками рубинов и алмандинов. Их орнаментика в зверином стиле характерна для первой половины VI в.³⁹, что подтверждается комплексом монетно-вещевогоклада в Конажеве (с серебряной монетой Зенона, 474—491 гг.). Таким образом, крымские ромбические пряжки второй половины VI — первой половины VII в. были подражаниями более ранним дунайским (готогепидским, как считают исследователи) пряжкам типа Форли—Дьюла.

Декор крымских пряжек впервые связал со скандинавской орнаментикой Б. Салин в 1904 г. Позднее Х. Арбман нарисовал широкую картину связей между искусством Скандинавии и Среднего Подунавья⁴⁰. Если венгерские археологи до сих пор считают, что пряжки типа Дьюла были

³⁷ B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, рис. 518, 519, 636 и др.

³⁸ N. A. Alfieri, P. E. Arias, G. Bermond Montanari, M. Degani, G. A. Mansuelli, R. Pincelli. Ori e argenti dell'Emilia antika. Bologna, 1958; D. Csallány. Denkmäler, табл. CXCII, 2; K. Jazdżewski. Przewodnik po Muzeum archeologicznym w Łodzi. Łódź, 1951, стр. 114—115 и табл. 26, 12.

³⁹ B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, рис. 134, 518, 519 и стр. 355; E. Bakka. On the Beginning of Salin's Style 1 in England. Bergen, 1958, стр. 60, 62, 64.

⁴⁰ B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, стр. 361, 362; H. Arbman. Stildrag i folkvandringstidens Konst. Fornvännen, t. 40. Stockholm, 1945, стр. 88—101.

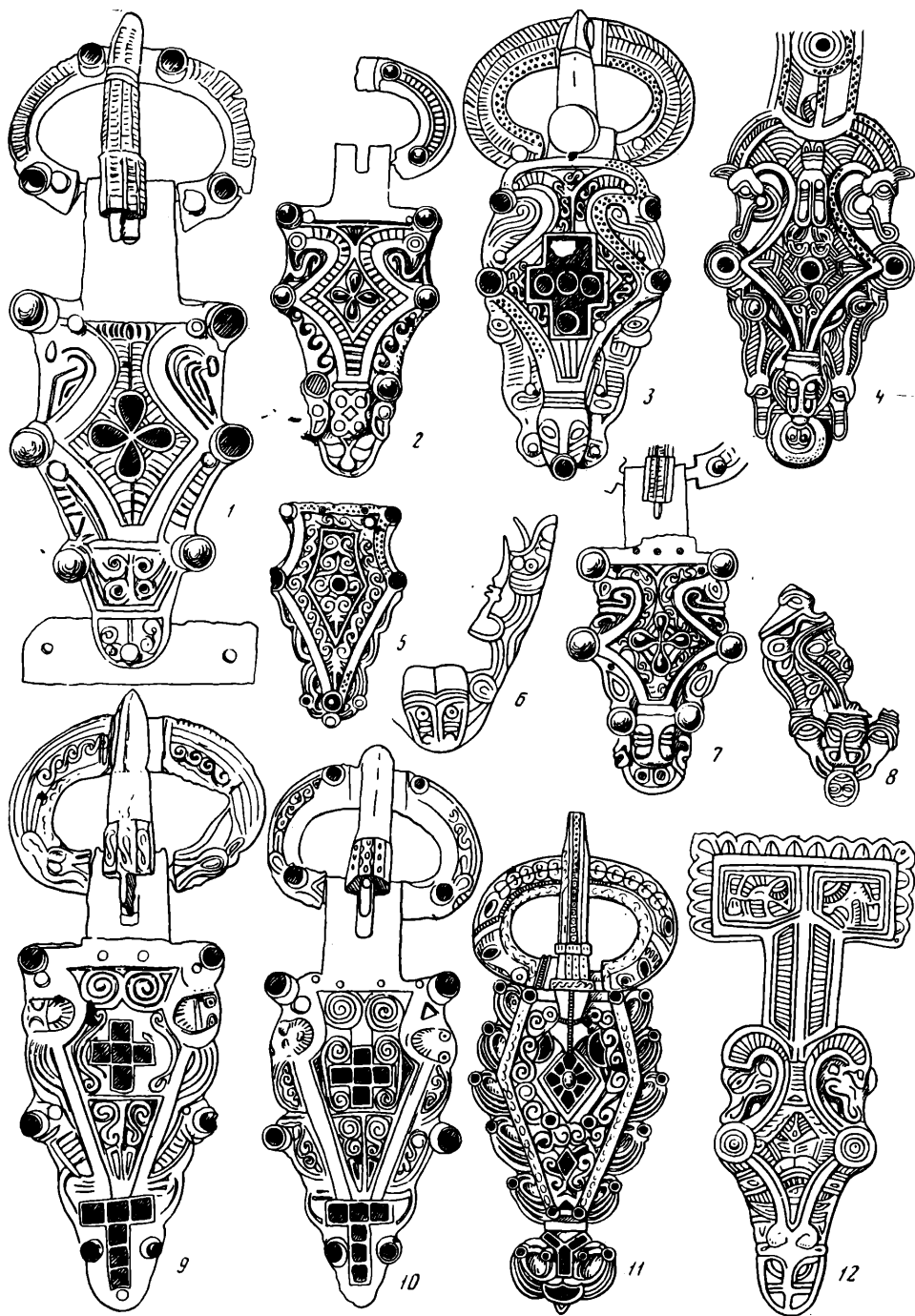

Рис. 3. Ромбические пряжки и их аналоги:

1, 9 — Суук-Су; 2 — Артек; 3 — Форли, Италия; 4 — Ведstrup, Дания; 5 — Садовско-Кале, Болгария; 6 — Бифрова, Англия; 7, 10 — Чуфут-Кале; 8 — Норвегия; 11 — Венгрия; 12 — Бессунген ок. Дармштадта. ФРГ; 1—3, 5, 7, 9—11 — пряжки; 4, 6, 8, 12 — фибулы (4, 6, 8 — детали). По Н. И. Репникову, В. В. Кропоткину, Б. Салину, И. Велкову, Э. Бакка, Н. Алфиери и др. Масштабы различные

изготовлены из обломков северных фибул⁴¹, то Х. Арбман убедительно включил их в большую группу резных ромбических пряжек Подунавья (рис. 2, 2 и рис. 3, 11) и связал появление на них северного орнамента со скандинавским влиянием. В правоте Х. Арбмана убеждает детальное сопоставление имеющихся материалов. Крымских пряжек он коснулся лишь вкратце, отметив их позднюю форму, очень искаженный северный орнамент и назвав их «последним отзвуком» скандинавского художественного влияния VI в. Вывод о скандинавском прототипе декора крымских пряжек и о роли Подунавья в его заимствовании был получен мною, исходя из местных материалов. Лишь позднее, когда работа была вчерне закончена, мне стали известны мнения Б. Салина и Х. Арбмана. Правоту этих исследователей подтверждает весь непрерывно увеличивающийся фактический материал, как, например, найденная при раскопках Е. В. Веймарна в Скалистом еще неопубликованная пряжка, на которой довольно разборчивый звериный орнамент типа I скандинавского стиля причудливо сочетается с фигурами двух клюющих птиц дунайского типа⁴².

Пряжки II варианта (рис. 2, 2, рис. 3, 9, 10) отличаются расположенными с боков обоймы рядами фестонов, заполнением середины щитка спиральным орнаментом и схематической головкой животного с плоской Т-образной инкрустацией, передающей переносицу и надбровные дуги. Возможно, и здесь были склоненные вниз головы животных, но если на одной из пряжек I варианта (рис. 3, 2) они переосмыслены как головы птиц, то на пряжках II варианта трансформация зашла еще дальше, и по бокам пластины вычеканены бородатые человеческие лица. Три пряжки найдены в Суук-Су (рис. 3, 9), Артеке и в склепе № 7 в Чуфут-Кале (рис. 3, 10, вместе с орлиноголовой пряжкой типа рис. 1, 3)⁴³. Бороздчатые фестоны с боков указывают на прототип этих пряжек — роскошные ромбические пряжки Дуная и Северной Италии, украшенные по краям рядами птичьих голов на длинных бороздчатых шеях, а на узком конце инкрустированной головкой зверя (рис. 3, 11). Дата дунайских пряжек — вторая половина V в., они принадлежали остроготам, гепидам и другим народам, жившим в это время на Среднем Дунае⁴⁴. Их развитие не прекратилось и позже, судя по серебряной пряжке из клада, зарытого на рубеже VI—VII вв. в крепости Садовско-Кале в Болгарии (рис. 3, 5)⁴⁵. Южнокрымские пряжки II варианта — очень схематизированные подражания более древним дунайским прототипам.

Тесные связи Крыма с Подунавьем не случайны. В V—VI вв. Среднее Подунавье было важным историческим центром. Жившие там гунны, готы, гепиды сосредоточивали в своих руках огромные богатства, привлекали на службу разноплеменных ювелиров. На территории захваченных ими у Рима Паннонии и Дакии еще сказывались провинциально-римские традиции. Большую роль играло соседство византийских провинций за Дунаем. Возникшая в Среднем Подунавье мода распространилась в V—VI вв. не только на Крым, но и на Северную Италию, Францию и Испанию, ее отзвуки достигли Прибалтики, Скандинавии, Кавказа и Приуралья. Говоря об этом, следует учитывать специфику эпохи. Ведь ювелирные

⁴¹ N. Feticch. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Budapest, 1951, стр. 153; D. Csallány. Gepiden, стр. 114, 278.

⁴² Аналогии: B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, рис. 63; G. Annibaldi, J. Werner. Grabfunde, табл. 45, 3 и 46, 1; А. К. Амброз. Раннеземледельческий символ, рис. 7, 3.

⁴³ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских гот, ч. I, стр. 70, рис. 42 и табл. VIII, 6; В. В. Кропоткин. К истории средневекового Крыма, стр. 207 и рис. 3, 1.

⁴⁴ J. Werner. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935, стр. 32, 33; G. Annibaldi, J. Werner. Grabfunde, табл. 37—39; 42, 44, 1; 45, 3; 46, 1; 47, 1, 4, карта рис. 8.

⁴⁵ I. Welkow. Eine Gotenfestung bei Sadowetz. Germania, т. 19, вып. 2. Berlin, 1935, табл. 18, 2.

изделия не были тогда предметом рыночной торговли у варваров: они изготовлялись на заказ и переходили к новым владельцам как подарок, военная добыча или приданое⁴⁶. Поэтому довольно частые находки на Боспоре гепидских украшений — показатель личных контактов между боспорцами и гепидами, возможно даже свидетельство брачных союзов боспорцев со знатью могущественного гепидского королевства. Подобные политические браки между удаленными друг от друга народами хорошо известны по письменным данным VI в. Изготовление в Крыму местных украшений по дунайским образцам объяснимо не только копированием попадавших сюда западных вещей, но и влиянием зафиксированных для этой эпохи странствующих мастеров⁴⁷.

Эти связи облегчались языковым родством части крымского населения с гепидами, поскольку письменные источники середины VI в. многократно говорят о существовании в Крыму и на Тамани двух небольших групп остроготов. Письменные данные о готах в Крыму настолько ясны и многочисленны⁴⁸, что они не вызывают у историков сомнения. Естественно, что первые же открытые в Крыму памятники, имевшие близкие соответствия в древностях готов на западе, были связаны исследователями с этими крымскими готами (Ж. де Бай, Н. И. Репников, А. Гетце, Н. Оберг, Л. А. Мацулевич и др.). Лишь в последнее десятилетие некоторые исследователи стали относить их к аланам, а мнение о готской принадлежности считать «устаревшим» и «антиисторичным»⁴⁹. Действительно, судя по данным археологии, антропологическое и культурное смешение готов с местным населением зашло далеко⁵⁰. Однако на примере тюркоязычных народов Сибири, Поволжья, Кавказа, Средней и Малой Азии особенно ярко видно, что в средние века язык пришельцев часто сохранялся при сильном изменении их антропологического облика и материальной культуры под влиянием субстрата. И если для многих археологических культур неизвестен язык их носителей, то крымские готы являются исключением. Писавшие о них византийские авторы хорошо знали готов по личным контактам, кроме того, множество готов служило тогда в византийской армии и при дворе. Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст, часто упоминавший крымских готов в своей переписке, был связан с ними дружбой. Прокопий не только много лет участвовал в войне против готов в Италии, будучи секретарем Велитария, но его слова о таманских готах-тетракситах: «Принадлежали ли эти готы когда-либо к арианскому вероисповеданию... этого я сказать не могу, так как и сами они этого не знают, да и не задумывались над этим»⁵¹ — можно объяснить его личным знакомством с тетракситами или информацией от хорошо знавшего их человека. Для византийских писателей VI в. готы не были отвлеченным книжным понятием, поэтому нет никаких оснований относить византийские сообщения о крымских готах к аланам.

По письменным данным, готы четко локализируются в юго-западном Крыму («страна Дори») и к востоку от Керченского пролива, на территории Азиатского Боспора (тетракситы). До середины V в. тетракситы жили на Керченском полуострове, где «начало устья Меотийского болота... образует залив в виде полумесяца»⁵², и отступили к востоку по договору с гуннами. Уже говорилось, что культура обеих областей имела сильную местную окраску, но среди окрестных народов крымские готы ярко выделялись

⁴⁶ J. Wegner. Die Fibeln der Sammlung Diegardt. Berlin, 1961, стр. 8.

⁴⁷ Там же. стр. 7, 8; Е. Вакка. On the Beginning, стр. 20, 28—30, 59.

⁴⁸ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. I. ИРАИМК, т. I, Пг., 1921; ч. II, ИГАИМК, т. V, Л., 1927.

⁴⁹ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, стр. 9, 15, 152, 154, 155.

⁵⁰ В. В. Кропоткин. Могилиник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 3, стр. 187—194; он же. Могилиник Чуфут-Кале в Крыму, стр. 115.

⁵¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 384.

⁵² Там же, стр. 387.

своими тесными связями с далекими германскими областями на Дунае и в Италии. Рассмотренный здесь набор женских украшений (пара больших фибул на плечах и широкий пояс с пряжкой на талии) иногда ошибочно считают «интернациональным»⁵³. Это не так: в полном комплексе он употреблялся лишь у готов Италии, Испании, Крыма и у гепидов (сложившись в V в. в Подунавье и оттуда распространившись у этих близко родственных групп населения). А обычай погребать женщин в этом праздничном уборе был только у готов (Крым, Италия и Испания⁵⁴); у других германских племен (даже у гепидов), у алан и славян такого обычая не было. Также чужд Кавказу, всей Восточной Европе и большинству германцев древний готский обычай погребать мужчин без оружия⁵⁵. Следовательно, по таким важным этнографическим признакам, как женский костюм, многие особенности погребального обряда и художественная культура, готы Крыма образовывали как бы два островка на фоне Восточной Европы, и в первую очередь на фоне культур аланского круга.

Особенности готских украшений Крыма хорошо согласуются с различиями в той характеристике готов Дори и тетракситов, которую дают письменные источники. Особенности тетракситов: соседство с городом Боспором, своя епископия, хорошее знание всех событий на Кавказе и в степях, активная внешняя политика (дипломатическое посольство в Константинополь, стравливание кочевников)⁵⁶ — все это рисует общество, довольно развитое в социальном отношении. Не удивительно, что тетракситы могли домогаться родственных связей с могущественным дунайским королевством гепидов (до 536 г. бывшим в дружбе с Византией и разгромленным аварами в 576 г.). Готы Дори — искусные земледельцы, обрабатывающие поля «собственными руками», избегающие городской жизни, сохранившие патриархальную гостеприимность, «превосходные» как воины (в чем, вероятно, сказались воинские традиции позднеродовой демократии), исправно выставлявшие византийцам вспомогательный трехтысячный отряд, но пассивные в политическом отношении⁵⁷ (Прокопий упомянул их лишь в связи с постройками Юстиниана в их земле, остальные упоминания относятся уже к более позднему времени, когда в Дори углубилась феодализация). Украшения готов Дори очень крупные, из плохого серебра, богато украшенные алмадинами и стеклом, очень однородные по виду и по качеству, хотя и сделанные индивидуально и очень тщательно; в могилах есть и немного золота. Такие украшения типичны для слабо дифференцированного общества, состоявшего из свободных зажиточных земледельцев типа северных бондов. Украшения тетракситских типов из некрополя Боспора очень различны по ценности: по одной и той же бегло выполненной модели отливались и украшения из плохого серебра с алмадинами, и бронзовые без камней. Это изделия хотя и примитивного, но городского ремесла, рассчитанные на довольно большой сбыт и на заказчиков с различным имущественным положением. К сожалению, пока неизвестны драгоценные украшения боспорской знати VI в., хотя они, вероятно, были. Указанные совпадения в показаниях письменных и археологических источников подтверждают, что мы имеем дело с памятниками двух описанных Прокопием групп готов.

⁵³ M. R u s u. Gürtelschnallen, стр. 518, 519.

⁵⁴ J. W e r n e r. Die archäologische Zeugnisse der Goten in Südrussland, Ungarn, Italien und Spanien. I Goti in Occidente. Spoleto, 1957, стр. 127—130; он же. Fibeln, стр. 5.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 384, 385, 387, 434, 435; А. А. Васильев. Готы, стр. 289, 300—309, 329—344 (истолкование «тетракситов» как «трапезитов» не убедительно: более вероятно, что восточнокрымская группа готов существовала уже в IV—V вв.).

⁵⁷ Прокопий Кесарийский. О постройках. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249, 250; А. А. Васильев. Готы, стр. 309—329.

Не может служить аргументом в пользу аланской принадлежности рассмотренных памятников убеждение некоторых исследователей в том, что обилие в костюме орнаментированных металлических украшений — показатель такого высокого уровня культуры, которого, по их мнению, не могли бы достигнуть «малочисленные» и «отсталые» готы⁵⁸. На самом деле обилие недорогих металлических украшений характерно именно для позднеродовых обществ, основу которых, как и у готов, составляли свободные зажиточные земледельцы. Напротив, костюм рядовых горожан был беден металлическими украшениями. Достаточно сравнить набор украшений византийского Херсона и финно-угров Оки и Приуралья, чтобы понять это.

Итак, тезис о готах в Крыму не только базируется на давно установленных, общеизвестных фактах, но и получает новые подтверждения. Невозможно отрицать, что в истории Крыма действительно был непродолжительный период, когда готы «были самыми сильными из всех тамошних варваров»⁵⁹, особенно оседлых. Однако археология вносит существенные коррективы в показания письменных источников VI в., которые, много говоря о готах и гуннах в Крыму, фактически умалчивают о коренном населении. Раннесредневековая культура Боспора и юго-западного Крыма предстает как сложная смесь разноэтнических элементов⁶⁰ (что вообще характерно для южной Европы того времени), среди которых готские элементы еще вполне сохранили в V—VII вв. свою жизнеспособность и наряду с другими придавали столь своеобразную окраску общему целому. Актуальная задача современного исследования — путем детального анализа различить памятники разных этнических групп оседлого населения Крыма V—VI вв. Но уже сейчас ясно, что готы в Крыму остались как бы двумя этнографическими островками, не оказавшими существенного влияния на культуру соседних народов (славян, алан, болгар и др.). Какое-то время они сохраняли этническое своеобразие и, возможно, даже ассимилировали отдельные группы местного населения, но в конце концов полностью растворились в местной этнической среде, разделив судьбу готов в Болгарии, Италии и Испании⁶¹.

Исчезновение больших рельефных пряжек и фибул в первой половине VII в. нет оснований связывать с нашествием хазар. Это явление общее для всей Европы и объясняется изменением моды.

⁵⁸ M. Rusu. Gürtelschnallen, стр. 517; ср. Э. А. Симонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, № 4, стр. 150.

⁵⁹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 387.

⁶⁰ В. В. Кропоткин. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение; он же. Могильник Чуфут-Кале в Крыму, стр. 115.

⁶¹ В фондах Одесского археологического музея имеются три фибулы и пряжка дунайских типов. Одна фибула аналогична изображенной на рис. 1, 12 (ОГАМ, А48195, беспаспортна). Пара серебряных, позолоченных, соединенных цепочкой пальчатых фибул, купленных в Керчи (ОГАМ, А46331/2, длина 7,5 см), по-видимому, также западного происхождения. Типологически промежуточное положение между дунайскими (рис. 1, 1, 5) и боспорскими (рис. 1, 4, 7) орлиноголовыми пряжками по пропорциям и декору занимают две западные пряжки: одна якобы из Ольвии (ОГАМ, 9295, серебро с камнями, узор в виде вьющегося побега, середина припаяна снизу; неточно воспроизведена: В. Póst a. Archäologische Studien auf russischem Boden, Bd. II. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 455 и рис. 252, 11; M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen, стр. 496 и рис. 8, 3), вторая — из византийской крепости Ятрус в Болгарии (G. G o m o l k a. Katalog der Kleinfunde. Klio, Jg. 47. Berlin, 1966, стр. 301 и табл. X, 72, бронза).

В. В. СЕДОВ

ЯТВЯЖСКОЕ ПЛЕМЯ ДЕЙНОВА

Местоположение одной из земель Литовского государства XIII в. — Дейновы до сих пор остается неопределенным. Упоминания Дейновы (Depowe) в древних письменных документах (грамота Миндовга середины XIII в., западнорусские летописи) не дают возможностей для определенной локализации этой земли. Известный исследователь литовской старины Т. Нарбутт, исходя из местоположения современного селения Дейновы (западнее г. Лиды Гродненской области), где, по преданиям, находилась столица Дейновского княжества, завоеванного Литвой, помещал Дейновскую землю на южной окраине древнего Литовского государства¹. По предположению этого исследователя, Дейновская земля граничила с Гродненским княжеством по р. Котре.

Мнение Т. Нарбутта разделяли польский историк И. Ярошевич², автор статьи «Примечательнейшие древности в Виленской губернии»³, Э. А. Вольтер⁴ и др. Распространение предания о Дейновском княжестве среди старожилов села Дейновы отметил также Ф. В. Покровский⁵. В том же районе локализовал Дейновскую землю Н. П. Барсов. На основе картографии населенных пунктов, сохранивших древнее областное название (Дейнова, Дайнова, Дойновка, Дайнувка, Дайнишки), Н. П. Барсов полагал, что Дейновская земля находилась в междуречье верхнего Немана и Вилии по притокам Немана — Меречанке, Дитве и Жижме⁶.

Польский историк Г. Ловмянский предпринял попытку локализации Дейновы исключительно на материалах грамоты Миндовга 1259 г., в которой названы волости этой земли. Полагая, что Сентане — это теперешняя Швейтайнен к юго-западу от Марграбова, Дерней — Дзярнов к востоку от озера Селмент и Кресмен — современный Кресмен к северо-западу от Райгорода, исследователь считает, что в XIII в. Дейновская земля находилась между Мазурскими озерами и р. Бебжей, являясь южной частью

¹ Т. Narbutt. Dzieje narodu litewskiego, t. VII. Wilno, 1840, приложения, стр. 70.

² I. Iagoszewicz. Obras Litwy pod wzgledem jej cywilizacyi. Część 1. Wilno. 1844, стр. 27.

³ «Памятная книжка Виленской губернии на 1851 г.». Вильно, 1851, ч. II, стр. 104—111.

⁴ Э. А. Вольтер. Дейнова. Энциклопедический словарь Брокгауза, т. X. СПб., 1893, стр. 296.

⁵ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. Вильно, 1893, стр. 94, 95.

⁶ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 237.

Судовии⁷. В работах последних лет точка зрения Г. Ловмянского получила широкое признание⁸.

А. Каминский в монографии, посвященной ятвягам, считает, что Дейнова тождественна с Ятвягией. Дейнова, по мнению А. Каминского, литовское название ятвягов, чем и объясняется распространенность значительной части топонимов типа «Дейнова» в пограничье между Литвой и Русью. Вместе с тем польский историк допускает, что Дейнова не только литовское определение земли ятвягов, но и название одной из ятвяжских волостей, пограничных с Литвой⁹.

Исследователи, занимавшиеся локализацией Дейновской земли, до сих пор не пользовались археологическими источниками. Между тем, именно археологические материалы в совокупности с данными топонимики позволяют наметить ареал древней Дейновы вполне определенно.

Картография всех известных топонимов, производных от «Дейновы», отчетливо выявляет основную область их распространения — часть междуречья Вилии и Верхнего Немана (рис. 4). Здесь сконцентрировано 80% всех географических названий этого типа. За пределами междуречья топонимы типа «Дейновы» немногочисленны и весьма разбросанны. В собственно ятвяжской земле XIII в. и в пограничье ятвягов с галиндами и мазовшанами известно семь названий типа Данова, Дановка, Дановски. Связаны ли они происхождением своим с Дейновой или имеют иную этимологию — сказать трудно.

Почти все топонимы типа «Дейнова» находятся в западнобалтском (ятвяжском) гидронимическом ареале, занимая северо-восточную часть его (рис. 4). Каменные курганы ятвяжского облика в междуречье Вилии и верхнего Немана известны с середины I тысячелетия н. э., что наряду с гидронимикой исключает предположение о сравнительно позднем (в раннем средневековье) заселении этого края западнобалтским населением¹⁰. Каменные курганы правобережной части Верхнего Понеманья, несомненно, являются памятниками ятвяжского населения. Топонимические данные, наряду с отмеченными выше легендами о существовании здесь Дейновского княжества, позволяют высказать предположение о принадлежности этих погребальных сооружений северо-восточной группе ятвяжских племен — Дейнове.

Анализ материалов каменных курганов Вилийско-Неманского междуречья не выявляет существенных различий между ними и ятвяжскими курганами Сувалкии¹¹. Обнаруживаемые различия носят второстепенный характер. Так, сувалкские курганы отличаются от каменных курганов Верхнего Понеманья своими пропорциями — первые обычно ниже вторых, но диаметр их больше верхненеманских погребальных насыпей. В верхненеманских каменных курганах реже встречаются урновые захоронения по сравнению с сувалкскими. Наконец, в каменных курганах правобережной части Верхнего Понеманья сравнительно часто встречаются вещевые находки, часть которых имеет аналогии в восточнолитовских курганах, в то время как сувалкские курганы ятвягов второй половины I тысячелетия н. э., как правило, лишены вещевого материала. Однако подмеченные раз-

⁷ H. Lowmiański. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. t. 2, Wilno, 1932, стр. 39, 44.

⁸ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 80, 81, 100—103; В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 29 и карта I; J. Nalepa. Jaćwiegowie. Białystok, 1964, стр. 46 и карта.

⁹ А. Каминский. Jaćwieg. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953, стр. 32—36, 80—86.

¹⁰ В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, № 4, стр. 36—51.

¹¹ Анализ погребальных обрядов и вещевого материала ятвяжских каменных курганов Сувалкии, Верхнего Понеманья и Среднего Побужья (В. В. Седов. Указ. соч.).

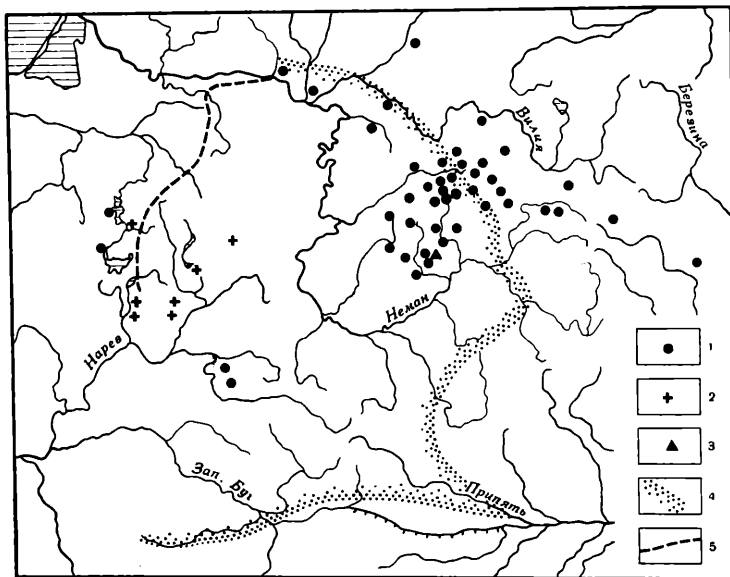

Рис. 4. Карта распространения топонимов типа «Дейнова»:

1 — топонимы Дейнова, Дейновка, Дейновщина, Дайнова, Дайновка, Дайновская; 2 — топонимы Данова, Дановка, Дановски; 3 — местоположение столицы Дейновского княжества (по преданиям); 4 — северная, восточная и южная границы расселения ятвяжских племен (по данным гидронимии и археологии); 5 — ятвяжско-прусская и ятвяжско-галиндская границы (по А. Каминскому)

личия еще не дают оснований для выделения немано-вилийских каменных курганов в особую ятвяжскую группу памятников.

Более существенным признаком является самостоятельное для района концентрации топонимов типа «Дейнова» развитие погребальных памятников во II тысячелетии н. э. Как известно, обряд погребения в каменных курганах у верхненеманских ятвягов бытовал до XII—XIII столетий. В конце XII и в XIII в. в междуречье верхнего Немана и Вилии на смену каменным курганам приходят каменные могилы. В отличие от курганных сооружений последние не имеют поверхностных насыпей. На поверхности каменные могилы рассматриваемой территории имеют плоскую вымостку из булыжного камня в виде круга, овала или четырехугольника. Часто с одной (западной) или двух (западной и восточной) сторон таких могил положено по весьма крупному камню.

Первые раскопочные исследования каменных могил Верхнего Понеманья были произведены в 80—90-х годах прошлого столетия местным краеведом В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером. В 1903—1906 гг. В. А. Шукевич продолжил раскопки этих памятников¹². Всего было раскопано свыше 400 каменных могил, материалы которых до сих пор являются основным источником в изучении этих памятников¹³.

¹² ОАК за 1882—1888 г., стр. СССXXX; ОАК за 1889 г., стр. 52, 53; «Археологические раскопки в Лидском и Трокском уездах». «Правительственный вестник», 1889, № 185; Реферат В. А. Шукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. («Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС». Вильна, 1893, стр. 99, 100); W. Szukiewicz. Kurhany kamienne w pow. Lidzkim (gub. Wileńska). Światowit, t. 1, 1899, стр. 35—45; Архив ИА АН СССР, д. АК № 1888/130, 1890/130, 1894/90, 1906/27.

¹³ Кроме того, единичные каменные могилы раскапывались С. Глогером, Ф. В. Покровским (Ф. В. Покровский. Указ. соч., стр. 25, 26), П. С. Рыковым (П. С. Рыков. Могильник близ имения Маркененты. «Записки Северо-Западного отделения РГО», кн. 4, 1914, стр. 18—22) и Ф. Д. Гуревич (Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 193).

Вскоре по получении сведений о раскопках каменных могил в Верхнем Понеманье ими заинтересовался А. А. Спицын. Погребальные памятники населения Черной Руси в то время еще не были выявлены. Поэтому А. А. Спицын высказал предположение, что каменные могилы, исследованные В. А. Щукевичем и Э. А. Вольтером, «впредь до дальнейших розысканий» можно предположительно отнести к древностям русского населения Черной Руси¹⁴. Последующие археологические работы на территории Черной Руси показали, что погребальные памятники славянского населения здесь отличны от каменных курганов и каменных могил и идентичны восточнославянским курганам Верхнего Поднепровья, Волини и бассейна Западной Двины. Однако исследователи продолжали рассматривать верхненеманские каменные могилы славянскими погребальными памятниками. В монографии, посвященной археологии Белорусского Понеманья, Ф. Д. Гуревич выделила каменные могилы в отдельную группу погребальных памятников, этническая принадлежность которой остается неясной¹⁵. Попытка исследователя рассматривать каменные могилы как древности этнически смешанного населения, в состав которого входили переселенцы из Пруссии и Сувалкии, мазовшане, латыши при преобладании русских, не представляется удачной¹⁶. Такое представление покоится исключительно на анализе вещевых материалов каменных могил Верхнего Понеманья и не учитывает специфики погребальных сооружений.

При характеристике археологических памятников Верхнего Понеманья Ф. Д. Гуревич не обратила внимание на наличие здесь значительной группы каменных курганов. Последние рассматриваются исследователем в числе славянских или восточнолитовских земляных курганов. Между тем, не подлежит сомнению, что каменные могилы вилийско-неманского междуречья и каменные курганы той же территории принадлежат к одной этнической группе населения и первые являются эволюцией вторых. Каменные могилы и каменные курганы часто образуют единые могильники (таковы могильники Сырни, Маркененты, Ст. Село, Карначиха, Козляны, Опановцы, Пузеле, Раки и др.). Имеются переходные формы между этими погребальными памятниками. Иногда весьма трудно, а порой и невозможно вовсе провести грань между каменным курганом и каменной могилой. В ряде случаев каменные могилы имеют кладку из двух ярусов камня общей высотой 0,35—0,40 м. Такую же высоту часто имеют и некоторые погребения, относимые исследователями к курганам. Сложены такие курганы из одного — трех ярусов камней. Крупные валуны с западной (реже с западной и восточной) стороны, такие же, как у каменных могил, встречаются и у курганообразных насыпей, сложенных из камней. По особенностям погребального обряда и вещевому инвентарю поздние каменные курганы ничем не отличаются от круглых и овальных каменных могил раннего периода их бытования. Постепенная эволюция каменных курганов в каменные могилы прослеживается почти во всех исследованных могильниках. Высказанная Ф. Д. Гуревич догадка о переселении в области междуречья Вилии и верхнего Немана мазовецкого населения из польского Подляшья, где имеются подобные каменные могилы, не имеет оснований. В Побужье происходила такая же эволюция каменных курганов в каменные могилы, как и в Верхнем Понеманье¹⁷.

¹⁴ А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, стр. 303—310.

¹⁵ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 135.

¹⁶ Там же, стр. 138—142.

¹⁷ Иногда каменные могилы западных балтов сопоставляются с новгородскими жальниками. Последние заметно отличаются от понеманских могил. Новгородские жальники — это грунтовые погребения, огражденные на поверхности кругом, овалом или четырехугольником из камней, ведущие происхождения от словенских курганных погребений с каменным кольцом в основании. Кроме того, в Новгородской земле извест-

Таким образом, каменные могилы вилийско-неманского междуречья по своему происхождению связаны с ятвяжскими погребальными памятниками — каменными курганами. Территория их распространения обнаруживает ареалы, где в XII—XV вв. сохранилось балтоязычное население, причем не литовское, а ятвяжское.

Погребения в каменных могилах совершались по обряду ингумации¹⁸. Ориентировка умерших — по преимуществу западная. В могильниках Вензовщизна, Рудня и Саланицышки отмечены случаи восточной ориентировки, а в могильниках Ольшаны и Пузеле три погребения имели меридиональную ориентировку.

Вещевой материал каменных курганов с труположениями и каменных могил междуречья Вилии и Немане однотипен. Обычной находкой в женских захоронениях являются остатки головных венчиков, состоящих из разнообразных тисненых бляшек, окаймленных мелкими стеклянными бусами. К украшениям головы принадлежат также трехбусинные и перстнеобразные височные кольца с заходящими концами. В поздних погребениях на их смену появляются серьги в виде вопросительного знака, в русских древностях относящиеся к XIV—XV вв., и серьги, состоящие из проволочного кольца небольшого диаметра, к которому привешаны проволочные дротники с надетыми бусами. Шейные украшения не были характерны для населения, оставившего каменные курганы. Бусы встречены лишь в немногих погребениях. Они стеклянные или пастовые небольших размеров. В состав ожерелий также входили бронзовые спиральки, раковины каури и бубенчики. Набор нагрудных привесок невелик — ключики, бубенчики, крестики.

Довольно частыми находками в каменных курганах являются подковообразные застезки со стилизованными головками животных, браслеты (преобладают пластинчатые) и перстни.

Мужские погребения каменных могил отличаются от славянских курганных захоронений распространенностью оружия. Обычной находкой при мужских труположениях являются топоры и копья. К оружию могут быть отнесены также некоторые ножи. Изредка встречаются сабли и шпоры. В числе других предметов, происходящих из мужских погребений, находят овалы и В-образные кресала, оселки, пряжки и перстни.

Большая часть украшений из каменных могил Понеманья имеет аналогии среди восточнославянских древностей. Несомненно, что древнерусская культура оказала большое влияние на культуру населения, оставившего каменные могилы. Вместе с тем анализ вещевого инвентаря обнаруживает и специфические отличия рассматриваемых памятников. Таковыми являются массовое распространение оружия в мужских захоронениях, своеобразный тип женского головного венчика, наличие некоторых украшений, распространенных почти исключительно у балтоязычных племен (спиральные браслеты, ромбовидные привески с ушком, спиральки, пряжки со стилизованными звериными головками, пряжки прямоугольные с вогнутыми боками и окружные — с прямой рамкой).

Рассматриваемые каменные могилы сосредоточены в тех районах междуречья Вилии и Немана, где обнаруживается концентрация топонимов типа «Дейнова» и где, согласно преданиям, находилось Дейновское княжество (рис. 5). Этот факт и бесспорно ятвяжское происхождение верхненеманских каменных могил дают основание полагать, что рассматриваемые памятники оставлены той группой ятвягов, которая называлась дейновой.

ны единичные каменные могилы, аналогичные неманско-бужским, которые безусловно связаны с прусско-ятвяжской группой балтов.

¹⁸ Исключением являются каменные могилы в Маркенттах, где были открыты трупосожжения (П. С. Рыков. Указ. соч., стр. 20—22).

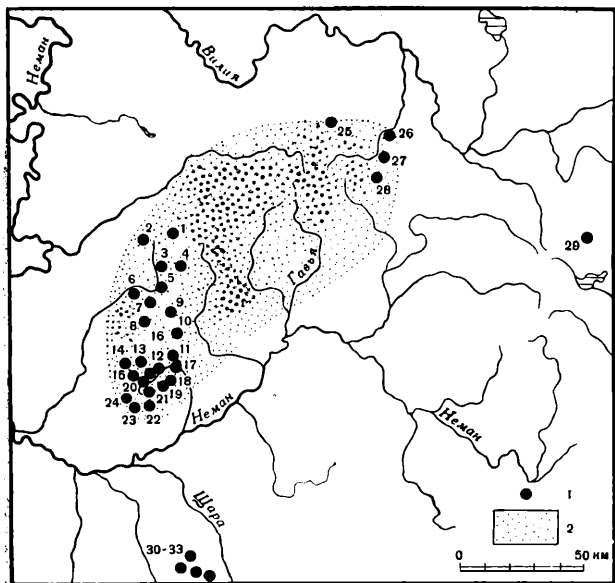

Рис. 5. Карта распространения каменных могил Верхнего Понеманья (древности Дейновы XIII—XV вв.):

1 — каменные могилы; 2 — ареал концентрации топонимов типа «Дейнова»; 1 — Церемец; 2 — Ульбины; 3 — Киюце; 4 — Салвянцшишки (?); 5 — Пузеле; 6 — Раки; 7 — Верки; 8 — Уланы; 9 — Козяны; 10 — Шлавенце; 11 — Концовщина; 12 — Вензовщина; 13 — Ганелки; 14 — Собакинцы; 15 — Дворчане; 16 — Вереби; 17 — Глушня; 18 — Тоболич; 19 — Угольники; 20 — Мацки; 21 — Сырни; 22 — Кульбачин; 23 — Дунич — Могилцы; 24 — Опановцы; 25 — Полянки; 26 — Ольшаны; 27 — Скуратов (?); 28 — Маркенты; 29 — Хотенцицы; 30—33 — Красница, Старое Село, Ивашкевичи, Клепачи

При обследовании говоров населения Верхнего Понеманья зафиксирован случай, когда местное население, ныне говорящее на литовском языке, но сохранившее в языке явные признаки своего западнобалтского происхождения, называло себя дайновой¹⁹. В связи с этим предположение, что в древности Дейновой называлась не только территория (земля), но и одно из ятвяжских племен, расселившееся в части Немано-Вилийского междуречья и по имени которого была названа область, представляется очень вероятным. Недавно на основе лингвистических изысканий в аналогичному заключению пришел польский исследователь Е. Налепя. Он полагает, что дейнова наряду с ятвягами, судинами и полексянами были отдельными ятвяжскими племенами и входили в состав союза племен, образованного собственно ятвягами, давшими название всему союзу²⁰.

Если это так, становится понятным, почему литовцы называли всех ятвягов дейновой. Так называлось одно из ятвяжских племен, которое длительное время соседило с литовскими племенами. Из всех ятвяжских племен литовцы знали только дейнову, название этого племени было распространено ими на все ятвяжские племена. Аналогичный случай имел место у латышских племен, которые соседили с одним из славянских племен — кривичами, и до сих пор латыши всех русских называют «krievs».

Известия письменных источников о Дейнове не противоречат предлагаемому выводу. Текст западнорусской летописи свидетельствует о Ятвя-

¹⁹ Э. А. Вольтер. Следы древних прусов и их языка в Гродненской губернии. «Изв. отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XVI, кн. 4. СПб., 1912, стр. 159. Об ятвяжском происхождении этого населения см. статью Я. С. Огремского «Язык ятвягов» («Вопросы славянского языкознания», вып. 5. М., 1961, стр. 3—8).

²⁰ J. Nalępa. Указ. соч., стр. 46.

гии и Дейнове как о различных землях Литовского государства²¹. В грамоте Миндовга 1259 г., по-видимому, речь идет не о Дейнове Вильяско-Неманского междуречья, а о Сувалкской Ятвягии. В этой грамоте названа Дейнова, называемая также Ятвягией («Depowe tota quam etiam quidam Jetwesen vocant...»). Для литовцев Сувалкская Ятвягия ведь тоже была Дейновой, но в отличие от собственно Дейновской земли, называемой также Ятвягией.

²¹ Тройден назван князем Ятвяжским и Дейновским (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 238). При идентичности понятий Ятвягия и Дейнова это не имело бы смысла.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИИ ГОРОДЦА НА ВОЛГЕ

Первые археологические исследования в Городце на Волге в 1960 г. позволили существенно дополнить страницы его летописной истории, уточнить время основания города и его оборонительных сооружений, выяснить характер первоначальной застройки, облик материальной культуры и наличие развитого ремесла, связанного с обработкой железа и цветных металлов. Раскопки на трех разных участках города показали, что две угольные прослойки пожаров 1238 и 1408 гг. делят культурный слой (35—60 см) на три слоя, соответствующих трем периодам его летописной истории¹.

Целью раскопок 1962 г.² было выяснение времени и характера застройки разных участков детинца и посада, социального состава населения и рода их хозяйственной деятельности. Производились обмеры валов и рвов. Результаты раскопок дали новые материалы, свидетельствующие о широком развитии ремесленного производства в Городце накануне монгольского нашествия.

Раскопки внутри детинца (раскоп IV и шурф на Кузнецкой улице) подтвердили, что Городец был основан во второй половине XII в. и первоначальные укрепления его детинца состояли из деревянного оплота и острога (частокола) с напольной стороны³ (рис. 9, Д, Е).

На раскопе IV стратиграфия наслоений точно такая же, как и на раскопе II (1960 г.) на Волжской улице: три слоя расчленены двумя угольными прослойками пожаров 1238 и 1408 гг.

В верхнем слое толщиной около 20 см были и поздние и древние вещи, попавшие сюда в результате перепашки.

В среднем слое толщиной 15—20 см было много черепков сероглиняной посуды, меньше белоглиняной и красноглиняной; два пробоя дверных (рис. 6, 1), девять стеклянных браслетов и две бусины (рис. 7, 6) и характерные для XII—XIV вв.⁴ железные трубчатые замки (рис. 8, 8).

¹ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. Культура древней Руси. М., 1966, стр. 158—167; он же. Первые раскопки в Городце на Волге. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 73—85; он же. О новгородских гривнах серебра. СА, 1963, № 2, стр. 116—119.

² Раскопки проводились Горьковским историко-архитектурным музеем-заповедником под руководством автора и научного сотрудника Горьковского музея В. Ф. Черникова.

³ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге, стр. 162.

⁴ Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 170 (второй вариант) и 172.

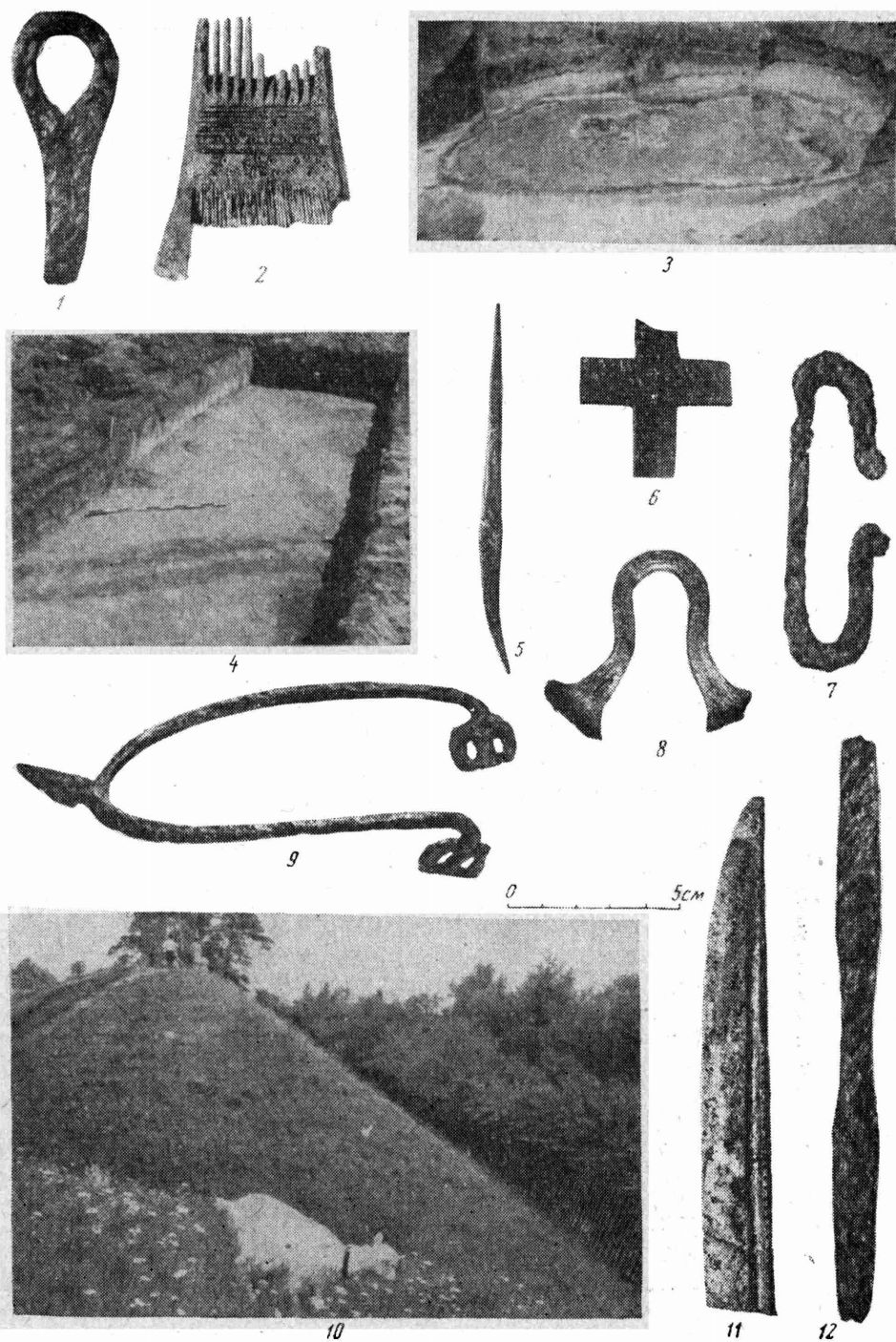

Рис. 6. Раскопки Городца на Волге.

1 — пробой дверной; 2 — гребень костяной; 3 — пятно полуземляночной постройки № 3; 4 — следы наземной деревянной постройки; 5 — шило железное; 6 — крестик каменный; 7 — кресало железное; 8 — ушко медное от котла; 9 — шнор железная; 10 — вал окольного города; 11 — нож с чеканным орнаментом; 12 — инструмент железный с заостренными концами

шпора с пирамидальным шипом (рис. 6, 9), типичная для XII—XIII вв.⁵, шпингалет (рис. 8, 1), игла сапожная (рис. 7, 11), шило (рис. 6, 5), нож (рис. 8, 5), кресало овальное (рис. 8, 3), скобы (рис. 8, 10), звено цепи (рис. 8, 13), бронзовые пластинка, крестик пластинчатый с заклепкой, бубенчик (рис. 7, 8) и перстень-печать с изображением кисти руки (рис. 7, 9), костяной ножицек (рис. 7, 12), каменные бруски и нательный крестик (рис. 6, 6), глиняные шарик (рис. 7, 19), пряслице (рис. 7, 23), грузило (рис. 8, 16) и яйцевидная погремушка (рис. 8, 17).

В древнейшем (нижнем) слое толщиной 5—12 см много угля и золы от пожара 1238 г., сравнительно мало черепков сероглиняной керамики и несколько черепков красноглиняных киевских амфор, характерных для XII и первой половины XIII вв. В слое найдены: гребень костяной трапециевидный (рис. 6, 2), типичный для XII и первой половины XIII в., стеклянные зонная голубая бусина (рис. 7, 5) и 17 браслетов, железные пробы дверной (рис. 8, 2), пружина, дужка и ключ от трубчатых замков, кольцо (рис. 7, 15), пряжка (рис. 7, 14) и кресало калачевидное без язычка (рис. 6, 7), типичное для XII и первой половины XIII в.⁶, два шиферных розовых пряслица, пять брусков точильных, каменное шаровидное грузило (рис. 8, 19), глиняные пряслице (рис. 8, 18), шарик (рис. 7, 20) и два грузила от сетей, ушко медное от котла (рис. 6, 8).

Нижний слой во многих местах при рытье могил для погибших во время монгольского нашествия 1238 г. горожан. На площади раскопа IV было вскрыто 43 погребения, многие из них перекрывали две прямоугольные в плане полуземлянки, сгоревшие и обвалившиеся во время пожара 1238 г. (рис. 9, А).

Обе эти постройки ориентированы с юго-запада на северо-восток, как и все аналогичные постройки, открытые при раскопках 1960 г. Такая ориентировка, несомненно, была связана с направлением улиц внутри древнего детинца и на территории посада.

Постройка № 4 (рис. 9, В, Г) размером 3 × 2,8 м была углублена в материк на 1 м. Ее деревянные стены из толстых досок или горбылей поддерживались четырьмя опорными столбами (диаметром 22—24 см) по углам полуземлянки. Доски стен, от которых сохранились угольные

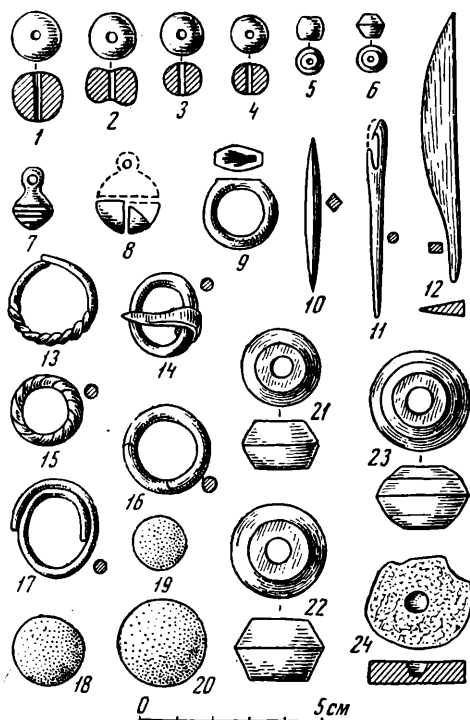

Рис. 7. Городец на Волге. Вещи из раскопок:

1-6 — бусы стеклянные; 7 — пуговица бронзовая; 8 — бубенчик бронзовый; 9 — перстень бронзовый; 10 — шило железное; 11 — игла железная сапожная; 12 — ножицек костяной; 13 — перстень бронзовый ложковитой; 14 — пряжка железная; 15-17 — кольца железные; 18-20 — шарики глиняные; 21, 22 — пряслица шиферные; 23 — пряслице глиняное; 24 — заготовка пряслица из черепка

⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 191, тип. 3, рис. 21, 7.

⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 99, рис. 85.

Рис. 8. Городец на Волге. Железные и глиняные вещи из раскопок:

1 — шпингалет; 2 — пробой дверной; 3 — кресало; 4—7 — ножи; 8 — замок трубчатый; 9 — шило; 10 — скоба; 11, 12 — скобы лодочные; 13, 14 — звенья от цепей; 15, 16 — грузила глиняные; 17 — погремушка глиняная; 18 — прислице глиняное; 19 — грузило каменное шарообразное; 20, 21 — клейма в виде княжеского знака

полосы шириною 5—8 см, клались на ребро впритык к столбам и снаружи присыпались землей. Следов печи внутри постройки нет. Заполнение полуземлянки под угольной прослойкой пожара состояло из темно-серой супеси с углем и красной обожженной глины с большим количеством кусков железного кузнечного шлака. Из вещей в полуземлянке были гвоздь кованый, два стеклянных браслета и несколько черепков сероглиняной керамики. Кровля, по-видимому, была деревянной с дерновым покрытием, она рухнула во время пожара в полуземлянку. Эта постройка, судя по скоплению железного шлака и обожженной глины, была кузницей или мастерской по обработке железа. Время сооружения ее относится к концу XII в.

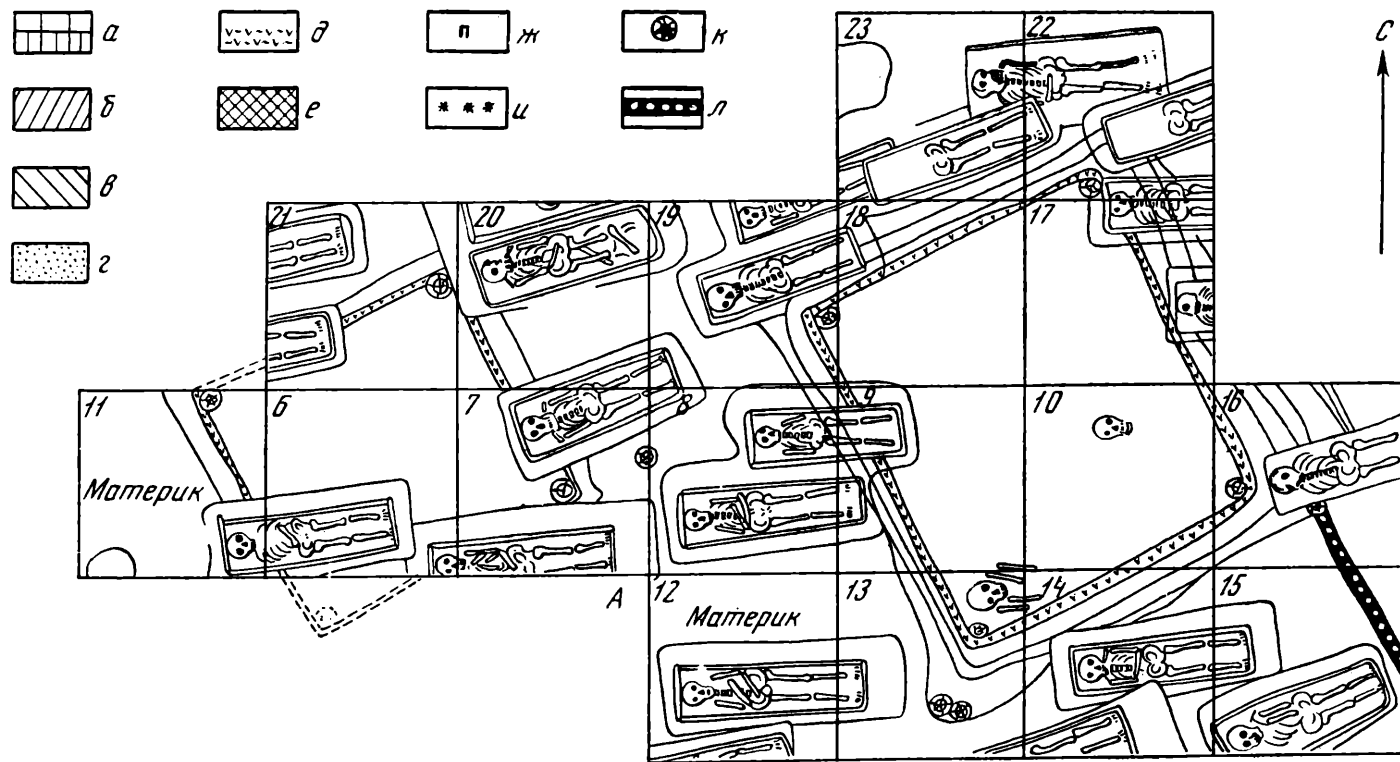

Рис. 9. Городец на Волге:

А — план расположения построек (№ 4 и № 5) и могил на восточном участке раскопа IV

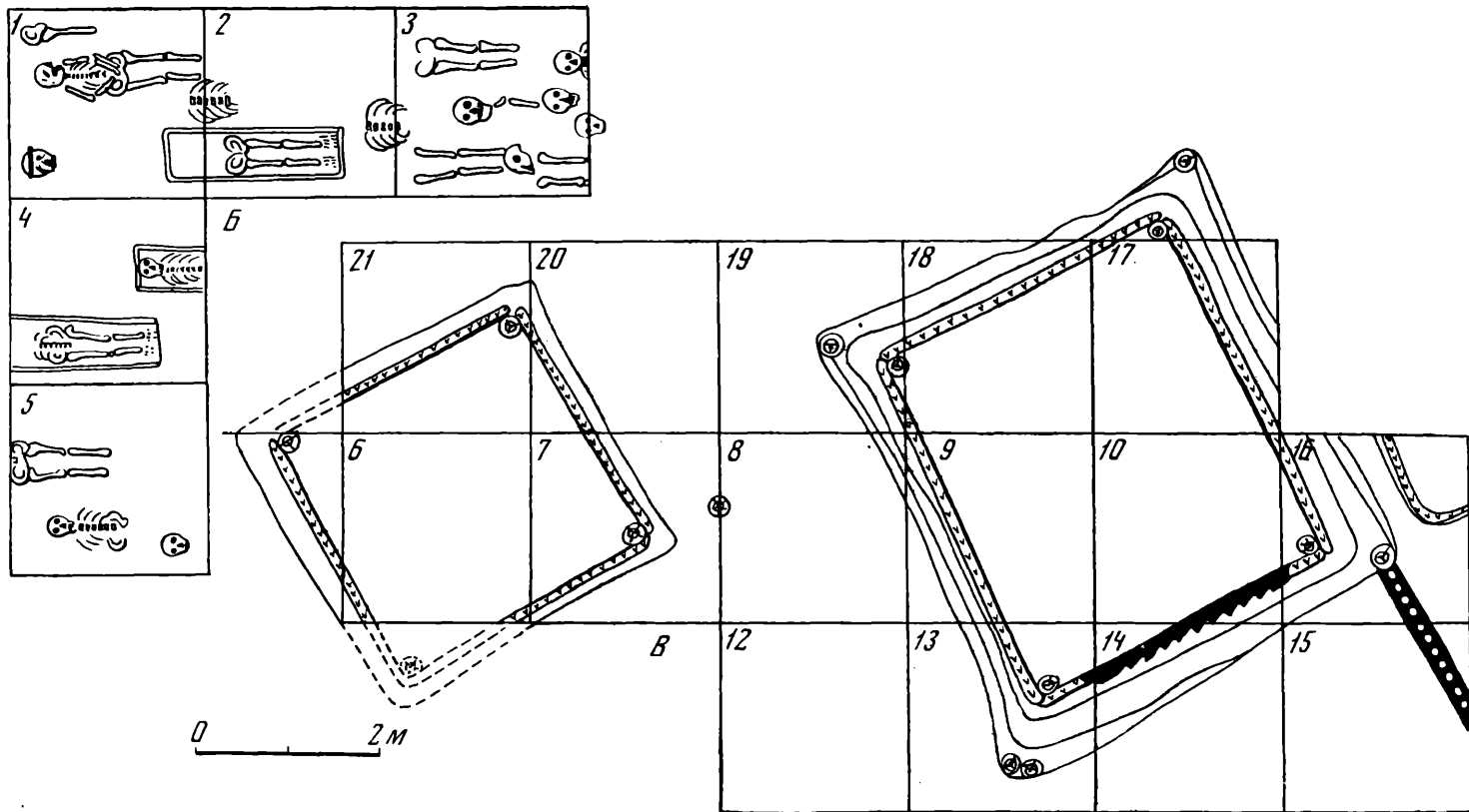

Рис. 9 (продолжение):

Б — западный участок раскопа IV; В и Г (см. стр. 37) — планы и разрезы полуземляночных построек № 4 и № 5;

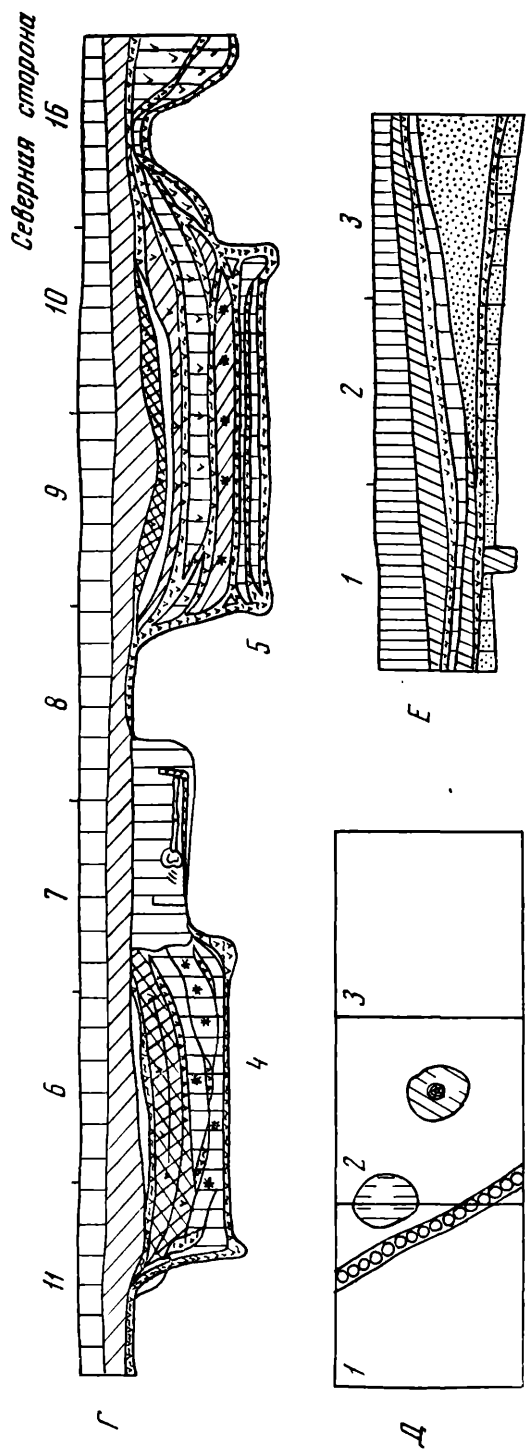

Рис. 9 (окончание):

Д, Е — план и профиль северной стороны шурфа на валу дегница на Кувнецкой улице

или к первым десятилетиям XIII в., что вероятнее, судя по незначительному культурному слою около полуземлянки, отложившемуся до монгольского нашествия.

В 3 м к востоку от первой была расположена вторая, аналогичная по конструкции постройка (№ 5), ориентированная так же, прямоугольная в плане, размером $4 \times 3,4$ м, углублена в материк на 1,4 м. Опорные столбы по углам (диаметром 23 см) поддерживали стены из толстых тесаных досок или тонких бревен (диаметром до 15 см). У юго-восточной стены на дне постройки № 5 была очень четко видна широкая угольная полоса длиной около 2 м с зубцами (рис. 9, В). Возможно, что это упавшая обугленная лестница. Наверху в 50—60 см от углов постройки по линиям диагоналей сохранились ямки от столбов или стропил кровли. Вход в полуземлянку, вероятно, был с юго-восточной стороны, где был навес на двух столбах (ямка одного столба сохранилась в 80 см от постройки, а второго — скрыта при погребении). К югу от юго-восточного угла полуземлянки — частокол длиной 1,9 м (в пределах раскопа), от которого сохранились следы 12 кольев диаметром 10—15 см. Колья не забивались, а ставились в вырытую в материке узкую канавку глубиной 35 см, а затем затрамбовывались, как это делалось и в древнем Новгороде.

Заполнение полуземлянки № 5 аналогично первой, здесь также было много кузнечного шлака и не было печи. Это не жилище, а мастерская по обработке железа или кузница, входившая вместе с полуземлянкой № 4 в один производственный комплекс. Недаром устное предание говорит о том, что здесь в древности жили кузнецы, а современная улица называется Кузнецкой.

Внутри постройки № 5 под угольной прослойкой пожара 1238 г. найдены: железные гвозди и предмет вроде ключа от трубчатого замка, нож, пластинка, яйцевидная глиняная погремушка с желтой поливой, брусок точильный, шиферное розовое пряслице (рис. 7, 22), горшок, черепки и днище горшка с клеймом в виде так называемого княжеского знака, напоминающего знаки каменных дел мастеров Юрия Долгорукого на Золотых воротах во Владимире и Андрея Боголюбского в Боголюбове (рис. 8, 21).

Как упоминалось выше, на площади раскопа было совершено 43 погребения. Многие костяки погребенных были расчленены, на черепках видны следы сабельных ударов и пробойн копьем. Среди убитых есть старики, женщины и дети. Все погребения совершены по христианскому обычаю, но многие костяки лежали головой на юго-запад-запад, что свидетельствует о зимнем захоронении. На западном участке раскопа (рис. 9, Б) было своеобразное братское кладбище, где расчлененные останки погибших захоронены в несколько ярусов без гробов. По свидетельству местных жителей, и на соседних усадьбах при посадке садов встречались в большом числе человеческие кости. Видимо, вся прибрежная линия детинца и посада от Волжской до Загородной улицы была использована для погребения погибших горожан во время осады Городца монголами. На Загородной улице в траншее глубиной около 2 м костяки лежали тоже в несколько ярусов.

Из 43 погребений 24 были в гробах, сколоченных из досок толщиной 3—4 см железными скобами и коваными гвоздями. Длина гробов 1,70—2 м, ширина 48—55 см и высота до 40 см. Глубина могильных ям от дневной поверхности XIII в. — от 40 до 77 см. Небольшая глубина могил объясняется не только промерзшей землей, но и необычными условиями захоронения огромного числа перебитых монголами мирных жителей.

Для датировки времени погребений, помимо стратиграфических данных, важное значение имеет очелье из золотной византийской ткани XII в.

с геометрическим узором, найденное на женском черепе (погребение 30)⁷. В среднем слое, перекрывавшем погребения на западном участке раскопа, был найден печатный бронзовый перстень с изображением руки (рис. 7, 9), аналогичный перстням из мастерской ювелира XIV в. в Новгороде.

Антропологические исследования восьми сравнительно хорошо сохранившихся черепов показали, что все они характерны для русского населения. Погребенные были длинноголовые с узким средневысоким лицом, со средневыступающим носом⁸.

Череп взрослой женщины из погребения № 40 в левой части лобной кости имел след сабельного удара, высокие глазницы свидетельствуют о налете монголоидности — по всей вероятности, половецкая примесь. Это заключение Н. Г. Залкинд вполне согласуется с историей заселения Городца на Волге.

В 1152 г., когда был основан Городец на Волге, часть населения другого Городца (Остёрского), принадлежавшего Юрию Долгорукому и разрушенного его противниками в борьбе за киевский стол, несомненно, была переведена им в Городец на Волге. Это население принесло с собой обычай строить полужемляночные жилища с выносными печами⁹, характерными для южных областей древней Руси. Из летописи известно, что русские часто женились на половецких.

После монгольского нашествия и захоронения погибших этот участок детинца на длительный период был заброшен и лишь спустя несколько десятилетий стал использоваться для огородов и посевов, а еще позднее — для застройки.

Раскоп III находился на расстоянии около 200 м от детинца, на Овражной улице. И здесь, несмотря на многочисленные поздние перекопы, прослеживаются две угольные прослойки пожаров 1238 и 1408 гг.

В среднем слое толщиной 10—20 см в небольшом числе встречались черепки сероглиняной, белой и красной керамики и найдены вещи: пять стеклянных браслетов, стеклянный перстень и две шаровидные бусины (рис. 7, 1, 4), типичные для XII и XIII вв., железные кованые гвозди, ножи, простые и лодочные скобы (рис. 8, 11, 12), инструмент с заостренными концами (рис. 6, 12), шиферное розовое пряслице (рис. 7, 21), два днища горшков с клеймами в виде кольца и княжеского знака в кольце (рис. 8, 20), бронзовая пуговица (рис. 7, 7), медная проволока, медный и железный шлак.

К этому слою хронологически относятся две хозяйственные постройки полужемляночного типа, связанные с обработкой железа.

Постройка № 1, прямоугольная в плане, расположена у западной границы раскопа, размер ее 3,6 × 2,1 м (вскрыта не полностью), углублена в материк от дневной поверхности XIII—XIV вв. (время ее сооружения) до 115 см, ориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Стены ее были из досок или тонких бревен с опорными столбами по углам. Северная половина сооружения была углублена по сравнению с южной на 23 см и заполнена толстым слоем красной обожженной глины, камней, угля и железного кузнечного шлака. Возможно, что это развал кузнечного горна. Здесь найдены, помимо черепков с характерными для XIII—XIV вв. венчиками, два ножа, шарик глиняный (рис. 7, 18) и днище горшка с клеймом в виде кольца. Несомненно, эта кузница сгорела во

⁷ Определение реставратора Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря М. П. Рябовой.

⁸ Определение старшего научного сотрудника музея Антропологии МГУ Н. Г. Залкинд.

⁹ А. Ф. Медведев. Первые раскопки в Городце на Волге. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 80—85, рис. 28, 3, 5.

время набега хана Едигея в 1408 г. — она перекрыта угольной прослойкой, перекрывавшей весь второй слой.

Постройка № 2 — в виде узкого прямоугольника размером $3,6 \times 1,4$ м и глубиной 72 см в северной и 117 см в южной половине — имела аналогичное заполнение: обожженная глина, камни, уголь, кузнечный шлак. Вероятно, это тоже кузница. В ее завале были найдены брусок точильный, кольцо железное (рис. 7, 16), браслет стеклянный и шаровидная желто-оранжевая бусина, характерная для XII и XIII вв., днище горшка с клеймом в виде кольца и точкой в центре.

В нижнем, древнейшем, слое толщиной 3—5 см, всюду перекрытом черной угольной прослойкой пожара 1238 г., были немногочисленные черепки сероглиняных горшков с типичными для второй половины XII и первой половины XIII вв. венчиками и следующие вещи: шлак железный кузнечный, перстень стеклянный синий и стеклянные браслеты, нож с прямой толстой спинкой, желобком и чеканным орнаментом (рис. 6, 11 и 8, 7), характерный для XII и первой половины XIII в., днище горшка с клеймом в виде решетки, перстень бронзовый рубчатый (рис. 7, 13), типичный для XII и первой половины XIII вв.¹⁰

Хронологически к нижнему слою относятся прямоугольная полуземляночная постройка № 3 и наземные бревенчатые постройки, следы сгоревших и сгнивших бревен от которых были четко видны на фоне светлого материка (рис. 6, 4).

Постройка № 3 размером $4 \times 3,2$ м и глубиной 96 см от дневной поверхности начала XIII в., ориентирована была с юго-запада на северо-восток, как и все древнейшие полуземлянки. Пятно ямы, заваленной после пожара 1238 г., было четко видно в материке (рис. 6, 3). В завале постройки было много угля, обожженной глины и железного кузнечного шлака. Стены, вероятно, были из досок — от них сохранились угольные полосы шириною 4—5 см, но опорных столбов по углам не было. В 80 см от юго-восточного угла снаружи есть ямка от столба диаметром 25 см и глубиною в материке 24 см., который, по-видимому, входил в конструкцию перекрытия этой постройки. В заполнении ямы, кроме керамики, найдены: нож с прямой толстой спинкой, желобком и чеканным орнаментом (рис. 8, б) и шаровидная синяя стеклянная бусина, характерные для домонгольского времени.

Наземные бревенчатые сооружения в виде сплошных рядов прямоугольных помещений прослеживались по четким полосам вдавившихся в материк бревен диаметром 18—20 см, сгнивших снизу и обугленных сверху. Размеры построек определить трудно — они уходят за пределы раскопа, а в пределах раскопа часть одной из них имела размеры $4,8 \times 4$ м и состояла из двух помещений шириною 2 м каждая.

Другая постройка в южной половине раскопа длиною 11,2 м и шириною 4,3 м состояла из четырех клеток размерами $4,3 \times 3,1$ — $3,4$ м. В некоторых клетях было по два столба диаметром 20—23 см. К этой постройке примыкали другие. Внутри построек на материке, кроме типичной для XII и первой половины XIII в. керамики, были куски железного кузнечного шлака, а около сруба упомянутый выше бронзовый рубчатый перстень.

Все постройки нижнего слоя были связаны с обработкой железа, не были жилищами и, по-видимому, были сооружены незадолго до монгольского нашествия, судя по очень тонкому культурному слою, состоящему почти сплошь из угля от пожара 1238 г.

¹⁰ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 255.

Г. А. АРХИПОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ МАРИЙЦЕВ

Современные марийцы, занимая в основном территорию Вятско-Ветлужского междуречья, делятся на горных, луговых и восточных. Последние представляют собой переселившихся в XVI—XVIII вв. на восток луговых марийцев¹.

О. Н. Бадер связывал формирование марийцев с племенами с плоскодонной керамикой, появившимися в Поветлужье в начале нашей эры². Изучая ветлужские городища, О. Н. Бадер по типам керамики выделил три хронологических и культурных периода; к третьему периоду отнес верхний слой Одоевского, верхний слой Богородского и оба слоя Чертова городища. О. Н. Бадер отметил резкое отличие керамики третьего периода от керамики предшествующего второго (позднеананьинско-пьяноборского) периода.

Для керамики третьего периода характерны: плоскодонные лепные сосуды на гончарной подставке, горшковидной и баночной форм, примесь к глине толченой дресвы (21—42%) и шамота (48—68%), полное отсутствие орнамента на подавляющем большинстве сосудов.

Эту керамику, вслед за А. П. Смирновым³, О. Н. Бадер считает проникшей из правобережья Волги и относит к позднедьяковской. А. П. Смирнов плоскодонную керамику ветлужских городищ считает керамикой городецкого типа⁴.

Находя аналогии этой керамике в позднейших городищах Ветлуги и Унжи (Спасское, Шангское и др.), О. Н. Бадер пишет, что «культура верхнего слоя Одоевского городища и ему одновременных городищ... является культурой древних марийцев-черемис»⁵.

¹ Г. А. Сепеев. К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев. Научная сессия по этногенезу марийского народа. «Тезисы докладов и сообщений». Йошкар-Ола, 1965, стр. 40—42.

² О. Н. Бадер. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, № 2, стр. 33.

³ А. П. Смирнов. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949, стр. 79; он же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 110.

⁴ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 95. А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д 1—14, 1965, стр. 9.

⁵ О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 31.

В последние годы в Поветлужье дополнительному изучению подверглись Богородское, Русенихинское, Шилихинское⁶ и Чертово⁷ городища. Вновь исследовано Васильсурское II городище на правом берегу Волги в пределах Воротынского района Горьковской области⁸. Эти памятники в основном многослойные. Они возникли в I тысячелетии до н. э. и продолжали существовать в I тысячелетии н. э. К I тысячелетию н. э. относятся городища Иванова Гора, Сиухинское I, Красногорское, Пайгузовское, Емангашское II, Аненское, Красноселищенское и селище Березовское в пределах Горно-Марийского района Марийской АССР, Васильсурское IV городище в Воротынском районе Горьковской области⁹. К этому же времени относится Кубашевское городище в бассейне р. Б. Кокшаги у г. Санчурска¹⁰. Все они, за исключением Кубашевского городища, дают плоскодонную керамику.

Дополнительные раскопки на ветлужских городищах подтвердили выводы А. П. Смирнова и О. Н. Бадера о смене круглодонной керамики плоскодонной. Это можно видеть на примере Васильсурского II городища. Оно многослойное: 2 нижних слоя — эпохи бронзы (IV—III), II слой — раннего железа и I слой — I тысячелетия н. э.¹¹ Слой раннего железа (II) представлен тремя группами керамики: 1 — сосуды из глины с примесью толченой раковины в тесте и заглаженной поверхностью, сходные по форме и орнаментации с ананьинскими сосудами; 2 — сосуды из глины с примесью песка в тесте и покрытые по внешней поверхности «текстильными» отпечатками, близкие по форме и орнаментации к раннегородецким сосудам; 3 — сосуды, сочетающие в себе черты двух первых групп. Здесь же, т. е. во II слое, были костяной наконечник стрелы с удлинненным и уплощенным четырехгранным черешком и одним острым боковым жалом, другой — ромбической формы с уплощенным черешком, характерные для городецко-дьяковских памятников. К городецким типам относятся и обломки толстостенных плоскодонных тиглей. К ананьинскому кругу вещей относятся поясной крючок из подвздошной кости крупного животного и мотыжка (или палка-копалка) из трубчатой кости.

Слой поселения середины I тысячелетия н. э. содержит многочисленные обломки грубых полоскодонных лепных сосудов серовато-бурого цвета с примесью в тесте крупнозернистого шамота и реже дресвы. 59% общего числа сосудов — горшковидные с выпуклым туловом, есть сосуды баночной формы и в виде приземистых чаш. Иногда на шейках имеются сквозные отверстия. Аналогии этим сосудам имеются и в городищах Поветлужья (Чертово) и Марийско-Чувашского Поволжья (Кубашевское, Иванова Гора, Пайгузовское, Ножа-Вар, Адобайское и Пичке-Сорче).

На Чертовом городище по раскопкам 1957 г. круглодонная керамика также заменяется плоскодонной. Сосуды верхнего слоя Чертова городища аналогичны второму слою (по В. И. Каменскому¹²) этого же городища и верхнему слою (по О. Н. Бадеру¹³) Одоевского городища. По стратиграфии О. Н. Бадера Одоевское городище имеет 3 слоя: ранний (III) —

⁶ В. Е. Стоянов. Отчет об исследованиях Богородского, Русенихинского и Шилихинского городищ на р. Ветлуге в 1958 г. Архив ИА, Р—I, № 1874.

⁷ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960.

⁸ А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. «Труды Мар. АЭ», т. II. Йошкар-Ола, 1962.

⁹ Г. А. Архипов, А. Х. Халиков. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960, № 229, 245, 258, 262, 266, 269, 272, 275, 277, 278.

¹⁰ Г. А. Архипов. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР. «Труды Мар. АЭ», т. II. Йошкар-Ола, 1962.

¹¹ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 138—158.

¹² В. И. Каменский. «Чертово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1928 г. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. VII, СПб., 1909.

¹³ О. Н. Бадер. Городища Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951, стр. 137—138.

VII—V вв. до н. э., средний (II) — IV—III вв. до н. э. и поздний (I) — конец I тысячелетия до н. э. и начало I тысячелетия н. э. Для верхнего слоя (I, или позднего) Одоевского городища О. Н. Бадер считает характерным наличие сосудов с круглым дном и примесью толченой раковины (30%) и плоскодонных с шамотом и дресвой (70%). Почти такое же процентное соотношение круглодонных и плоскодонных сосудов и на Чертовом городище¹⁴. Разница лишь в том, что на последнем дресва не встречается.

В верхнем слое Чертова городища есть несколько датирующих вещей. Это бронзовая умбоновидная бляшка со жгутовой каймой по внешнему краю окружности. С обратной стороны имеется поперечная планка. Аналогии ей есть в Кошибеевском могильнике¹⁵, в Писеральских курганах¹⁶, Мари-Луговском могильнике¹⁷ и в могильниках азелинского типа на Вятке¹⁸. Дата их III—V вв. н. э. Сердоликовая таблетковидная бусина с инкрустацией из белой пасты, аналогичная прикамским харинского времени¹⁹; пластинчатый медный наконечник ремня, близкий харинским (IV—V вв.)²⁰. Чертово городище А. Х. Халиков датирует III—V вв. н. э.²¹

Интересными для городищ Поветлужья и северо-запада Чувашии (северо-восточная группа городищ культуры) являются близкие по обряду захоронения на площадке городища. В настоящее время известны захоронения на Васильсурском II²², Чертовом городище и городище Ножа-Вар²³. Вещей при погребениях не обнаружено.

В области грудной клетки погребенных было много обломков глиняной посуды, мелкие угольки и мелкие пережженные кости животных. Вблизи черепа первого костяка (подростковый) был маленький кусок спирали и бронзовая кольцевая застежка. Около третьего костяка найдены маленькая красная пастовая бусина, обломок костяного гребня и обломок железного ножа.

На Чертовом городище В. И. Каменский в 1908 г. отметил остатки трех костяков²⁴. На этом же месте в 1957 г. А. Х. Халиковым были обнаружены еще три погребения²⁵. В погребении 1 был найден головной венчик, аналогичный украшениям из Борковского и Кузьминского могильников²⁶. Такие венчики есть и в Младшем Ахмыловском могильнике²⁷. Здесь же обнаружены две латунные конусовидные подвески с ободками по концам. Подобные есть в Борковском и Кузьминском могильниках. Они близки подвескам из Прикамья позднехаринского времени (Георгиевский клад, Поле Беклемешево, Зобачево)²⁸. Остатки ожерелья представлены 19 бусинами цилиндрической формы из белого рога. 52 экземпляра таких бус есть

¹⁴ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Указ. соч., стр. 15.

¹⁵ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1901, стр. 61, табл. IX, 14.

¹⁶ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 120.

¹⁷ Там же, стр. 162.

¹⁸ В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5. Свердловск—Ижевск, 1963, табл. X—13.

¹⁹ А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, вып. 26, 1902, табл. XXIV, 41, 43, 44, 46, 47, 49.

²⁰ В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИМК, вып. 57, 1955.

²¹ А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Указ. соч., стр. 17.

²² А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 153—154.

²³ Н. В. Трубинова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 годах. «Уч. зап. Чув. НИИ», вып. XXV. Чебоксары, 1964 г., стр. 134, 135; она же. Городище Ножа-Вар в Чувашии. СА, 1965, № 4, стр. 148.

²⁴ В. И. Каменский. Указ. соч., стр. 6, 7.

²⁵ А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. Указ. соч., стр. 17—21.

²⁶ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 33.

²⁷ Г. А. Архипов. Отчет о раскопках Младшего Ахмыловского могильника. Архив ИА, Р—I, № 2466, 2684.

²⁸ А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых, стр. 26

и в коллекции из раскопок В. И. Каменского²⁹. Аналогичные им бусы найдены в Младшем Ахмыловском могильнике³⁰. Кроме бус, в ожерелье были две лунницы из серебряных пластин с медными прилепанными ушками. Близкие есть в Борковском и Кузьминском могильниках³¹, а в более позднее время в древнемарийских могильниках IX—XI вв.³² Остатками нагрудного украшения являются латунные трубчатые пронизки с ребристо выступающими концами. Такие есть в Борковском и Кузьминском могильниках, в Георгиевском кладе и в Младшем Ахмыловском могильнике. Височные кольца из круглой проволоки, найденные здесь, сохранились и до IX—XI вв.³³ Медные браслеты с несомкнутыми, чуть расширенными концами широко известны и в Поволжье, и в Прикамье в IV—VI вв. н. э.³⁴ Браслеты раскопок 1957 г. имеют на расширенных концах косые и перекрещивающиеся насечки. В комплексе погребения 3 была бронзовая фибула с красной эмалью и с четырьмя колокольчиковидными привесками, которая близка к фибулам из Плесовского клада в Верхнем Прикамье³⁵. Крестовидные фибулы, но без подвесок и эмали есть в Борковском и Кузьминском могильниках³⁶. Дата таких фибул V—начало VI в.³⁷

В 1908 г. В. И. Каменским были найдены проволочные сьюльгамы с усиками и насечками по кольцу. Обломок железной сьюльгамы с короткими усиками был найден и в 1957 г. Сьюльгамы с усиками характерны для правобережных племен (мордва)³⁸. Формочки для отливки украшений, найденные на Чертовом городище, имеют аналогии в Старшем Кужендеевском могильнике конца VI—VII вв. н. э.³⁹; есть они и в более позднем Крюковско-Кужновском могильнике VIII—XI вв.⁴⁰

Керамика, встречающаяся на могильнике, плоскодонная, с примесью шамота в тесте и аналогична городецкой. Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что вещи погребального инвентаря в основном правобережного происхождения; имеющиеся предметы камского типа восходят в основном еще к кошибеевскому времени и типам⁴¹. В дальнейшем они получают свое развитие и широко распространяются в древнемарийских могильниках IX—XI вв.

Для городищ правобережья Средней Волги можно отметить некоторые общие черты и в расположении укреплений и их конструкций. Укрепления возводились не только с напольной стороны, но и на концах мысов и по склонам.

Основой укреплений являлась столбовая конструкция, усиленная иногда деревянными клетками или стенами. Нередко укрепления имели ворота⁴².

²⁹ В. И. Каменский. Указ. соч., табл. III, 3, табл. IV, 12, 13.

³⁰ Г. А. Архипов. Отчет. . ., № 2466, 2684.

³¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 34.

³² ОАК за 1897, стр. 61; ГИМ, II отдел, планшет 97/14 б.

³³ Г. А. Архипов. Дубовский могильник (Раскопки 1963 г.). «Труды Мар. НИИ», вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964, рис. 4.

³⁴ А. П. Смирнов. Очерки. . ., стр. 118.

³⁵ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. IV, 1.

³⁶ Там же, стр. 27, 29.

³⁷ А. П. Смирнов. Очерки. . ., стр. 118. В настоящее время А. П. Смирнов датирует их IV—V вв.

³⁸ Ивановский могильник. Раскопки П. П. Ефименко 1928 г. Чебоксарский краеведческий музей, № 5477; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша СА, 1959, № 1, стр. 221, рис. 3, 1, 2, 4.

³⁹ М. Ф. Жиганов. Указ. соч., рис. 8.

⁴⁰ П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. XLII, 7.

⁴¹ А. Х. Халиков и Е. А. Безуголова. Указ., соч.; Г. А. Архипов. Дубовский могильник; он же. Отчет о раскопках Черемисского кладбища. Отчет Мар. АЭ за 1957. Архив ИА, Р—I, № 1470; Г. А. Архипов. Отчет о раскопках Веселовского могильника в 1958 г. Архив ИА, Р—I, № 1874.

⁴² В. Е. Стоянов. Отчет об исследованиях Богородского, Русениханского и Шилихинского городища. Архив ИА Р—I, № 1874; Г. А. Архипов. Городища пер-

Многочисленные аналогии в погребальном инвентаре могильника на Чертовом городище, общие черты в погребальном обряде захоронений на городищах Поветлужья и северо-запада Чувашии, одинаковая керамика на этих памятниках позволяют говорить, что в начале I тысячелетия н. э. как Поветлужье, так и северо-западная Чувашия были заселены одними и теми же племенами или близко родственными. Этими племенами являлись городецкие.

В первых веках н. э. в Среднем Поволжье начинают выделяться этнические группы, предки современных финно-угорских народов. В верховьях Суры в последнее время М. Р. Полесских выделены могильники первых веков н. э.⁴³, которые можно связывать с древней мордвой-мокшей. По-видимому, в это же время начинает выделяться и мордва-эрзя.

Северо-восточная локальная группа (сюда, по-видимому, можно включить и Поветлужье) городецкой культуры явилась основой формирования древнемарийских племен. Современные горные марийцы, живущие на правом берегу Волги, и горные марийцы Поветлужья являются потомками северо-восточной группы городецких племен. Кстати, территория расселения горных марийцев и границы горного диалекта совпадают с этой группой археологических памятников.

Дальнейшая история древнемарийских племен развивалась в направлении консолидации в народность. Начало этого процесса, по нашему мнению, отражается в Младшем Ахмыловском могильнике V—VII вв. В этом могильнике мы находим много общих черт, связывающих его с более ранними памятниками северо-восточной группы городецкой культуры и синхронными памятниками средней Оки и пензенского течения Суры. В Младшем Ахмыловском могильнике выделяются черты, общие для рязанских и пензенских могильников: в погребальном обряде — сочетание труположения и трупосожжения (Борковский, Кошибеевский, Пензенские могильники); ориентировка головой на север с небольшими отклонениями на запад или восток (Иваньковский и другие могильники). Есть и такие черты, которые отличают Младший Ахмыловский могильник от рязанских и пензенских: отсутствие глиняных сосудов в погребениях, меньшая глубина могильных ям, особенности в обряде трупосожжения и др. Эти отличия сближают Младший Ахмыловский могильник с прикамскими памятниками (могильники азелинского типа).

В материальной культуре также имеется два комплекса вещей: городецкого и азелинского типа. Не останавливаясь на азелинском комплексе, отметим ряд вещей правобережного типа: головные украшения в виде жгута и налобника, подвески пирамидальные от головного убора, шейные гривны с замком и напускными бусами, трапециевидные привески, застежки — сьюльгамы, нагрудные бляхи, некоторые типы браслетов, перстни и др.

Аналогичные вещи есть и в Мари-Луговском могильнике III—IV вв. н. э., относящемся к азелинскому кругу памятников⁴⁴: бронзовые и медные сьюльгамы с завернутыми в трубочку концами и круглым пластинчатым кольцом, украшенным насечками и точечным орнаментом; железная гривна с напускными медными или стеклянными бусами и др.

вой половины I тысячелетия н. э. в Марийской АССР, стр. 208, 215—219; он же. Ижевское городище. «Труды Мар. НИИ», вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, № 5, 1941, стр. 121—124; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 113—116; Н. В. Трубникова. Раскопки городища Пичке-Сорче в Чувашии. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Чебоксары, 1964, стр. 168—170; она же. Раскопки на городище Ножа-Вар в Чувашии, стр. 126.

⁴³ М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4; он же. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4.

⁴⁴ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 176—180.

Городецкие и азелинские компоненты есть и в Кубашевском городище. Здесь встречается как плоскодонная, так и круглодонная керамика, причем они сосуществуют⁴⁵.

Некоторые вещи в Младшем Ахмыловском могильнике имеют аналогии в мерянских древностях⁴⁶, т. е. происходят от дьяковских племен (вспомним и общие элементы в типах укреплений). Это говорит о некотором участии и дьяковских племен в этногенезе марийцев.

Младший Ахмыловский могильник и в погребальном обряде и в вещах имеет близкие аналогии в древнемарийских могильниках IX—XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Это свидетельствует об участии племен правобережья Волги (городецких и дьяковских) в этногенезе марийцев.

⁴⁵ Г. А. Архипов. Городища первой половины I тыс. н. э. ..., стр. 219—221.

⁴⁶ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, рис. 22, 14; рис. 53, 1; рис. 57, 9.

В. Ф. КАХОВСКИЙ, А. П. СМЕРНОВ

К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКИХ ГОРОДАХ
ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ

До настоящего времени нерешенным вопросом в истории народов Поволжья остается происхождение тюркских народов: чуваш и казанских татар. Связанные с этой проблемой вопросы неоднократно ставились в научной литературе и на специальных совещаниях. Важнейшим фактором процесса этногенеза всегда считалось государство волжских болгар, сыгравшее большую роль в этнической и культурной истории края.

О значении волжских болгар в этногенезе народов Поволжья в науке высказывались различные точки зрения. И если в отношении культуры не было большого расхождения и все склонны считать, что болгары наложили отпечаток на культуру всех народов Поволжья и Приуралья, познакомив их с достижениями восточной, русской и западной средневековой цивилизации, то роль этого государства в этническом процессе оценивалась различно. Одни исследователи склонны были придавать ему основное значение в формировании чуваш, башкир и казанских татар, учитывая также некоторую роль его в формировании и финно-угорских народов края. Другие отмечали его значение или только в этнической истории чуваш, или только казанских татар. По мнению некоторых исследователей, болгары были основным компонентом в этногенезе казанских татар, в процессе исторического развития которых культура болгар без резких скачков, постепенно переходила сначала в древнетатарскую, а затем в современную татарскую культуру¹. Роль же болгарского государства по отношению к чувашам сводилась якобы только к взиманию дани, без какого-либо существенного влияния болгарской администрации на внутреннюю жизнь этих племен². В этих работах появление болгар в Чувашском Поволжье относится к послемонгольскому времени. Домонгольские памятники болгар якобы были известны только в левобережье и по самому правому берегу Волги, недалеко от реки.

Широкое распространение болгарских памятников на территории левобережья и в Приказанье заставляет считать волжских болгар одним из основных компонентов в этногенезе казанских татар.

Вместе с тем нет также никаких оснований соглашаться с тезисом об отсутствии на территории Чувашского Поволжья ранних болгарских памятников, где они представлены весьма богато. Здесь следует отметить Больше-Тарханские могильники, городища Криушское, Тигашевское, Б. Та-

¹ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 14, 15; он же. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 11.

² Н. И. Воробьев. Чуваш. Чебоксары, 1956, стр. 38.

яба, Кришское в Козловском районе и другие памятники, часть из которых находится в западной Чувашии. В их числе следует отметить селища близ селений Нимичкасы, Янмурзино, Кирегасы в Красноармейском районе, Таутово в Аликовском районе³, у деревень Б. Янгильдино и Самуково в Чебоксарском районе, Черкассы Вурнарского района. Возникновение всех этих болгарских поселений относится к домонгольскому времени⁴. Распространение болгарских памятников в правобережье уже с X, а может быть с IX в. установлено и исследованиями Н. Ф. Калинина⁵.

Как левобережное Поволжье, так и правобережное, кроме деревенских поселений, знало княжеские замки и города. Летопись упоминает Ошель, разрушенный русскими князьями в 1220 г.

К числу болгарских городов следует причислить и Хулаш, который расположен на торговом пути из Киева в Болгары, убедительно реконструированном академиком Б. А. Рыбаковым⁶ по данным карты Идриси (1154 г.).

Городище Хулаш расположено близ села Кошки-Новотимбаева Тетюшского района ТАССР. Первое его исследование в 1949 г. позволило Н. Ф. Калинину определить дату городища — X—XII вв. и отметить, что Хулаш является одним из наиболее значительных и интересных городищ правобережья⁷. За последние четыре года чувашский отряд Поволжской экспедиции провел работу по изучению этого замечательного памятника.

Хулаш является комплексным памятником. Самое городище в пределах вала занимает площадь окружностью 1320 м, уступая немногим по размеру раннему Болгару, имевшему окружность около 1700 м. Город окружал пригород площадью 800 × 2000 м. К городу тяготели восемь селищ того же времени. За 4 года на городище вскрыта площадь 4695 м² при глубине культурного слоя до 1 м. В процессе работы была выяснена стратиграфия. Верхний слой распаханый, аморфный, ниже которого залегают болгарский с большим числом построек, хозяйственных и производственных сооружений. В отдельных местах в этом слое во вторичном залегании встречены обломки керамики городецкого типа. Сосуды по форме, отпечаткам ткани на днищах и орнаментальному узору напоминают посуду городецкого типа или области лесостепи раннего железного века. В отдельных местах ниже болгарского слоя встречены небольшие фрагменты культурного слоя с керамикой срубной культуры. Эти данные позволяют говорить о трех периодах в жизни этого поселения. Судя по расположению находок срубной посуды в болгарском слое, поселение срубной культуры занимало небольшую площадь в северо-западной части городища. По-видимому, небольшой был и поселок городецкой культуры.

В болгарское время, может быть в конце IX или с начала X в., здесь возникло поселение, развившееся в город, довольно быстро обросший пригородом. Город был окружен системой укреплений, при устройстве которых был учтен рельеф местности. С севера, востока и запада шло два вала и рва, с юга проходил один вал и ров. Исследования вала показали два периода в его строительстве. На его вершине стояла деревянная стена 2 м шириной. В валу были прослежены деревянные столбы, забитые для создания жесткой конструкции.

³ Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», вып. XVI. Чебоксары, 1958, стр. 246.

⁴ В. Ф. Каховский. Болгарское селище близ деревни Б. Янгильдино в Чувашской АССР. СА, 1966, № 2, стр. 249.

⁵ Архив ИА, д. 312, стр. 121, 122; Н. Ф. Калинин. Отчет об археологических разведках по западным районам ТАССР в 1949 г.

⁶ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, 43, 1952, стр. 14.

⁷ Н. Ф. Калинин, Х. А. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 85.

На территории городища были открыты различные сооружения, в их числе жилые глинобитные постройки с печами и срубы. Ряд домов имел подполья для хранения продуктов. Редкими являются землянки глубиной около 1 м, размером $2,7 \times 2,6$ м, или при глубине 1,35 размером $4 \times 3,1$ м. Стены были облицованы деревом. В углу прослежены остатки очага, вдоль стен — остатки нар 0,4 м шириной.

Жилища этого типа напоминают землянки городецкого городища, открытые В. А. Городцовым. Близкие по форме землянки были открыты в урочище Ага-Базар около Болгар и на площади городища Великие Болгары. Землянки упоминаются восточными авторами в качестве зимних жилищ болгар.

Было открыто много хозяйственных сооружений. Это ямы цилиндрической, конической, колоколообразной или котлообразной формы. В некоторых из них обнаружены обгорелые зерна пшеницы, полбы, овса и проса. Встречены отдельные обломки древнерусской плинфы, свидетельствующие о существовании монументальной постройки, возможно уничтоженной при расправке.

На городище Хулаш были открыты производственные объекты, свидетельствующие о развитии ремесла, исследованы гончарные мастерские, представленные развалинами горнов и большим количеством производственного брака. Один из них двухъярусный, без столба, второй — двухкамерный, со столбом в центре. Горны городища Хулаш повторяют типы, известные из раскопок города Великие Болгары, русских городов, в Крыму и на Кавказе. Большие размеры одного из горнов не оставляют сомнения в товарном характере производства.

На городище был открыт ряд сыродутных горнов, из числа которых только три сохранились в несколько лучшем виде. Все горны ямного типа. Один из них дошел до нас почти в целом виде. Он колоколообразной формы, в плане подквадратный, площадью 108—100 см. К горну примыкала яма, в которой найдены куски бурого железняка, угли и шлак; исследован дом кузнеца, насыщенный остатками кузнечного производства.

Все горны, как сыродутные, так и гончарные, расположены довольно близко к краю городища, около линии укреплений, вдоль восточной и южной стен, образуя как бы ремесленный район города.

За линией вала находился пригород с культурным слоем, который в отдельных местах достигал мощности 1,5 м. Обилие находок на поверхности свидетельствует об интенсивности жизни. Там были открыты развалины кирпичного здания в виде прямоугольника со стенами 50 см толщины, сложенного из обожженного кирпича на известковом растворе. Пол из плит песчаника был положен на дымоходы и сверху покрыт известковым раствором. С северной стороны находилась печь, соединенная центральным дымоходом с боковыми каналами, от которых в стенах шли вертикальные трубы, выводившие продукты горения наружу. Фундамент и каналы отопления сложены из обожженного и сырцового кирпича на глиняном растворе. Внутри здания была открыта кирпичная перегородка, делившая здание поперек на две неравные части. Вход был, по-видимому, с южной стороны.

Весь материал свидетельствует об однокомнатном помещении с небольшой передней, выстроенном в манере, характерной для строительства Средней Азии, из квадратного кирпича — широко распространенной формы на Востоке. Наибольшие размеры кирпичей $24 \times 24 \times 5$, $25 \times 25 \times 5$, $27 \times 27 \times 5$ см. Крайне редки кирпичи толщиной 4; 3,4; 3 см, господствовавшие в XIII—XIV вв. Преобладание крупных кирпичей, характерных для раннего времени, а также стратиграфические условия позволяют датировать здание XII в. Эту же дату подтверждают вещи домонгольского времени, обнаруженные в раскопе.

Здание погибло в результате военной катастрофы во время разрушения города в XII в.

Большого внимания заслуживают остатки сооружения, которое предположительно можно считать святилищем, напоминающим святилище Тигашевского городища, и городища у Б. Тоябы, исследованные Г. А. Федоровым-Давыдовым. Можно напомнить, что около города Великие Болгары, в урочище Ага-Базара, было открыто языческое святилище XII—XIV вв., существовавшее несмотря на распространение мусульманства.

Раскопки дали богатый материал, позволяющий судить о времени существования города, хозяйстве, культурных связях. Основным занятием было ремесло, наряду с которым, как это было широко распространено в средние века в Европе и на Востоке, жители города занимались и сельским хозяйством.

Город находился в оживленных экономических и культурных связях с Русью, Кавказом, Средней Азией. Судя по наличию кирпичного дома среднеазиатского типа, можно предполагать, что в Хулаше проживали и купцы с Востока. Весь материал достаточно ясно показывает, что перед нами один из центров ремесла и торговли, уступавший, однако, таким центрам, как Сувар или Биляр, но, по-видимому, может быть сопоставлен с ранним Болгаром, о котором восточные авторы писали как о городе, не имевшем большой территории. В это время небольшие города известны и в Болгарии и на Руси (Верей, Дмитров, Радонеж и др.).

Керамический материал, позволяющий датировать это городище, типичен для домонгольского времени. Существенной разницы в составе керамики по отдельным глубинам нет, что свидетельствует о коротком времени жизни городища. Около 60% найдено желтой, преимущественно лощеной посуды, за ней следует серая, затем коричневая, главным образом лощеная, которой найдено около 11,5%, и, наконец, число красной не превышает 3%. Лепной посуды почти нет, она представлена единичными экземплярами.

По составу керамики Хулаш резко отличается от более западных поселений этого времени, где наряду с типично булгарской гончарной керамикой бытует лепная, характерная для финно-угорских памятников. Следует заметить, что состав керамики несколько отличен от домонгольских памятников центральной Болгарии, где процент коричневой посуды несколько выше. Однако резкой разницы в составе керамики нет. Преобладают формы посуды, характерные для ранней Болгарии. Все бытовые вещи также характерны для домонгольской эпохи, в том числе замки цилиндрические, односоставные удила, кресало калачевидное и др. К тому же времени относятся предметы вооружения (железные наконечники стрел, плоские ромбические, трехлопастные, бронебольные; костяные наконечники трехгранные и ромбические в сечении), пряжки салтовского типа, бусы глазчатые, бусы сердоликовые плоские с белой росписью, бусы сердоликовые призматические и бипирамидальные, шиферные пряслица, поливная киевская посуда, штампованная среднеазиатская. Среди находок есть вещи с большим хронологическим диапазоном бытования, однако совершенно отсутствуют предметы, типичные для золотоордынского времени, — нет поливной золотоордынской посуды хорезмийского типа, нет монет и характерных изделий XIII—XIV вв.

Небезынтересно отметить, что среди находок встречаются вещи, аналогичные предметам из Больше-Тарханского могильника (костяные трубки от бурдюков, костяные накладки от лука, некоторые формы кувшинообразных сосудов и др.).

Время существования городища устанавливается в пределах конца IX—XII вв. Его укрепления оказались скрытыми. С северной, восточной и западной сторон замечены большие участки границы города, лишенные вала и рва. Исследования этих участков открыли вал, сброшенный в ров. Прослежены границы рва и его заполнение глиной вала. Картина разрушения города позволяет говорить о его гибели в результате военной катастрофы.

Это могло быть и в результате феодальной борьбы, о которой передают русские летописи XII—XIII вв., или разрушения города русскими.

Изучение археологических памятников правобережья Волги дает неоспоримый материал, свидетельствующий о широком распространении болгар на значительной территории. Болгары заходили достаточно далеко на запад, во всяком случае дальше 47 меридиана. Заслуживает внимания факт разрушения болгарских городов еще в домонгольский период, факт, который, по-видимому, определил отсутствие пережитков городской болгарской культуры в быту современных чувашей. Этим они отличаются от казанских татар, сохранивших городскую культуру, благодаря существованию городских поселений с домонгольского времени до русского периода. Большинство городских поселений правобережья Волги погибло еще до XIII в. Об этом можно судить по работам в Ульяновской и Куйбышевской областях. Однако на карте, приложенной к отчету археологов Казанского филиала АН СССР, значительное число городских поселений датировано золотоордынским временем. По-видимому, в золотоордынское время продолжали существовать только города по самому берегу Волги. Иная картина раскрывается при изучении городов в районе Свияги.

Одним из таких памятников можно предположительно считать Тавлинское городище на берегу ручья, впадающего в реку Аря. Устанавливая время существования города, Н. Ф. Калинин по составу керамики определил его как домонгольский (среднекрасной, коричневой, желто-красной керамики встречено 23%, коричневато-серой и серой 77%, красной посуды высокого обжига не встречено). Н. Ф. Калинин в своем отчете за 1949 г. пишет: «По своей форме, размерам и культурным остаткам городище можно рассматривать как доболгарское (буртасское), на котором позднее, в XIII—XIV вв., существовало небольшое болгарское поселение-городок, едва ли имевшее заметное значение в ремесле и торговле. Гончарное ремесло здесь стояло невысоко, так как хорошо обожженной посуды нет»⁸. Что же заставило Н. Ф. Калинина отнести домонгольский комплекс к XIV в.? Здесь в шурфе № 1, на глубине до 20 см, была найдена одна монета XIV в.⁹ Эта монета, найденная в 1 штывке, едва ли может датировать весь комплекс, являющийся в основе домонгольским¹⁰.

Другое городище с таким же определением, Япанчино (см. карту к итогам археологических работ за 1945—1952 гг.), судя по керамическому комплексу, домонгольское. Там обнаружено кирпично-красной керамики 2,3%, желтоватой — 32,7%, коричневой, красновато-коричневой — 34,3%, серой — 30%, лепной — 0,7%. Много найдено лощеной (50%), что также свидетельствует о раннем времени¹¹. Автор отчета отмечает, что керамика отлична от золотоордынской Болгарского городища. Вместе с тем, как он пишет, она отличается от Билярской по отсутствию сложного резного орнамента. Найден один сосуд с клеймом. Следует заметить, что при больших раскопках на Хулаше, Андреевском, Тигашеском и других хорошо датированных памятниках обломки посуды со сложным орнаментом билярского типа находят весьма редко. Второй вопрос о чугунных слитках, находящихся на городище, требует тщательного внимания и может быть решен только после проведения анализа.

⁸ Н. Ф. Калинин. Отчет о работах по западным районам ТАССР, 1950 г. Архив ИА, д. Р—1, № 531, стр. 42, 43.

⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰ В публикации (Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.) дана совершенно противоположная характеристика керамики. На стр. 65 написано, что «болгарский слой характеризуется болгарской керамикой гончарной техники сильного обжига, ярко-красного цвета, относящейся к концу XIII—XIV вв.». Эта фраза совершенно не согласуется с данными отчета Н. Ф. Калинина, № 531.

¹¹ Н. Ф. Калинин. Отчет о работах по западным районам ТАССР, 1950 г., № 531, стр. 36.

Альменовское городище Козловского района датировано его исследователем началом XIII в.¹², Янтиковское и Сюкеевское городища отнесены Н. Ф. Калининым к домонгольскому времени¹³. Следует заметить, что в оценке времени Чуру-Бурашевского городища Н. Ф. Калинин основывался на находках чугуна. Привлекает внимание цвет чугуна — серый, а не поздний — зеркальный, характерный для болгар золотоордынского времени. Комплекс керамики этого городища также ранний, совершенно не связанный с находками чугуна. Там было найдено серой и желто-черной керамики 34,4%, желтовато-красной, коричнево-красной — 59,3% и красной — только 6,3%. Исследователь отмечает: «Если судить о дате по степени обжига, то очень мало поздней посуды с наиболее совершенным кирпично-красным обжигом, который обычно датируется XIII—XIV вв. Общий облик посуды более всего напоминает посуду из нижних домонгольских слоев Болгарского городища, а также посуду из Билярска. Конечно, меньшее совершенство обжига может быть объяснено и технической отсталостью местных гончаров, но это плохо вяжется с передовой металлургической техникой... Мы склонны датировать комплекс XIII—XIV вв.»¹⁴. В силу каких причин автор датировал городище столь поздним временем, сказать трудно. На основании аналогичного керамического комплекса он датировал Богдашинское городище и Хулаш домонгольским временем.

От этой ранней группы развалин городов домонгольского времени и не существовавших в эпоху XIII—XIV вв. по материалу резко отличается Тетюшское городище, где найден большой процент кирпично-красной посуды и поливная золотоордынская, а также монета Узбека. Дата Уразлинского городища не ясна. Дата Б. Кляринского городища была не ясна и Н. Ф. Калинин. На основании Карашамского клада начала XV в. некоторые исследователи пытаются датировать ближайшее городище. Правомерно ли это? Так как клад найден вне культурного слоя — думается, что нет.

В настоящее время трудно решить вопрос — города это, замки или же укрепленные деревни. Все поселения условно городского типа в районе Свияги относятся к домонгольскому времени. Они погибли или в результате феодальных междоусобиц или походов русских князей; нет данных, свидетельствующих о восстановлении их в эпоху после завоевания края ордами Батыя.

Находки кладов XIV—XV вв., надгробий золотоордынского времени еще не решают вопрос об отнесении поселений к группе городов, как это склонны делать некоторые исследователи. Надгробия могут быть найдены и в деревне, принадлежа какому-либо землевладельцу, представителю феодальной знати. Клады находят всюду и, может быть, значительная часть их найдена вне культурных слоев, как, например, установлено в отношении Карашамского клада. Феодальный город независимо от его размера должен быть центром ремесла и торговли: таким, например, был Хулаш.

Исследованные в правобережье болгарские города погибли в ранний период истории Болгарского государства и, по-видимому, поэтому в этнографическом материале современного чувашского населения трудно найти следы старого городского ремесла в области гончарного или ювелирного дела.

Но они прослеживаются в строительном деле и в декоративном искусстве. Связи чувашей с болгарской культурой отражают также фольклор и народные обычаи¹⁵.

¹² Н. Ф. Калинин. Отчет о работах по западным районам ТАССР за 1950 г. № 531, стр. 46.

¹³ Н. Ф. Калинин. Отчет об археологических разведках по западным районам ТАССР в 1949 г., № 312, стр. 99.

¹⁴ Там же, стр. 115, 116.

¹⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 83.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

О НЕКОТОРЫХ СООРУЖЕНИЯХ
ДРЕВНЕГО ПИТИУНТА¹

В настоящей статье дается краткое обобщение и дополнительная интерпретация опубликованных данных, касающихся некоторых монументальных сооружений Питиунта (совр. Бичвинта в Грузинской ССР).

В античную эпоху Питиунт, как известно, являлся греческой колонией и, по-видимому, довольно значительной, так как Страбон именует его «великим Питиунтом»², а Плиний — «богатым городом». Судя по Плинию, Питиунт в I в. н. э. был разграблен гениохами³, после чего его уже нельзя считать городом. В середине III в. н. э. он упоминается Зосимом лишь в качестве римского укрепления⁴, аналогичного другим римско-византийским укреплениям восточного Причерноморья⁵.

О том, что Питиунт не стал городом ни в IV, ни в V, ни в VI вв., свидетельствуют неоднократные упоминания его как укрепления или крепости Прокопием Кесарийским⁶. Некоторые данные для определения раннесредневекового Питиунта содержатся и в одной из юстиниановских новелл, говорящей о том, что Питиунт, так же как и Себастополис, должен быть отнесен скорее к крепостям, чем к городам. Следует отметить, что и Питиунт и Себастополис упоминаются в латинском тексте этой новеллы в качестве castra⁷. Castra же в Римской империи, как известно, представляла собой крупнейшую пограничную крепость, служившую местопребыванием целого римского легиона, насчитывавшего 6 тыс. солдат-легионеров, не считая auxilia (вспомогательного войска). Соответственно этому количеству войска площадь castra равнялась приблизительно 20—25 га⁸, чего, как мы увидим ниже, далеко не достигала площадь всего Питиунта. Небольшие размеры последнего, а также полностью исключенная возможность пребывания здесь легиона, говорят о том, что термин castra, примененный указанной новеллой в отношении Питиунта, или ошибочен, или же в VI в. он уже не имел прежнего значения.

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы античной археологии ЛОИА 30 марта 1965 г.

² Strabon, XI, 2, 14 (В. В. Латышев. SC, ВДИ, 1947, № 4).

³ Plinii NH. VI, 15 (В. В. Латышев. SC, ВДИ, 1949, № 2).

⁴ Zosim., I, 32, 33 (В. В. Латышев. SC, ВДИ, 1948, № 4, стр. 277).

⁵ В. А. Леквинадзе. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. «Сообщения АН Гр. ССР», т. XL, I, Тбилиси, 1965, стр. 247 и сл.

⁶ Прокопий. Война с персами, II—29 (перев. С. Дестуниса). СПб., 1880; он же. Война с готами, VIII—4 (перев. С. П. Кондратьева). М., 1950; он же. О постройках, III—7 (перев. С. П. Кондратьева). ВДИ, 1939, № 4, стр. 249.

⁷ Corpus juris civilis. Pars III (novellae). Ediderunt fratres Kriegelii. Stuttgart, 1887, стр. 195.

⁸ Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. III. М., 1937, стр. 126 и сл.

О том, что Питиунт во II—VI вв. н. э. представлял собой крепость, а не город, уже писалось⁹. Однако здесь нам вновь приходится говорить об этом, так как отчеты о раскопках в Питиунте именуют его без оговорок обычно городом, городищем или же городом-крепостью, несмотря на то, что публикуемый в отчетах материал хронологически ограничен — он относится исключительно к II—IV вв. н. э.¹⁰

Археологические раскопки в Питиунте¹¹ выявили очень большой материал; особенно важны оборонительные сооружения, так как именно они дают представление о характере и размерах раскапываемого памятника и археологически определяют, чем он являлся — городом или крепостью?

Об оборонительных стенах Питиунта нам приходится судить только по генеральному плану раскопок¹², из которого явствует, что Питиунт состоял из двух частей: западной — прямоугольной в плане и примыкающей к ней

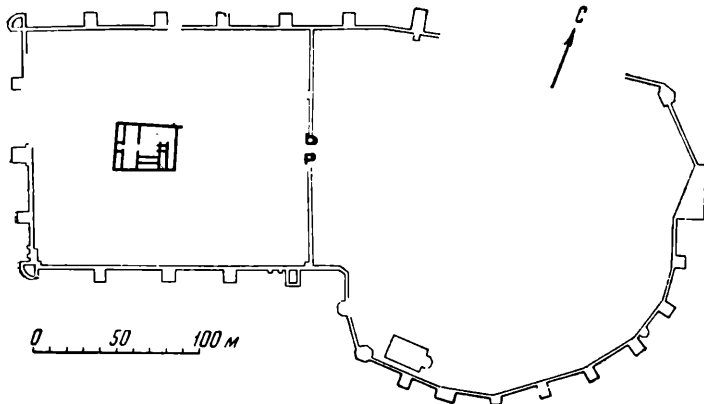

Рис. 10. Оборонительные сооружения Питиунта. План

восточной — округлой. Прямоугольная часть Питиунта (рис. 10), несомненно, является восстановленной (возможно, не один раз) римской кастеллой¹³, размеры которой равнялись 140×170 м, а площадь приблизительно 2,4 га. Именно такой формой и размерами, как известно, обладали обычные рядовые римские пограничные крепости, рассчитанные на гарнизон из одной когорты или алы *auxilia* (не более 500 солдат)¹⁴. И действительно одна такая ала (*Ala Felix Theodosiana*) упоминается в Питиунте официальным документом рубежа IV—V вв. — *Notitia dignitatum*¹⁵.

Большинство башен кастеллы (в зафиксированном на генеральном плане виде) сооружено при ее восстановлении, которое было произведено одновременно с постройкой (или также восстановлением) укреплений восточной — округлой части Питиунта. В этом можно убедиться, обратив внимание на единство расположения большинства башен всего Питиунта, а также на отсутствие у кастеллы в восточной стороне угловых башен.

⁹ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, стр. 376.

¹⁰ А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г. (Краткое сообщение). «Научн. сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г.». Тбилиси, 1960, стр. 34—36.

¹¹ Руководит раскопками проф. А. М. Апакидзе.

¹² Р. М. Рамишвили. Археологические раскопки в Бичвинте. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. III. Тбилиси, 1963, рис. 1 (на груз. яз.).

¹³ Наличие двух или трех строительных слоев в римско-византийских укреплениях восточного Причерноморья было, по-видимому, обычным явлением (В. А. Левинадзе. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. ВВ, т. XX. М., 1961, стр. 230).

¹⁴ Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 127.

¹⁵ «*Notitia dignitatum*. . .». Berolini, MDCCCLXXV, стр. 84, 85.

Основной восстановительный строительный слой оборонительных стен всего Питиунта можно датировать пока лишь приблизительно IV—V вв., так как именно к этому времени относится раскопанная башня упомянутой системы — в стенах этой башни имеется четырехрядный кирпичный пояс¹⁶, характерный для сооружений IV—V вв.¹⁷

Внутри кастеллы археологическими раскопками были полностью или частично выявлены различные постройки, из которых наиболее важная находится в самом центре кастеллы (рис. 10). Это большое сооружение являлось типичным римским преторием (*praetorium*), больше чем какое-либо другое сооружение говорящее о характере всего памятника. В претории, судя по аналогиям, можно определить и назначение некоторых его частей: небольшое помещение в середине западной части сооружения являлось *sacellum*, выходящий в широкий сакральный двор; в центре претория была расположена *principia*, по сторонам которой помещались, по-видимому, *armamentarium*. Наиболее близкой, известной нам аналогией Бичвинтскому преторию является преторий в Арнсбурге¹⁸.

Кроме претория, к первоначальной кастелле Питиунта относятся также и остатки ворот, выявленные под восстановленной частью стены в середине восточной куртины укрепления. Ворота эти оборонялись двумя башнями интересной формы. Передняя массивная часть их снаружи закруглена, в то время как нижнее помещение башни изнутри прямоугольно. Точно такие же башни известны у двух ворот Рима — *Porta Nomentana* и *Porta Arriana*. Строительный слой, связанный с этими башнями, датируется III в. н. э.¹⁹

Как говорилось, к восточной стороне кастеллы Питиунта примыкало поселение, которое, судя по находкам, возникло здесь во II или III вв. н. э.²⁰ Это поселение, также обнесенное оградой с башнями, являлось, нам кажется, типичной канабой (*canabae*), т. е. тем гражданским посадом, который возникал обычно и повсеместно возле римских пограничных укреплений. Социальный состав населения канаб, как известно, характеризуется корпорацией отставных военных, торговцами, ремесленниками и т. д.²¹ О том, что в Питиунте (а также и в Себастополисе) мы имеем дело с канабой, а не с поселением иного рода, свидетельствуют данные о другой восточнопричерноморской римской крепости — о Фазисе, являющемся для Питиунта (и Себастополиса) одною из наиболее близких аналогий. По Арриану, в начале II в. н. э. отставные военные и торговцы также селились возле кастеллы Фазиса и для охраны их поселения были проведены фортификационные мероприятия²². Кроме того, и Прокопий сообщает нам о том, что римские солдаты (надо думать отставные) «давно расселились среди абазгов»²³, причем местами их расселения в первую очередь были, несомненно, Питиунт и Себастополис.

Специфика канобы Питиунта заключается в том, что ее укрепления образуют единую оборонительную систему с реставрированной кастеллой, чего нельзя было сказать, например, о канаве II в. в Фазисе. Да и в Питиунте

¹⁶ О. С. Гамбашидзе. Предварительный отчет археологических работ, произведенных на VII раскопе в 1956—1957 гг. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. III. Тбилиси, 1963, стр. 86, табл. I (на груз. яз.).

¹⁷ С. Н. Бобчев. Смешанная зидария. София, 1952.

¹⁸ R. Cagnat. Praetorium (M. Ch. Dargemberg. Edm. Saglio. Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines. Fasc. 39. Paris, 1906, pag. 5793).

¹⁹ J. A. Richmond. The city wall of imperial Rome. Oxford, 1930, p. 241—250, рис. 15, 20.

²⁰ Р. М. Рамишвили. Указ. соч., стр. 82, 83.

²¹ Т. Д. Златковская. Мезия в I—II веках нашей эры. М., 1951, стр. 102, 103; И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 116, 117; Ш. Андре Жюльен. История Северной Африки. М., 1961, стр. 186; O. Vohn. Rheinische Lagerstädte, «Germania», Jahrg. X, H. I, 1926, стр. 25—36.

²² Arrian. PPE, 12 (В. В. Латышев. SC, ВДИ, 1948, № 1).

²³ Прокопий. Война с готами, VIII—99-11.

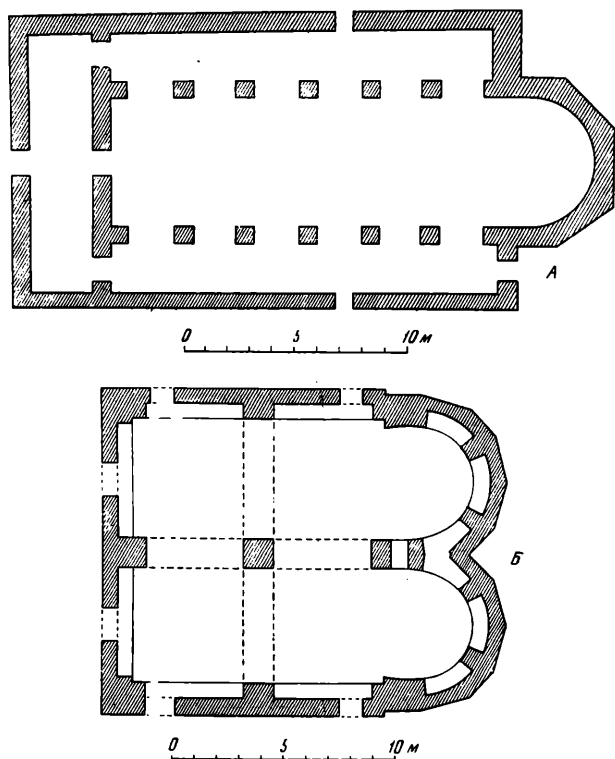

Рис. 11. Архитектурные памятники Питиунта.

А — базилика, Б — двухабсидная церковь

первоначальная кастелла в фортификационном отношении была в большей степени изолирована от канабы, о чем свидетельствует наличие двух башен²⁴ у обращенных к канабе ворот. Как говорилось, реставрированная оборонительная система всего Питиунта датируется, по-видимому, IV—V вв., а в это время происходит процесс превращения солдат регулярных пограничных частей в обыкновенных военных колонистов (*limetanei*), занимавшихся земледелием, ремеслами и торговлей; эти колонисты лишаются жалования и даже, кажется, звания солдат²⁵. При таком положении дела, видимо, исчезла и сама необходимость в особенной изоляции канабы от кастеллы, что и выразилось здесь в создании единой оборонительной системы обеих частей Питиунта.

В числе сооружений на территории канабы Питиунта открыта христианская базилика, выстроенная на развалинах предшествующих ей сооружений. В базилике (рис. 11, А) три нефа, разделенные квадратными в сечении столбами, пятигранная абсида и нартекс²⁶. Она, очевидно, имела деревянное стропильное перекрытие, так как низкое качество примененного в ней строительного материала — морского конгломерата — потребовало бы при сводчатом перекрытии пилястров, служивших бы опорными точками сводов. В этом можно убедиться, сравнив с описываемой базиликой три другие, приблизительно одновременные ей сводчатые сооружения в Пи-

²⁴ Эти ворота, судя по ориентировке вышеописанного претория, должны были именоваться *Porta Decumana*.

²⁵ Г. Дельбрюк. Указ. соч., прим. 2, на стр. 283; Ш. Андре Жюльен. Указ. соч., стр. 186, 187.

²⁶ Ир. Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955, стр. 41, табл. XVII₅ (на груз. яз.).

тиунте: нижеописываемую двухабсидную церковь, церковь зального типа (пока не опубликована) и, наконец, анфиладную баню, обладающую весьма необычной для бань этого типа деталью — угловыми пилястрами, наличие которых было вызвано здесь именно непрочностью употреблявшегося в Питуинте строительного материала.

В пользу стропильного перекрытия Бичвинтской базилики говорят и основные особенности ее плана — вытянутые пропорции и наличие нартекса, характерные для базилик эллинистического типа, имевших именно деревянные перекрытия. Такие эллинистические базилики со столбами и деревянными перекрытиями были выделены в Болгарии даже в особую группу и именно они, кстати сказать, обнаруживают особенное сходство с Бичвинтской базиликой. В качестве примера можно назвать Старую Митрополию в Месемврии²⁷.

В более широком аспекте Бичвинтская базилика вообще родственна базиликам эллинистического типа, столь распространенным во всем Причерноморье. Но самой близкой аналогией описываемому сооружению является, по-видимому, раскапываемая в настоящее время базилика в Петре (совр. с. Цихисдзири в Груз. ССР), которая обладает совершенно аналогичным сочетанием тех же самых особенностей, какие имеются и в Бичвинтской базилике, — пятигранная абсида, столбы вместо колонн и нартекс. Сочетание этих особенностей в обоих памятниках, возможно, позволит поставить вопрос о существовании в Восточном Причерноморье локальной разновидности базилик. От обоих указанных базилик этого района северо-причерноморские²⁸ и балканские²⁹ базилики отличаются, в частности, применением колонн вместо столбов, а также полукруглыми или трехгранными наружными очертаниями абсид. Бичвинтская базилика датируется VI в.³⁰ или же временем между концом V и серединой VI вв.³¹

Наиболее интересным сооружением Питуинта является его двухабсидная (или двойная) церковь «за стенами», расположенная в 400—500 м к северу от укрепления (рис. 11, Б)³². Двухабсидные церкви в раннесредневековой архитектуре представляют собой большую редкость — их известно всего две³³; двухабсидные же пещерные церкви³⁴, по-видимому, были довольно обычны³⁵. Характерно, что те и другие находятся только в Малой Азии, что косвенно подтверждает малоазийские связи Питуинта.

В остатках описываемой церкви прослеживаются центральный столб и пилястры, по которым можно судить о характере несохранившегося перекрытия, правильно восстанавливаемого Т. К. Микеладзе. Если бы пролеты арок между указанными элементами были бы одинаковыми, то при квадратном плане зала церкви можно было бы предполагать здесь наличие четырех крестовых сводов. Меньшие же размеры пролетов продольных арок

²⁷ Кр. Мнятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, стр. 13, 16 и 83; рис. 4—6 и 73.

²⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА № 63, 1959, стр. 182; рис. 58, 67, 72, 75, 79, 82, 84, 86 и 99.

²⁹ W. Zas-Salozicky. Die byzantinische Baukunst in den Balkanländern. München, 1955, taf. 1—1, 3—8, 10.

³⁰ Ир. Ц и ц и ш в и л и. Указ. соч., стр. 41.

³¹ А. Khatchatian. Les baptistères paléochrétiens. Paris, 1962, стр. 115.

³² Т. К. Микеладзе. Бичвинтская двухабсидная церковь. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. III, стр. 125—131, табл. I—VI (на груз. яз.).

³³ Это широкоизвестная церковь в Учайаке, с которой сравнивает описываемый памятник и Т. К. Микеладзе (J. Strzygowski. Kleinasien. Leipzig, 1903, стр. 32—41; рис. 24 и 27) и малоизвестная церковь в Чурук-Кале (J. G. Anderson. A. Journey of Exploration in Pontus. «Studia Pontica», 1. Bruxelles, 1903, стр. 45, 46).

³⁴ H. Rott in: «Zeitschrift für Geschichte der Architectur», 6, 1908, со ссылкой на: W. M. Ramsay, G. L. Bell. The thousand and one churches. London, 1909, стр. 390.

³⁵ H. Rott. Kleinasiatische Denkmäler. Leipzig, 1908, рис. 38, 41; N. et M. Thierry. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1963, рис. 24 и 30.

и их более мощные опоры свидетельствуют о том, что продольной аркатуре соответствовали в середине здания опоры для двух продольных сводов, подчеркивавших, как и абсиды, двойной характер сооружения. Поперечные арки были подпружными. Примыкающие же к стенам арки были перекинуты от упомянутых пилястров к угловым. Для характеристики внутреннего устройства церкви следует отметить и расчленение абсид изнутри пилястрами. Эта деталь интересна тем, что обычно абсиды усиливались пилястрами или контрфорсами лишь снаружи, а не изнутри. Эти пилястры на вогнутых плоскостях абсид соответствуют пилястрам обоих зал храма и тем способствуют единству интерьера.

Очень важной особенностью описываемой церкви является наружная форма ее абсид — Т. К. Микеладзе считает их пятигранными. Но это верно лишь отчасти. В принципе же абсиды церкви имеют четное количество граней — шесть, только шестые грани у них соприкасаются. Зданий с такими абсидами пока известно всего три³⁶, а с четырехгранными — четыре³⁷. Однако дело заключается здесь не только в редкости упомянутой детали, а в том, что абсиды с четным количеством граней появляются, по мнению Е. Герцфельда и С. Гуйера, в конце VI в.³⁸, а по мнению Ш. Дельвуа — с середины VI в.³⁹ Т. К. Микеладзе же датирует описываемую церковь, исходя главным образом из сходства ее с Учайакским храмом (в публикации И. Стриговского), началом VI в. Однако датировка Учайка теперь уже изменена. Его считают сейчас «наверняка послеюстиниановским»⁴⁰, так что и Бичвинтскую двухабсидную церковь нужно датировать, по-видимому, концом VI в., но не раньше второй половины VI в.

³⁶ G. Schön. Mosaikinschriften aus Cilli. «Jahreshefte des Osterreichischen archäologischen Institutes», Bd. I, H. I. Wien. Beibl., 1898, col. 29, рис. 12; E. Herzfeld und S. Guyer. Meriamlik und Korykos. Manchester, 1930, рис. 87, 88 и 90, стр. 100, 101; M. Prelog. Poreč, grad i spomenici. Beograd, 1957, стр. 91, табл. II.

³⁷ Ch. Delvoye. Etudes d'architecture paléochrétienne et byzantine. «Byzantion», t. XXXII, fasc. 1. Bruxelles, 1962, прим. 2, стр. 304.

³⁸ E. Herzfeld und S. Guyer. Указ. соч., стр. 100, 101.

³⁹ Ch. Delvoye. Указ. соч., стр. 304.

⁴⁰ E. Herzfeld und S. Guyer. Указ. соч., стр. 100, 101.

Л. Г. ИШХАНОВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Лет тридцать тому назад памятники зодчества Кавказской Албании — раннесредневекового Азербайджана — были почти неизвестны научному миру вследствие того, что многие из них не сохранились до наших дней в своем первоначальном виде; археологически же они изучались мало. В настоящее время известно уже несколько памятников VI—VII вв., более или менее детально исследованных¹. К ранее известной Кабале, «длинным стенам» и укреплениям² теперь прибавились памятники, выявленные в 1938—1939 гг. экспедицией Азербайджанского центрального управления охраны памятников, — трехнефная базилика в сел. Кум и круглый храм в виде тетраконха, окруженного галерей, в сел. Лекит (Кахский район Азерб. ССР), выделяющиеся совершенством архитектурно-художественных форм и конструктивных приемов.

Публикация руководителя экспедиции П. Д. Барановского³, содержащая описание этих замечательных зданий и выдвинувшая их на одно из видных мест в истории мирового искусства⁴, явилась по сути первой работой, специально посвященной архитектуре Кавказской Албании.

Не менее важными памятниками зодчества Кавказской Албании явились открытые раскопками Р. М. Ваидова мингечаурские храмы⁵. Несмотря на их фрагментарную сохранность, удалось восстановить в общих чертах их плановое решение и выяснить некоторые детали архитектурного убранства.

Несколько лет назад Э. И. Ямпольским был выявлен и описан небольшой храм VII в. на горе Бешидаг в Агдамском районе Азербайджанской ССР⁶.

Эти памятники, а также некоторые средневековые оборонительные сооружения в Исмаиллинском районе Азербайджанской ССР⁷ исчерпывают

¹ М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 29—37.

² Там же, стр. 27—29; 40—42; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 267—287.

³ П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Лекит. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». Москва—Баку, 1947, стр. 29—33, табл. 3.

⁴ М. М. Дьяконов. Рецензия на книгу «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». ВИ, 1948, № 9, стр. 119—122.

⁵ Р. М. Ваидов. Мингечаур в III—VII вв. (по материалам раскопок). Баку, 1961, стр. 92—128 (на азерб. яз.).

⁶ Э. И. Ямпольский. Памятники Кавказской Албании на горе Бешидаг. СА, 1960, № 2, стр. 246—250.

⁷ В 1963 г. обследованы Институтом истории АН Азерб. ССР (см.: Ф. Л. Османов. Археологические памятники Исмаиллинского района. «Сессия, посвященная ито-

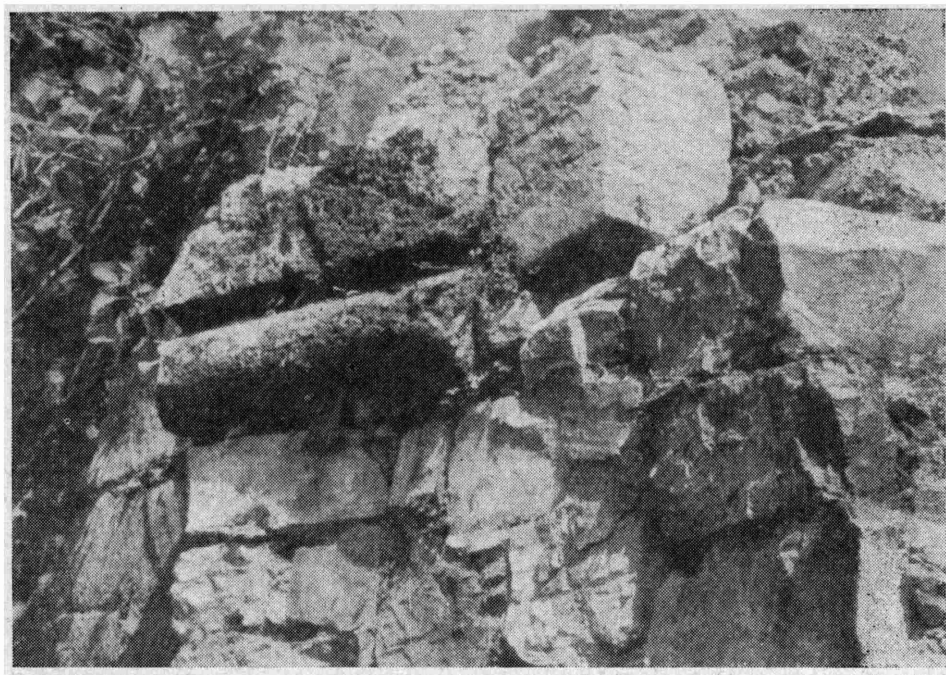

Рис. 12. Храм в сел. Ках-Баш. Импост арки алтарной конхи

круг наших весьма ограниченных представлений о зодчестве Кавказской Албании.

Поиски новых памятников начаты в районе, где по соседству друг с другом расположены Кумская базилика и храм в сел. Лекит — наиболее крупные культовые здания Кавказской Албании. В 1964 г. в селении Ках-Баш⁸ был открыт еще один памятник албанской культовой архитектуры. Остатки небольшого строения, сильно заросшие колючим кустарником и неприметные со стороны, находятся на склоне горы, за окраиной села. Сравнительно хорошо сохранились юго-западный угол и части северной и южной стен. Их высота снаружи колеблется в пределах 2,2—2,8 м от современного уровня земли (внутри постройки уровень земли на 1,0—1,2 м ниже наружного). Толщина стен 0,90 м. Наружные размеры постройки 6,3 × 9,4 м.

Внутреннее пространство представляет прямоугольный, приближающийся к квадрату зал размером 4,5 × 5,5 м с алтарным полукружием с восточной стороны. Здание напоминает часовню (рис. 13).

Продольная ось ориентирована с запада на восток с отклонением на 15° к югу. Также ориентированы кумская базилика, храм в сел. Лекит и некоторые храмы Мингечаура (Судагылан) — храм II и храм III⁹. Совпадение ориентировки вряд ли случайно.

Стены (судя по северной стороне) переходят в апсиду с уступом (креповой) шириной в 10 см. Апсидальное полукружие, сохранившееся на высоту 5—6 рядов кладки, имеет ясно выраженное подковообразное очертание. Снаружи кладка апсиды не выступает над поверхностью земли. Арка алтарной конхи (так называемая триумфальная) не сохранилась, но на

гам археологических работ 1963 г. Тезисы докладов». Баку, 1964, стр. 34; он же. Об археологических памятниках Исмаиллинского района. «Материальная культура Азербайджана», т. VI, Баку, 1965, стр. 123—128).

⁸ Селение расположено в 3 км от районного центра Кахи, у дороги Кахи-Ильису.

⁹ Р. М. В а и д о в. Указ. соч., стр. 98, рис. 25, стр. 99, рис. 26.

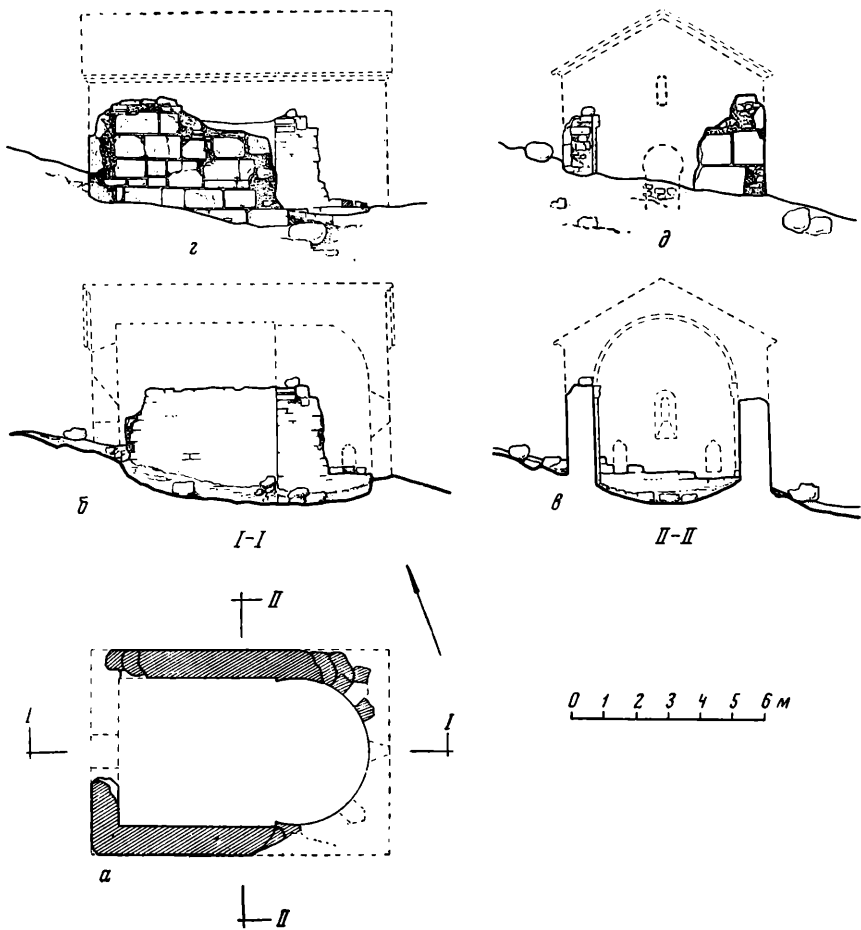

Рис. 13. Храм в сел. Ках-Баш

а — план; б — разрез по линии I-I; в — разрез по линии II-II; г — южный фасад;
д — западный фасад

северном крае апсидального полукружия на высоте 3 м уцелел импост арки в виде небольшого профилированного чисто тесаного камня — местного сильно пористого известняка, размером $35 \times 35 \times 60$ см (рис. 12), на который и опиралась пята арки. Импост имеет несложный профиль в виде двухцентрового валика высотой 17 см, выступающего на 10 см из плоскости апсиды, и полки со скосом над ним, высотой 18 см. В северо-восточной части апсиды была устроена небольшая пятиугольная ниша, частично сохранившаяся (уцелело три камня). Аналогичная симметричная ниша имелась, вероятно, в юго-восточной части апсиды. Линия восточной стены здания снаружи не просматривается, но прямая линия северной стены (полнее сохранившейся) без признаков закругления, а также наличие указанных алтарных ниш, показывает, что апсидальное полукружие снаружи не выступало.

Судя по наличию импоста, на который опиралась пята триумфальной арки, здание было перекрыто коробовым сводом с двухскатной кровлей каменными плитами черепичного характера. Стены часовни сложены из бутового камня на прочном известковом растворе и по фасаду облицованы крупными квадрами (35×80 ; 65×90 ; 70×120 см) грубо околотого булыжного камня серо-голубоватого и серо-зеленоватого оттенков. Камень тщательно подобран в рядах кладки по высоте; плиты уложены не плашмя,

а вертикально¹⁰, что придает небольшому строению монументальность, а сочетание цветовых его оттенков — живописность. Стены интерьера облицованы тем же камнем, но несколько меньшего размера (20 × 30, 20 × 40, 23 × 45 см и т. п.).

До проведения археологических работ трудно утверждать, была ли здесь крипта — склеп-подземелье подобное тому, что имело место в часовнях верхнего монастыря («Едди Килисе») в сел. Лекит, находящегося в 12 км от сел. Ках-баш и относящегося, по-видимому, к XI—XIII вв.

Композиция всего здания, приближающегося в плане к квадрату с примыкающей к нему апсидой, и размеры часовни роднят ее со сходными памятниками других областей Закавказья, особенно Армении. Первые христианские постройки ее в виде однефных церквей, первоначально продолговатые в плане, со временем приближаясь к квадрату, «перерождаются в небольшую сводчатую часовню с двухскатной кровлей, сооружение которой было под силу рядовому жертвователю»¹¹. Подобные постройки встречаются в Армении почти всюду, но они разновременны¹².

Хронологическая неопределенность типа простой однефной часовни в Закавказье очень затрудняет датировку нашей постройки. Но многие признаки сближают ее с раннесредневековой архитектурой. На это указывает близость техники постройки часовни к Кумской базилике и храма в Леките — строительный материал, характер его обработки, техника кладки, несколько более архаичная в Ках-Баше, наличие такой характерной детали, как подковообразные очертания апсиды, наконец, совпадение ориентировки. Вероятнее всего, что наша часовня одновременна расположенной неподалеку кумской базилике и также относится к VI в.

Наличие нескольких памятников культовой архитектуры Кавказской Албании, более или менее одновременных (храмы в Куме, Леките, Ках-Баше и др.) и сгруппированных на сравнительно небольшой территории, говорит об интенсивном культовом строительстве в этом районе.

Сохранившиеся на территории Кавказской Албании, Армении и Грузии памятники христианской архитектуры раннего средневековья, обладающие сходными архитектурно-композиционными и конструктивными приемами, иначе говоря чертами стилистической близости, характеризуют один из наиболее важных периодов развития архитектуры Закавказья.

Эта близость проявляется и в базиликальных постройках, и в типе круглого храма с заключенным в нем тетраконхом, и в ранней, еще до-средневековой жилой архитектуре. В этом отношении показателен широко распространенный и хорошо известный тип азербайджанского «карадама», грузинского «дарбази», армянского «глхатуна» и южноосетинского «эрдояни-сахли»¹³.

В полной мере родство форм и всего архитектурно-художественного облика сказывается и в небольших культовых зданиях типа албанского Ках-Баша, армянских Танаат, Вохджаберд, Авана, в Аштараке¹⁴ и других постройках этого рода в Закавказье.

Эти параллели, «часто приводящие исследователей к ложным скоропелым заключениям по схеме простого заимствования»¹⁵, позволяют говорить об определенной общности закавказского архитектурно-художественного круга раннего средневековья.

¹⁰ Подобная техника облицовки стен таким же грубо околотым булыжным камнем таких же тонов наблюдается в базилике в сел. Кум (П. Д. Барановский. Указ. соч., стр. 30).

¹¹ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IX—XIV вв. Ереван, 1961, стр. 76, рис. 20

¹² Там же, стр. 74, 75.

¹³ М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Указ. соч., стр. 11; М. И. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. «Сообщения Ин-та истории и теории Академии архитектуры СССР», вып. 5. М., 1946.

¹⁴ Н. М. Токарский. Указ. соч., стр. 76.

¹⁵ Г. Н. Чубинашвили. Очерк развития в Грузии дофеодальной архитектуры. Ars Georgica, 5. Тбилиси, 1959, стр. 57.

И. М. МИЗИЕВ

О НЕКОТОРЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАЛКАРИИ¹

В настоящее время всеми исследователями признается чрезвычайно слабая изученность памятников позднесредневекового периода Северного Кавказа², в том числе и Кабардино-Балкарии.

Фортификационные сооружения на территории Балкарии известны почти во всех ущельях по рекам Черек, Чегем, Бақсан. Располагаются они на отрогах гор, окаймляя глубокие горные котловины. Об этих памятниках лишь упоминают почти все дореволюционные путешественники и исследователи, побывавшие на Северном Кавказе³. Более подробный обзор этих памятников имеется лишь в одной небольшой статье⁴.

Обследование указанных памятников, проведенное автором, позволяет уточнить данные⁵, а анализ особенностей в расположении и конструкции позволяет предварительно наметить несколько групп оборонительных сооружений.

Первая группа объединяет башни и сооружения крепостного типа в труднодоступных местах. Форма их в плане зависит от естественных конфигураций скальных площадок. Размеры их также различны — длина сторон колеблется от 4—6 до 7—8 м. Некоторые сооружения этого типа не имеют пристроек и внутреннего разделения; они однокамерные, большей частью двух-трехэтажные. К другим пристроены жилые дома. Они соединены с основной башней стенами, под прикрытием которых возможен был проход в крепость из жилищ. К ним относятся комплексы «Малкар-Кала» в Верхней Балкарии (Черекское ущелье); крепость состоит из трех

¹ Из доклада, прочитанного на Кавказской секции Всесоюзной сессии археологов в Москве 18 апреля 1966 г.

² А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 28; Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабарды. Нальчик, 1948, стр. 42—46; В. А. Кузнецов. Основные проблемы археологии Северной Осетии. «Известия Сев.-Осет. научно-исслед. ин-та», т. 25. Орджоникидзе, 1966 г., стр. 206.

³ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. «Тр. Восточного отд. имп. археол. об-ва». СПб., 1858, ч. III; «Отчет Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ с археологической целью в 1867 г.». «Изв. имп. русск. археол. об-ва», т. VIII. СПб., 1877, 329, 339—340; В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. МАК, вып. 1, 1888, стр. 77, 78; Н. Харузин. По горам Северного Кавказа. «Вестник Европы», кн. VI. СПб., 1888, стр. 185—187; В. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды «Вестник Европы», кн. IV, 1884, стр. 548.

⁴ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Архитектурно-археологические памятники горной зоны КБ АССР. УЗКБНИИ, т. XVII. Нальчик, 1960, стр. 67—92.

⁵ Ср. «Отчет И. М. Мизиева об археологических работах в Балкарии в 1965 г.». Архив ИА АН СССР, № 3127.

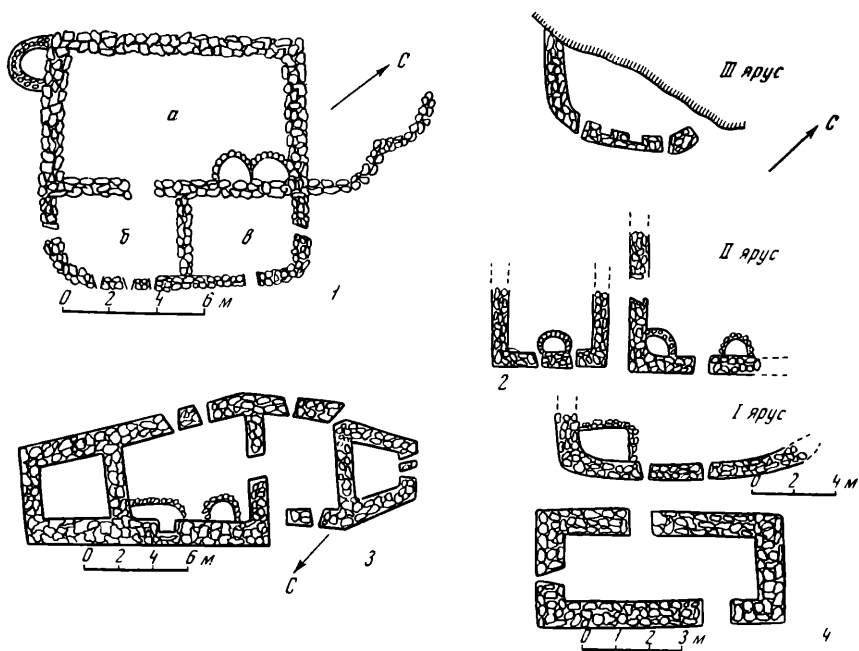

Рис. 14. Оборонительные сооружения средневековой Балкарии

1 — план крепости Болат-Кала; 2 — план укрепления Зылги; 3 — план замка Джабоевых;
4 — план башни Амирхана

камер, одна из которых является позднейшей пристройкой, и «Болат-Кала» (в том же районе; рис. 14, 1). Первоначально она имела одну камеру (а) $8,8 \times 6,8$ м, толщина стен $0,65—0,90$ м. Затем к ней пристроили (со стороны склона) другую часть, шириной в $2,9$ м, разделенную на две камеры (б и в). Толщина стен пристройки $0,4$ м. Таким образом, крепость стала трехкамерной. Во вновь образованной передней стене пробито около 10 бойниц и окон. В крепости имеются ямы-хранилища, выложенные камнем на известковом растворе. В единственно доступной северо-восточной части к крепости примыкает стена длиной около 6 м, толщиной $0,60$ м.

Для кладки использовался грубо отесанный камень. Планировка площадки достигалась путем наращивания склона и забутовкой трещин скал; такая площадка служила полом зданий.

Ко второй группе относятся два памятника, оборонительные сооружения которых расположены в три яруса. Они находятся в малодоступных местах. Примером такого сооружения является укрепление Зылги (рис. 14, 2). Первый нижний ярус представляет собой остатки сооружения с длинной слегка скругленной стеной и окнами-бойницами, из которых хорошо просматривается дорога, ведущая в долину; изнутри, в южной части к стене примыкает небольшая пристройка. Во втором ярусе сохранились остатки двух зданий с узким проходом в $0,6$ м между ними. В конце XIX в. В. Ф. Миллер и Н. Харузин отметили во втором ярусе четыре сооружения⁶. Видимо, этот ярус и был основной частью оборонительного сооружения, связующим звеном всего комплекса. Расстояние между ярусами I и II — $10—11$ м. Третий, верхний ярус, находящийся выше II яруса на 50 м, представляет собой отдельно стоящую башню, примыкающую к скале. Между скалой и одной из стен башни в восточной части находится вход шириной $0,8$ м. В отличие от I и III ярусов, которые по

⁶ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды, табл. XVIII (нижний рисунок).

строительной технике близки сооружения первой описанной группы здания центрального яруса оштукатурены с внешней и внутренней сторон; оконные проемы облицованы плитами. Внутри зданий этого яруса у стен находятся ямы-хранилища.

Комплекс «Усхур-Кала» (над бывшим аулом Усхур в Безенгийском ущелье) расположен на крутом утесе. В самой высшей точке с юго-западной стороны гора обрывается, образуя отвесную стену высотой в 200—250 м. По более пологому и более доступному северо-восточному склону горы расположены два оборонительных сооружения с бойницами и ямами-хранилищами.

Третье сооружение — цитадель, защищаемое ими, находилось со стороны отвесного обрыва. Соответственно размерам небольшой площадки скального выступа, стены цитадели были пристроены к отвесной скале. Между скалой и одной из стен оставлен проход — 0,9 м, к которому вели, видимо, ступеньки, выбитые в скале. Башня была трехэтажная с бойницами и оконными проемами в стенах. Сверху башня неуязвима, ибо скалы нависают над ней.

Стены Усхурских сооружений не оштукатурены и этим отличаются от центральных сооружений Зылги, хотя близки им по планировке.

К третьей группе относится очень хорошо сохранившийся своеобразный памятник — замок Джабоевых, расположенный в Безенгийском ущелье на вершине высокой горы. Его планировка продиктована естественной конфигурацией участка (рис. 14, 3). Внутреннее пространство замка разделено на несколько камер. Два крайние помещения являлись угловыми башнями. Вход в замок с северо-запада; внутри имеются дверные проемы в отдельные помещения.

В стенах много бойниц, особенно в башнях. На расстоянии 15 м к югу от замка находятся остатки оборонительной стены с бойницами.

Стены замка оштукатурены. Конструктивные особенности, строительная техника и неоднократные упоминания о нем в легендах выделяют этот памятник из всей массы сооружений этого типа.

В четвертую группу входят отдельные башни, сооруженные в аулах. Они расположены в центре или на окраине аулов. К ним относятся башня Абаевых, башня Амирхана в Верхней Балкарии, башня Ак-Кала в с. Безенги и башня Балкаруковых в с. Верхний Чегем и др. Эти башни трех-, пятиэтажные, их стены кверху немного сужаются. Сложены они из камня, тщательно обтесанного; в нижних рядах кладки плотно пригнаны плиты, которые прочно связывали основание башни. Оконные и дверные проемы отделаны длинными плитами. В стенах имеются ниши, окна и бойницы, стены оштукатурены. Башня Амирхана, сооруженная из более мелких камней на огромном скальном валуне высотой около 8 м, в плане имеет четырехугольную форму (рис. 14, 4). Стены ее не оштукатурены. От всех других резко отличается башня Балкаруковых с парапетом, нависающим над стенами, к ней примыкают жилые постройки. По преданию, башня Балкаруковых построена мастерами сванами, и это, возможно, объясняет конструкцию⁷.

Большая часть рассмотренных сооружений имеет много общих черт в конструкции с аналогичными памятниками Центрального Кавказа. Так, сооружения первой и четвертой групп близки к боевым башням Чечено-Ингушетии.

В настоящее время более изученными можно считать чечено-ингушские башни⁸, которые по своим назначениям делятся на жилые и бое-

⁷ Гр. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. МАК, вып. X,

⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 г. Владикавказ, 1930 (рисунки к стр. 368 и 381); он же. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963 г.; 1904 г. (табл. XXa; стр. 41, рис. 1; стр. 44, рис. 2).

вые, из них более древними считаются жилые башни⁹. Однако вопросы о назначении и датировке этих сооружений требуют дополнительных исследований. Кроме того, следует учитывать внутренние социальные и внешние политические причины появления в горной зоне Северного Кавказа башенных сооружений. Каменное строительство в Кабардино-Балкарии известно издавна¹⁰. Местный характер сооружений всех этих памятников несомненен.

Еще в X—XII вв. в местной среде наблюдаются уже все элементы выделения феодальной верхушки¹¹, для своей безопасности они вынуждены были создавать укрепления. Известно, что в первой четверти XIII в. при нашествии на Северный Кавказ (1222) монголы застали укрепленными почти все ущелья Центрального Кавказа; о том, насколько важно для них было овладеть этими ключевыми позициями к перевальным путям, ведущим в Закавказье, говорят средневековые летописи, на что уже обращено внимание¹². Именно в период X—XII вв. и могли появиться оборонительные сооружения первой группы, которые в связи с монгольским нашествием еще более укреплялись. В этих башнях и крепостях могли жить отдельные выделившиеся семьи или небольшие роды (в Болат-Кала, Малкар-Кала); безусловно, все жители ближайших аулов не могли в них укрыться. Эти укрепления могли служить долгое время, и в XIV—XVII вв. Тимур после победы над Тохтамышем на р. Терек (1395) участвовал в покорении горцев у подножия Эльбруса, о чем красноречиво рассказывает Шериф-аддин Йезди в «Книге побед»¹³. Он называет крепости Кулы, Тауса и другие, «которые принадлежат к племенам обитателей Эльбруса. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса». Дальше автор рассказывает о неимоверных трудностях, с которыми Тимуру удалось овладеть этими районами. Таким образом, в XIV в. Тимур застал этот район хорошо укрепленным.

Вероятно, можно к этому периоду отнести такие укрепления, как Зилги, Усхур и некоторые другие, относящиеся ко второй группе. Появление этих более мощных укреплений с цитаделью было вызвано, с одной стороны, развитием и становлением феодальных отношений и, с другой — внешними событиями — нашествием монголов. Появление замка (Джабоевых) (третья группа памятников) — крепости феодала — это результат сформировавшегося феодализма в балкарской среде.

Четвертая группа — башни. Обычно они рассматриваются как памятники XVI—XVIII вв. Это наиболее поздние памятники горской архитектуры балкарцев, они расположены не в горах, а в самих аулах, что свидетельствует о дальнейшем процессе развития феодальных отношений.

И. П. Шеблыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928, стр. 1—21; В. И. Марковин. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, стр. 92—111.

⁹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, стр. 70 и сл.

¹⁰ Е. А. Алексеева. Археологические раскопки в р-не сел. Чегем. «Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии», вып. IX, Нальчик, 1960, стр. 200, 201; Г. И. Ионен. Верхнечегемские памятники VI—XIV вв. УЗКБНИИ, т. XIX. Нальчик, 1962, стр. 190—194.

¹¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре. СА, 1959, № 2, стр. 117.

¹² Л. И. Лавров. Нашествие монгол на Северный Кавказ. ВИ, 1965, № 5, стр. 101, 102.

¹³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник сведений, относящихся к истории «Золотой Орды», т. II. М.—Л., 1941, стр. 181—183.

В. И. КОЧЕДАМОВ

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ
ПЕРВЫХ РУССКИХ ПОСТРОЕК В СИБИРИ

Сибирская земля, с которой впервые познакомились русские, лежит за Уральским хребтом по обе стороны нижнего течения Оби. Ее населяли ханты (остяки) и манси (вогулы), а на севере и п-ове Ямал кочевали ненцы (самоеды). Эти же народы жили и на печорском севере, западнее Камня (Урала). Русские двигались сюда с Печоры по ее правобережному притоку — р. Усе, на р. Сось, впадавшую в Обь неподалеку от Салехарда. Но уже тогда существовала другая дорога, о которой упоминается около 1100 г. Она называлась Зырянской и шла с Сыгвы на Обь, к месту, где впоследствии возник город Березов¹.

В XII—XIII вв. в Югру и Самоядь проникали главным образом новгородцы, а в начале XIV в. соперником Великого Новгорода выступает Великий Устюг. Для упрочения своего влияния Новгород в 1363 г. послал в Югру большую рать с воеводами Александром Абакумовичем и Степаном Ляпой. Отряд шел с Печоры по р. Шугуру, а затем волоком на зауральскую р. Сыгву, с нее на Сосву и затем на Обь. Река Сыгва имеет второе, древнее название — Ляпин, возможно возникшее от имени одного из воевод этого похода, построившего там острог для отдыха после трудного пути.

В 1445 г. мансийцы совершили налет на Пермскую землю, угнав много пленных. В том же году был предпринят ответный поход, в летописном сведении о котором впервые говорится о постройке русского острога в Югорской земле. Новгородские военачальники Василий Шенкурский и Михаил Яколь пошли за Урал с трехтысячной ратью и там разделились. Собравшиеся с силами югорцы «ударившись на острог на Васильев и много добрых людей, детей боярских и удалых людей избиша... а Василий убежа с сыном своим Семеном в мале дружины». Когда возвратился из похода по «иной реке» Михаил Яколь, он собирал по лесам земляков и все «поехоша в свою землю»².

После включения Новгорода в состав Московского государства в Югру начали проникать москвичи. В мае 1465 г. московский князь послал устюжанина Василия Скрыбу «Югорскую землю воевати». Поход был успешным. «Землю за великого князя привели»³, но дань поступала плохо, в 1481 г. манси напали на Пермь Великую — город Чердынь. Нападение

¹ А. Х. Лерберг. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, стр. 79.

² «Новгородская летопись». СПб., 1888, стр. 426.

³ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 86.

было отбито, а в 1483 г. Иван III посылает в Югру большую рать во главе с воеводами Федором Курбским-Черным и Иваном Салтыком-Травинным⁴. Этим походом, видимо, была решена участь Югры, и она стала данником Москвы. Но югорские народы как объединившись, так и порознь совершали набеги на Казань, которая уже зависела от Москвы. Страдала и Пермь Великая. Для наказания югорцев в 1499 г. была отправлена экспедиция в составе 4024 человек. Ее возглавили Семен Курбский, Петр Ушатый и Василий Гаврилов-Бражник. Князья привели свои отряды на Печору к устью р. Шугура и «город зарубили». В начале зимы рать покинула лагерь и шла на лыжах до «Камня» две недели. Пять дней преодолели горное ущелье и еще неделю шли до Ляпинской крепости⁵.

Все прошлые походы начинались весной, а к осени их участники возвращались домой. На этот раз огромная по тому времени армия оказалась в Сибири в начале зимы. Отряд разделился, и военные операции велись на большой территории. Этот поход способствовал более прочному присоединению Югры к Руси. Позднее, когда велось государственное освоение сибирской территории, во всех случаях, если отряд заставляла зима, строились избы и ограждались острогами. Только эта мера позволяла переждать стужу среди враждебно настроенного населения, пытавшегося сжечь или взять штурмом крепость нежданных пришельцев. Очевидно, что без укреплений не могли провести зиму и пришедшие в Югру отряды⁶.

Известно, что в ранней Сибири имелось семь русских острожков, возникших на местах мансийских городков: Ляпинский, Юильский, Сартыньянский, Казымский, Березовский, Обдорский и Кодский (рис. 15). Ни один из источников не дает сведений о времени их возникновения, в то время как появление других сибирских городов, острогов и даже зимовий достаточно подробно освещено историческими документами. Остается предположить, что эти острожки были возведены воинами князя Курбского. Если о них нет письменных известий, то в двух случаях сохранились существенные материальные остатки немых свидетелей зимней кампании рубежа XV и XVI вв.

Ляпинский городок случайно обнаружил в 1884 г. этнограф К. Д. Носилов. Он описал его так: «Передо мною в кустах, обугленная временем, бревенчатая, вся темная постройка, и все так поросло травой, так затянуло кустарником, что видны только стены, маленькие оконца и часть повалившегося частокола... постройка представляла собой старую бойницу-крепость, и когда я осторожно туда проник, то в ней оказались две низенькие полукруглые двери и выше потолка такие кругом по стенам палаты, которые явно служили жителям этой странной крепости местом сражения, потому, что повсюду в стенах их, выдававшихся на улицу, были проделаны маленькие отверстия, в которые вставлялись старинные пищали. Несомненно, передо мною была старинная русская крепость, за что говорила и стена около нее из высокого, плотного еще до сих пор частокола...»⁷ Он же записал мансийское народное предание о высоком рус-

⁴ «Устюжский летописный свод», стр. 94.

⁵ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 137, 434.

⁶ С. Курбский и П. Ушатый были известными строителями городов (А. Савельев. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853, стр. 112). С. Курбский в 1523 г. основал г. Василь на р. Суре («Русский биографический словарь», т. 9. СПб., 1903, стр. 602).

⁷ К. Д. Носилов. По следам князя Курбского. У Вогулов. Очерки и наброски, 1904, стр. 213. Автор пишет, что все его попытки отыскать дату постройки крепости были безуспешны. Он не решается отнести ее ко времени С. Курбского, но определяет возраст постройки тремя столетиями, т. е. около 1580-х годов. Более поздние авторы: Абрамов, а после Дудин-Гаркович и Палашенков без оснований называют

ском барине, перешедшем на лыжах «Камень» и взявшим Ляпин. Это подтверждает, что это постройка-крепость Семена Курбского, а, возможно, перестроенный им острог, существовавший со времени похода Степана Ляпы. Носилов сделал замеры остатков башни и сообщил, что неподалеку от нее было две невысоких постройки «с двойными потолками и отверстиями для стрельбы». Последнее чрезвычайно любопытно, так как вместо угловых башен в старинных сибирских острогах часто ставились избы с «нагороднями», т. е. с верхним боем над жилой частью.

В 1939 г. Ляпинской крепостью заинтересовался омский краевед А. Ф. Палешников⁸. Но незадолго до этого, в 1924 г. местный крестьянин сжег сооружение, так как стены и башни мешали его покосу. Однако и при этом удалось собрать ценные сведения для выявления облика одного из первых русских городов Сибири. Крепостца стояла на левом берегу р. Сыгвы или Ляпина напротив с. Саран-Пауль Березовского района Тюменской области. Ее построили на мысу между рекой и оврагом, огородив от материка рвом. Позднее река отошла от крепости на 80 м.

Острог имел стены: западную — 24, восточную — 26, северную — 42 и южную — 39,5 м. Они состояли из вкопанных в землю на 60—70 см острожин высотой в 3,7 м и толщиной в 14—15 см, у которых одна сторона была снабжена пазом, куда входила часть соседнего бревна. В западной стене стояла башня 5 × 5 м и высотой 7,3 м, с въездными воротами и обломом на высоте 5,5 м от земли. Для ведения верхнего боя вдоль внутренних стен были устроены настилы, куда вели две лестницы из наклонно поставленных бревен с вырубленными в них ступенями. В стенах верхнего яруса прорезаны отверстия высотой 20 см, шириной 40 см для стрельбы из пушек или пищалей. Башня стояла на возвышенной части мыса и с верхнего ее яруса открывалась далекая перспектива по реке. На территории острога обнаружено два ряда ям — остатков разрушенных изб.

Путешественник 1653 г. отмечал, что Ляпинская крепость расположена в красивой местности, в небольшой болотистой равнине, окруженной довольно высокими горами, но «дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревнами проконопачены мхом, а городские мостовые состоят из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой»⁹. Избы стояли и за оврагом северо-западнее крепости, но они явно более позднего времени, так как крепость еще долго оставалась административным центром Ляпинской волости. Имеется рисунок западной сто-

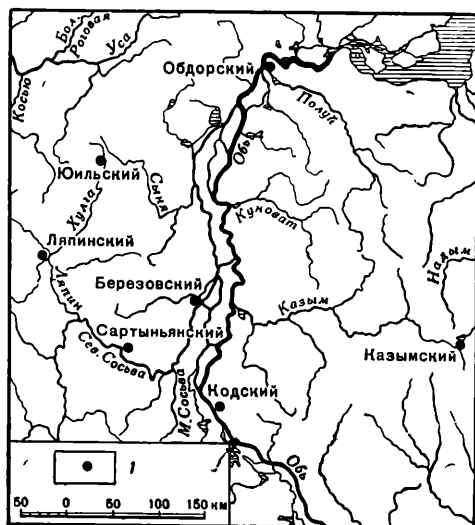

Рис. 15. Схема расположения первых русских городков в Сибири

1592 г. («Описание Березовского края». «Зап. Русск. географ. об-ва». СПб., 1857, кн. XII, стр. 362).

⁸ Отчет об исследовании Ляпинской крепости и находки хранятся в Омском краеведческом музее. Результаты обследования опубликованы в статье: «Ляпинская крепость» («Известия Омского отдела Географ. об-ва Союза ССР», вып. 5 (12), 1963, стр. 153—159).

⁹ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932, т. I, стр. 306.

роны крепости. Он в виде фрагмента включен в панно художника начала XIX в. Н. Шахова¹⁰.

Ляпинской крепости одновременна Казымская. Обследовавший ее в 1915 г. омский этнограф И. Н. Шухов писал, что «сохранились довольно хорошо две башни, построенные из дерева и имеющие снизу квадратную форму. Башни имеют двое ворот и бойницы. Высота башен около 5 сажен. Близ башен полуразрушившаяся казарма»¹¹. Никаких летописных или архивных сведений о ней не обнаружено. Казымский острог упоминается в «Книге Большого чертежа», а позднее в сочинениях С. У. Ремезова. Значительно позже, в 1925 г., путешественник отметил в «Казымской волости, на расстоянии от Березова в 250 верстах на восток, в Юильских юртах три деревянные развалившиеся башни»¹². По местному преданию, крепость была построена русскими для защиты данников-хантов от нападения ненцев. Острог прожил долгую жизнь; еще в начале XIX в. в нем устраивались январские ярмарки и сюда из Березова приезжали сборщики налогов. Это, пожалуй, все, что известно о другой старейшей постройке Сибири. Остатки острога стоят вдалеке от обжитых мест, что способствует их сохранности, но и не позволило пока произвести детальное обследование. Неизвестны размеры и конструкции башен. Имеются только рисунок Н. Шахова и две фотографии, снятые И. Шуховым (рис. 16, рис. 17).

Обращает внимание срез бревен, выпущенных для поддержания облама. В дошедших до нас башнях: Братской, Илимской, Якутской и Бельской для этой цели бревна выпускались «лесенкой» с прямым обрезом концов. Косой срез, — видимо, более древняя традиция. Особенностью являются и вертикальные пазы в острожных стенах Ляпинского городка. Отверстия въездных ворот в башнях как Казымского, так и Ляпинского городков имеют полуциркульные очертания и лишены колод, в то время как такие же въезды в поздних башнях получили лучковые завершения, а сами отверстия обрабатывались косячными колодами. В сохранившихся башнях нет и таких больших отверстий для пушек и пищалей, как это имеет место в Ляпине и Казыме. Отличие форм данных городков от более поздних аналогичных построек, вероятно, предполагает и большую по отношению к ним древность.

В литературе существует представление, что только с постройкой Тюмени началось градостроительное освоение Сибири. С этого времени действительно возник период активного государственного строительства, но русские постройки возводились и раньше. Так, когда в 1593 г. на р. Сосву пришли казаки для основания на месте городка Сумгут-Ваш своей крепости, местные жители показали им русскую пушку, доставленную сюда в отдаленное время путем, который они называли Зырянской дорогой или Русским тёсом (от затесов на деревьях). Эта дорога вела из Ляпина. Известно также, что в мансийском селении Ляпин-уш задолго до 1586 г. существовали русские и зырянские торговые лавки¹³. Иностранец, посетивший Москву в 1517 г., приводит старинный русский дорожник в Сибирь, где четко говорится, что с р. Шугура нужно три недели переходить «Камень», а затем следовать к крепости Ляпин. Дальше дорога шла на р. Сосву, т. е. по «Русскому тёсу» и затем по Оби в глубину Сибири¹⁴.

¹⁰ Музей этнографии АН СССР, № 5753; В. Н. Чернецов. Быт хантов и манси по рис. XIX в. «Сб. музея антропологии и этнографии», т. X. М.—Л., 1949, стр. 7—33.

¹¹ И. Н. Шухов. Река Козым и ее обитатели. «Ежегодник Тобольского губ. музея, 1915 г.», вып. 25. Тобольск, 1916, стр. 8. Раньше об этом же писал А. Н. Якоби («Ежегодник Тобольского губ. музея», вып. IX. Тобольск, 1898, стр. 10).

¹² «Наш край». Тобольск, 1925, № 4 (8), стр. 33. Казымский городок назывался также Юильским, хотя одноименный городок в XVI в. находился в верховьях р. Сыгвы.

¹³ Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 270.

¹⁴ С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 129.

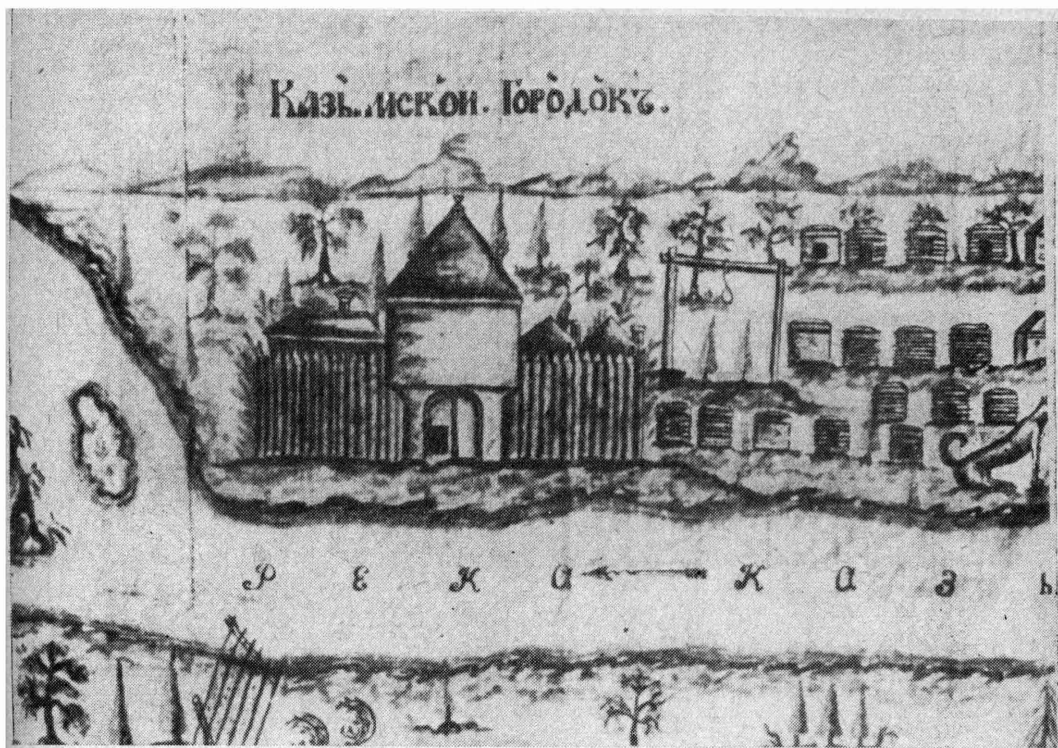

Рис. 16. Вид Казымского городка (рис. Н. Шахова)

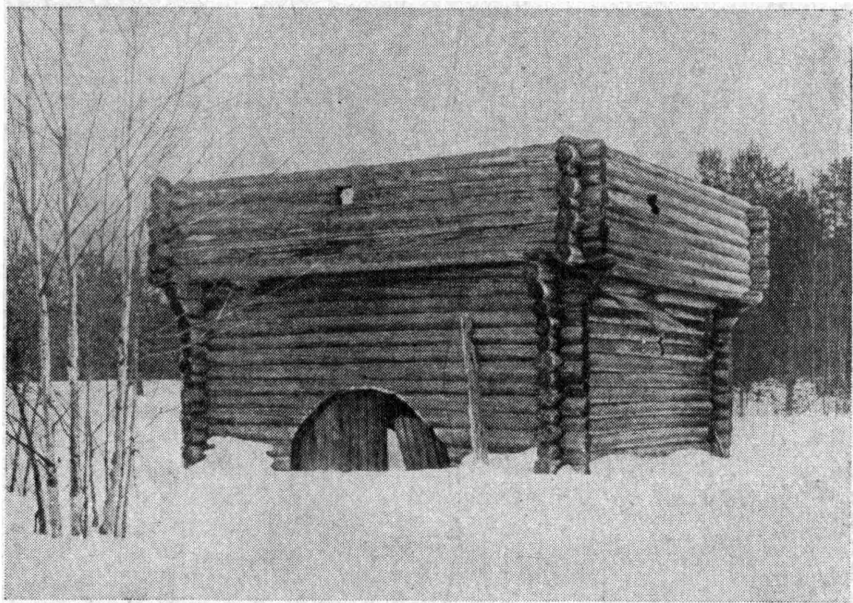
По «Русскому тѣсу» можно было попасть на Обь, а затем в Мангазею. Туда ходили и морским путем из основанного в 1498 г. в устье р. Печоры Пустозерского острога. В середине XVI в. р. Обь показывалась уже на картах европейских географов, а когда в 1555 г. английский мореплаватель Стифен Барроу оказался около Новой Земли, он слышал от русских моряков о пути в Обское устье, как о деле давно и хорошо им известном¹⁵. Давно знали о Мангазее и Строгановы. Служивший в Москве и хорошо осведомленный о русских делах голландец Исаак Масса даже считал, что Строгановы разбогатели от торговли с народами, жившими в низовьях Оби. Их приказчик ездил в 1577 г. в Мангазею сухим путем, а затем повторил это путешествие морем¹⁶. В Мангазею он, вероятно, двигался через Ляпин-уш и Сумгут-Ваш, где когда-то стояли русские городки, и знал русских, отлично владевших языком местных народов, «знакомых с рекой Обью, так как посещали те места из года в год»¹⁷. Существовал и другой путь. Пустозерцы поднимались по р. Печоре, а затем волоками проникали к устью Оби и берегами в Мангазею. По пути они построили промысловые и торговые городки — Надымский в устье одноименной реки, Пантуев в устье Пура и несколько городков на р. Тазе.

Первые русские постройки в Сибири до сего времени остаются загадками. Если Семен Курбский и его соратники перед началом зимнего по-

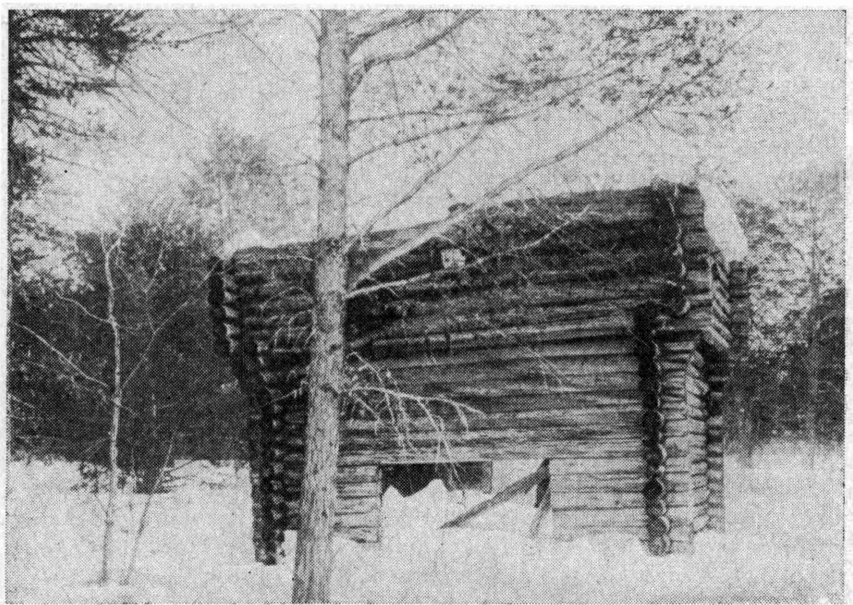
¹⁵ Ю. В. Готье. Английские путешественники в Московское государство в XVI веке. М., 1937, стр. 107.

¹⁶ С. Ф. Платонов. Строгановы, Ермак и Мангазея. «Русское прошлое», 1923, стр. 3—8.

¹⁷ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 103.

1

2

Рис. 17. Казымские башни (фото И. Шухова)

1 — верх; 2 — низ

хода зарубили город на Печоре, то они это же, несомненно, должны были сделать и на своих базах восточнее Уральского хребта. Но Ляпинский городок мог существовать и раньше, со времени воеводы С. Ляпы (1363 г.) или воеводы В. Шенкурского (1445 г.). Городки С. Курбского в основном расположены на диаметре рек Сыгва-Казым с небольшими отклонениями, не считая Обдорского, куда, по-видимому, ходил отдельный отряд.

Позднее этот путь был оставлен, и в Сибирь стали проникать более южными реками: Лозвой, Тавдой, Турой. Археологическое обследование пока проведено только на мангазейском городище¹⁸. Остальные объекты ждут своего изучения и могут многое рассказать о ранней поре русского освоения Сибири.

¹⁸ В. Н. Чернецов. О работах Мангазейской экспедиции. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ УСТРОЙСТВА
ОТОПИТЕЛЬНЫХ ПЕЧЕЙ XVII в.

(по находкам в Пскове)

Среди находок, обнаруженных за последние годы Псковской экспедицией Гос. Эрмитажа, встречаются фрагменты керамических изделий, назначение которых до сих пор не было раскрыто. Исследования, проведенные автором, позволяют признать эти фрагменты остатками сборных керамических частей отопительных печей XVII в.

Остатки отопительных печей этого времени нередко встречаются в Пскове не только при археологических раскопках, но и при земляных работах, ремонтах древних зданий. Они позволяют судить не только о наружном виде этих печей, но в какой-то степени и о их внутреннем устройстве. Развалы отопительных печей XVII в. свидетельствуют о том, что в кладку этих печей входило очень немного кирпича, а преобладающую часть их массивов составляли глина и булыжный камень среднего и мелкого размера¹. В 1925 г. автор этой заметки исследовал остатки разрушенной печи в так называемом доме Печенко — бывшем жилом здании XVII в.² Печь была построена, вероятно, вместе со зданием во второй половине XVII в., а впоследствии была сломана. Мусор, образовавшийся от ее разрушения, был свален под пол одной из палат здания. Объем этого мусора говорит о том, что за исключением немногих изразцов (видимо, оставшихся неразбитыми), в нем была вся кладка печи. Основную часть мусора составляли глина и булыжный камень, настолько перегоревший, что некоторые камни можно было разломать и растереть в дресву голыми руками. В этой массе содержалось много обломков изразцов от облицовки печи, небольшое количество битого печного кирпича, два целых кирпича (22 × 12 × 3,5 см) и обломки керамических частей печи — колец и дуг (рис. 18, 3, 4).

Кольца (рис. 18), судя по их обломкам, имели наружный диаметр в наиболее широком месте 32 см, диаметр отверстия — 23 см. Обломки колец сохраняли на наружной стороне прилипшую (в некоторых местах толстым слоем) глину. На внутренней поверхности колец лишь у краев попадались остатки глиняной подмазки. Сечение колец имеет такую форму,

¹ Это подтверждается данными, содержащимися в документах XVII в. Так, запись в расходной книге псковской Приказной избы за 1658/59 год говорит, что на устройство печи потребовалось 300 штук кирпича, 7 телег глины и 7 телег «каменья» (ПКМ, рукописный фонд, № 298/49). Нужно учесть, что печной кирпич был значительно мельче стенового.

² В одноэтажной части здания, наиболее старой. В последней четверти XVII в. она уже не служила жилищем, а использовалась как складское помещение.

что можно одно кольцо насаживать на другое, плотно соединяя их (рис. 18, 2). Остатки глины в пазах колец с отпечатками гребней колец, лежавших выше, показывали, что эти кольца именно так и использовались.

Путем сборки их на глиняном растворе и промазки стыков изнутри глиной можно было получать очень прочные, гладкие внутри трубы любой требующейся длины. Сильная обожженность остатков внутренней подмазки труб, а иногда и плотный слой копоти, отложившийся на внутренней поверхности некоторых колец, показывают, что по этим трубам проходили газы из топки. Способ соединения колец (одно кольцо насаживалось на другое сверху) говорит, что эти каналы имели вертикальное направление. Они и не должны были располагаться иначе, видимо, они представляли собой подъемные жаровые колодцы, помещавшиеся над отверстиями, оставленными в своде топки.

Основная масса той части печи, которая находилась выше топки, по видимому, состояла из булыжного камня, положенного по глине. Снаружи это глиняно-булыжное заполнение поддерживал изразцовый кожух и железные связи³, а внутри сквозь него проходили сборные керамические жаровые колодцы. Сколько таких колодцев устраивалось в печи, неизвестно, но при обычных размерах печей того времени их не могло быть более 4—6. Для выхода дыма колодцы вверху должны были соединяться с дымоходом. Это можно было сделать при помощи горизонтальных каналов, которые могли складываться из кирпича. В «доме Печенко», в месте присоединения такого канала к дымоходу (проходящему в толще стены) в 1925 г. еще сохранялась часть кладки канала, сложенной из печного кирпича по глине. В кладку была вделана железная задвижка XVII в., ходившая в железной рамке размером приблизительно 40 × 45 см. Без сомнения, такое расположение задвижки (у самого выхода в дымоход) было обычным.

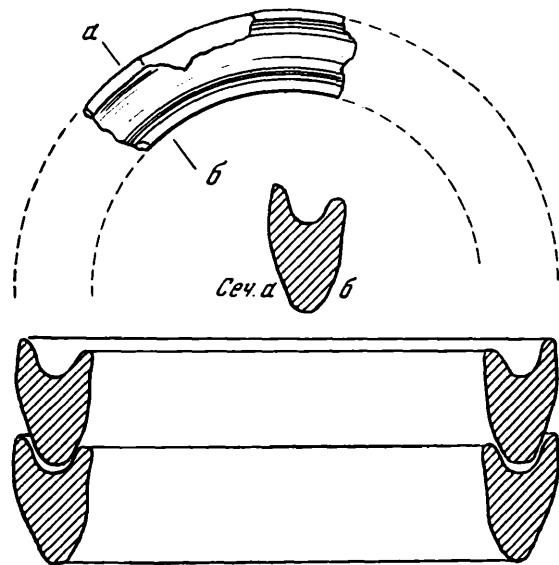
Жаровые колодцы из керамических колец могли применяться и в глинобитных печах. Обломки таких колец автор находил не только в «доме Печенко», но и в других местах Пскова.

Дуги, фрагменты которых попадались в остатках печи «дома Печенко», также находят по всему Пскову (рис. 18, 3—7). Для этих дуг характерно, что их плоская сторона всегда украшена орнаментом, выдавленным небольшим штампом на сыром еще изделии, сразу после формовки. На выпуклой изогнутой поверхности найденных обломков дуг часто оставалась прилипшая глина, а вогнутая поверхность только у заднего закругленного или загнутого вверх края иногда сохраняла остатки глиняной подмазки. Все это говорит за то, что эти дуги служили для облицовки лицевой стороны перемычки какого-то проема печи. Как можно заключить по обломкам дуг, ширина проема не во всех печах была одинаковой, но все же обычно составляла около 50—60 см. Проем такого размера мог быть в печи лишь один — топочный. Понятно, почему дуги украшались только очень простым орнаментом и не покрывались поливой — топочное отверстие печи в псковских жилых зданиях XVII в. устраивалось (за чрезвычайно редкими исключениями) не с лицевой, а с обратной стороны печи. Оно выходило через специальный проем в стене в сени⁴. Но и из сеней это отверстие можно было видеть только во время топки печи или выгребания золы, так как проем закрывался створкой, обычно железной⁵.

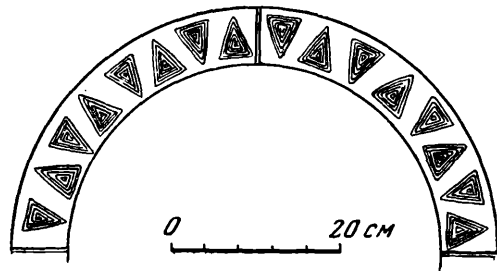
³ О применении в печах XVII в. железных связей говорят многие документы, например записи расходных книг псковского гостиного немецкого двора за 1670/71 год (ПКМ, рукописный фонд, № 307/49).

⁴ По размерам и наружному виду эти проемы обычно почти не отличались от дверных, но сквозь перемычку проема от него отходил вверх дымовой канал.

⁵ Эти створки почти не отличались от дверных.

0 10 CM

0 20 CM

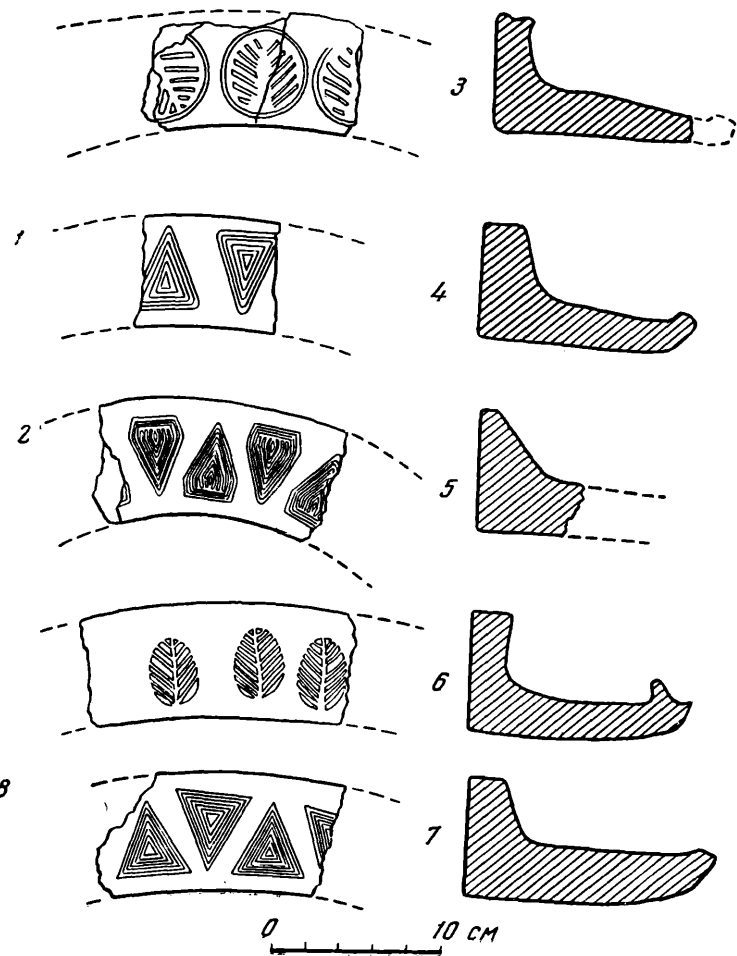

Рис. 18. Керамические кольца и дуги из псковских отопительных печей XVII в.

1 — обломок керамического кольца (из числа найденных в «доме Печенко»); 2 — сопряжение колец (разрез, реконструкция); 3, 4 — обломки керамических дуг («дом Печенко»); 5 — обломок, найденный в Довмонтовом городе; 6, 7 — обломки из раскопок Г. П. Гроздилова; 8 — дуги из «дома Печенко», реконструкция

Очень может быть, что на облицовку перемычки шла не одна пара дуг, а две. Топочное отверстие закрывалось железной дверцей (или заслонкой), и в наружном крае проема должна была быть впадина, в которую бы плотно заходила заслонка или дверца. Такую впадину в перемычке можно было образовать при помощи двух пар дуг.

Описанные приемы, по всей вероятности, были распространены не только в Пскове, но и в других русских городах. Некоторые из документов, приведенных И. Е. Забелиным в его работе «Домашний быт русских царей», свидетельствуют о том, что при постройке печей в Москве употреблялись керамические дуги, которые покупали наряду с кирпичом, глиной и булыжным камнем⁶.

В этих же документах встречаются указания и на покупку для устройства печей керамических «труб» и «трубок»⁷.

⁶ «201 года, апреля 12, велено купить в г. ц. и в. к. Петру Алексеичу в мыленку... на дело печи 50 кирпичей эженных мелких, воз глины, два воза камня... три воза камня мелкого... в чело дуги» «Да ко г. царице к Марфе Матвеевне в стряпушую избушку к печи 50 кирпичей подовых эженных, тож мелких, в челье дуги, воз песку красного, воз глины...» (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, т. 1. М., 1895, стр. 714).

⁷ «Да гончарному старосте Ермолке Иванову за 2300 кирпичу эженого, что взят в ту ж полату на печное дело по 6 алтын за сто, да к тому ж делу за 14 возов глины по 10 денег за воз, да за трубку печную глиняную 4 денги...» (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, стр. 584).

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. ГАДЛО

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ СЕЛИЩЕ НА БЕРЕГУ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА

(по материалам раскопок 1963 г.)

В 1962 г. экспедиция Ленинградского университета продолжила начатые в 1960 г. Д. Л. Талисом работы по выявлению раннесредневековых памятников Керченского полуострова. Были обследованы северо-восточная и юго-восточная оконечности полуострова, долина к северу от Узунларского озера, побережья Чурубашского и Тобечикского озер и берег Керченского пролива. В 1963 г. экспедиция приступила к раскопкам селища, расположенного вблизи дер. Героевки (б. Эльтиген) на берегу Керченского пролива в 25 км южнее г. Керчи¹.

Следы раннесредневекового поселения вблизи дер. Героевки встречаются на площади около 160 га. С севера на юг, вдоль берега пролива остатки поселения прослеживаются на протяжении более чем 3500 м. Его северная часть (приблизительно 1500 × 800 м) располагалась на пологом склоне возвышенного плато к западу и юго-западу от современной деревни. Южная часть сравнительно узкой (шириной до 200 м) полосой тянулась вдоль берегового обрыва, в обрезах и осыпях которого видны культурные отложения средневекового периода. В этой части поселения они местами залегают над отложениями эллинистического времени, но чаще лежат непосредственно на материке.

Возвышенная юго-западная часть пологого склона теперь засажена виноградником. Его поверхность покрыта огромными (до 50 м в диаметре) россыпями бутового и тесаного камня, которые образовались после разрушения плантажным плугом остатков древних построек и оград. Остальная, бóльшая часть поселения, кроме неширокой полосы вдоль берега, распаивается под зерновые и бахчевые культуры. Здесь после вспашки четко выявляются развалины каменных сооружений и зольники.

В 1963 г. на пашне удалось насчитать 18 больших (до 30 м в диаметре) зольников. Как правило, они тяготеют к развалам каменных сооружений, составляя вместе с ними отдельные комплексы, которые расположены на значительном расстоянии друг от друга (до 150—200 м), параллельно берегу пролива, а в северной части поселения — вдоль террас пологого склона. В промежутках между комплексами никаких культурных отложений обычно не встречается. Можно думать, что каждый такой комплекс представляет остатки одной самостоятельной хозяйственно-бытовой единицы, на которые распадалось древнее поселение.

¹ Находки средневековой керамики в районе дер. Героевки были отмечены в 1956 г. И. Т. Кругликовой («Отчет о работах Восточно-Крымского отряда ИА АН СССР в 1956 г.» Архив ИА АН УССР, № 1956/16, стр. 7). В последующие годы И. Т. Кругликова исследовала эллинистическое поселение, лежащее к югу от дер. Героевки, которое частично перекрывается средневековыми отложениями.

Топография этого памятника, его размеры и характер расположения культурных остатков типичны для раннесредневековых селищ Керченского полуострова и степных предгорий Центрального Крыма. Как правило, они занимают очень пологие склоны или низкие надпойменные террасы вдоль мелких степных речек. Иногда они размещаются вдоль края степного плато или на развалинах древних античных городов, но всегда избегают возвышенностей и местности с резко выраженным гористым рельефом.

В настоящее время в степном Крыму известно более 40 подобных поселений. В 30-х годах подобные поселения были открыты на Тамани². Лучше всего они изучены в Подонье, в области распространения памятников эливкинской и салтово-маяцкой культур³.

Селище у дер. Героевки, как и другие подобные памятники Крыма, возникло в конце VII в. Период наиболее интенсивной жизни в этом районе, судя по керамике (рис. 19), приходится на конец VIII и IX в.⁴ На рубеже IX—X вв. большая часть населения была вынуждена покинуть свои дома, вероятнее всего, под угрозой вражеского вторжения. Большинство открытых нами жилищ было оставлено одновременно. Возможно, какая-то часть обитателей впоследствии вернулась на пепелище. Во всяком случае основания полагают, что жизнь на территории этих селищ еще теплилась до конца X—начала XI в. Об этом свидетельствуют отдельные находки керамики и нумизматические данные.

На основании имевшегося до сих пор материала утвердилось мнение, что в период раннего средневековья на всей территории Крыма бытовала одна определенная форма жилых построек — наземное прямоугольное сооружение из камня с двумя помещениями, — которая, якобы, восходит к строительным традициям античного времени⁵. Материал, добытый раскопками у дер. Героевки, противоречит этому мнению. Здесь были открыты одновременно существовавшие жилища различной формы. Кроме того, удалось проследить, как изменялись со временем приемы их сооружения.

В 1963 г. на разных участках поселения было заложено три раскопа (I, II—IV, III).

На раскопе I (юго-западная окраина северной части поселения) были открыты остатки прямоугольной наземной каменной постройки. Ее внутренние размеры приблизительно равны $7 \times 4,5$ м. Через некоторое время после того, как постройка была уже обжита, ее разделили на два помещения (их размеры: $2 \times 4,65$ м и $4,55 \times 4,50$ м). Перегородка перекрыла очажное пятно на полу, который соответствует первому периоду существования жилища. Остатки подобных построек с двумя помещениями были открыты на Тепсене⁶, в Илурате⁷ и на поселении у дер. Алексеевки⁸.

² А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, 1931, № 1, стр. 26—29; А. А. Иессен, А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 58—61; Архив ЛОИА, ф. 2, д. 119 (материалы Таманской экспедиции 1930 г. Дневник А. А. Иессена).

³ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 90—105.

⁴ Такой вывод был сделан А. Л. Якобсоном на основании материалов Тепсена, Илурата, Мирмекия и Тиритаки (А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 470 и сл.; он же. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 27—54).

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, стр. 49; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 145; М. А. Фронджуло. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). «Археологія», т. XII, Київ, 1961, стр. 183.

⁶ В. П. Бабенчиков. Итоги изучения средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 96—98.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, вып. 45, 1952, стр. 108.

⁸ Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 98—103.

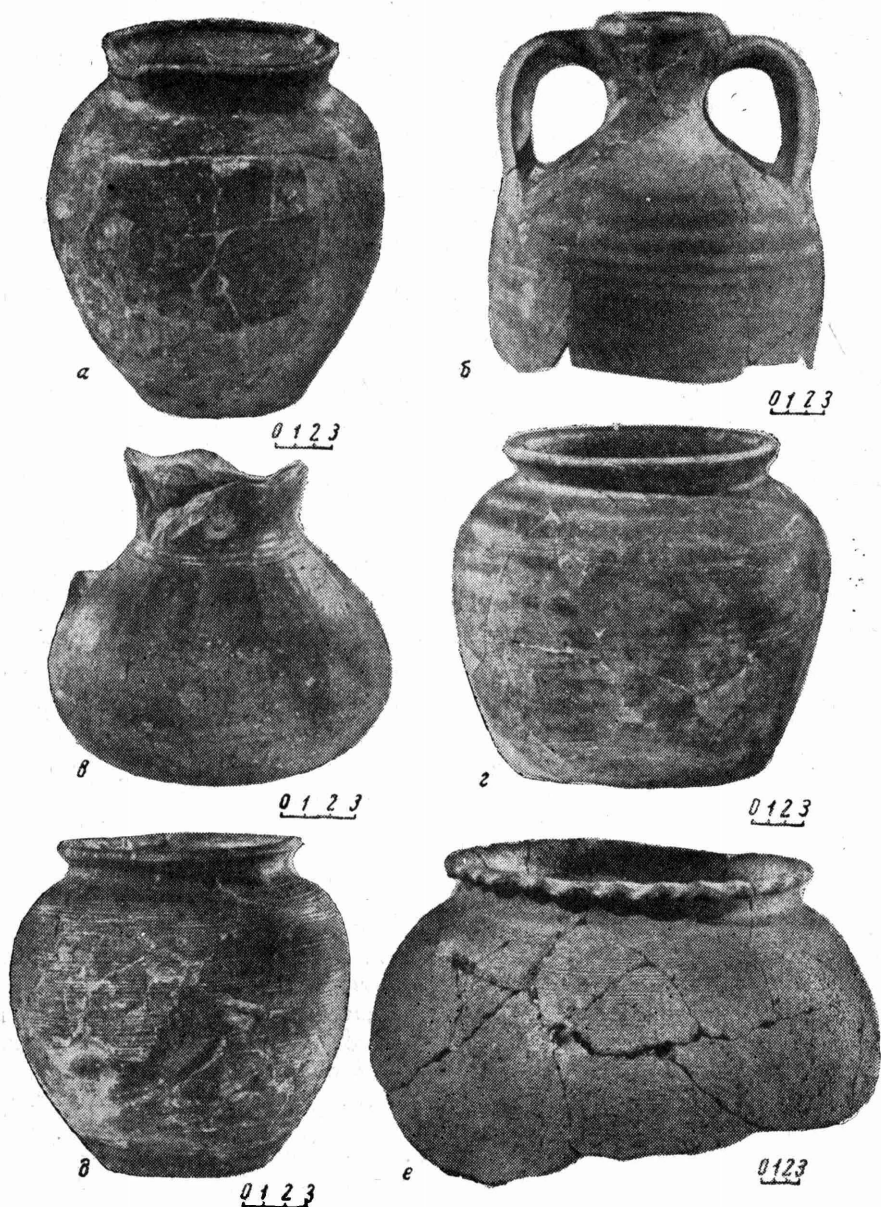

Рис. 19. Керамика поселения у дер. Героевки

а, г — горшки из жилища V; б, д, е — амфора, горшок и пифособразный сосуд из жилища III;
 в — лощеный кувшин, случайная находка

На площади раскопа III (в средней части поселения) была открыта углубленная в материк полуземлянка ($3,93 \times 2,52$ м) прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 20). Глубина залегания ее пола от уровня современной дневной поверхности в северной части — 1,10 м, в южной — 0,63 м. Здесь также удалось проследить два периода. В течение первого периода стены жилища были земляными. Затем оно было расширено и обложено внутри бутовым камнем в один ряд до уровня дневной поверхности. Выше, от края котлована, были возведены стены в виде двух рядов камня с забутовкой между ними. Постройка второго периода напо-

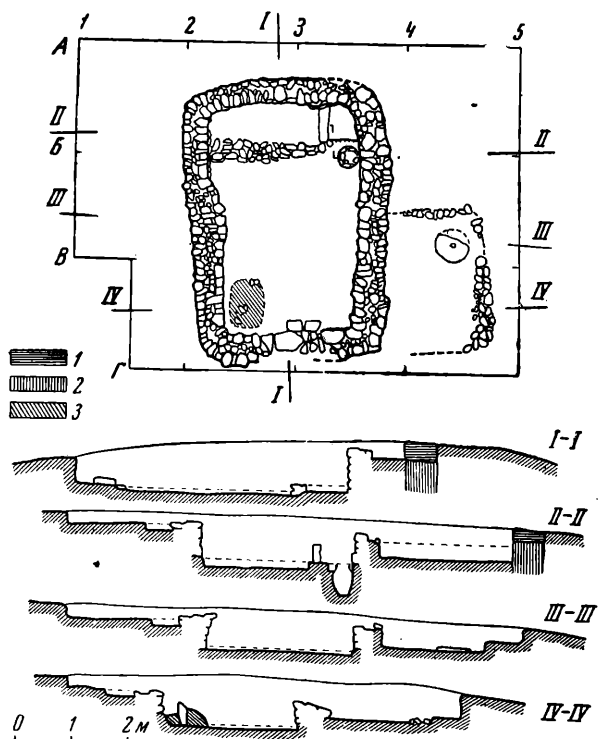

Рис. 20. Поселение у дер. Героевки. Раскоп III. План и профили жилища:

1 — перепаянный гумусный слой; 2 — материк, желтовато-серый суглинок; 3 — саман и обожженная глина

минает жилища с закругленными углами, открытые в верхних слоях Мирмекия⁹ и Тиритаки¹⁰.

На раскопе II—IV удалось проследить три последовательных периода строительства. К первому из них относится землянка, которая была заброшена; в течение второго и третьего периодов она служила местом свалки, зольником.

Ко второму периоду относятся два наземных сооружения, которые были возведены рядом с покинутой землянкой. Их остатки были разобраны для построек третьего периода.

Третий период представлен тремя постройками. Их соорудили рядом с остатками жилищ второго периода. Два жилища третьего периода были наземными с одним помещением, а одно представляло собой полуземлянку, врезанную на 0,50 м в материк. Ее размер 5,10 × 3,20 м. Северная и южная стенки котлована этой полуземлянки были обложены камнем, восточная и западная оставались земляными. В центре пола находился пяточный камень для центрального подпорного столба. В северо-западном углу помещался очаг.

Особый интерес для установления культурно-этнических связей древних обитателей поселения представляет землянка (VI), относящаяся к первому хронологическому периоду (рис. 21). Котлован землянки (4,80 × 3,10 м) имел форму прямоугольника с закругленными углами и

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 178, рис. 81.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, № 25, 1952, стр. 49—52, рис. 48.

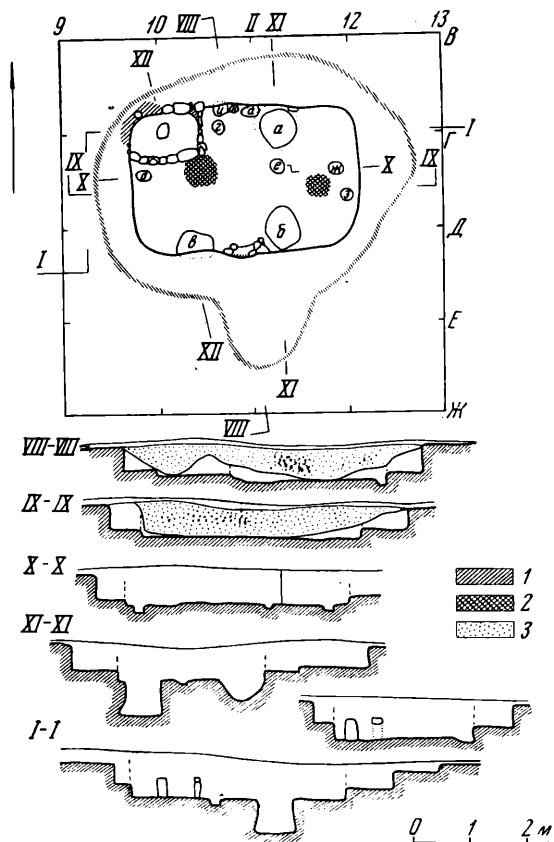

Рис. 21. Поселение у дер. Героевки. Раскоп II—IV.
План и профили землянки (VI):

1 — уровень современной дневной поверхности; 2 — саман и обожженная глина; 3 — зольник и границы зольника

был углублен в материк на 0,70—0,80 м. Стены землянки удалось проследить только на высоту 0,20—0,40 м. Они имели следы глиняной подмазки и местами были закопчены. Плотный земляной пол местами также подмазан глиной (в центре, у печи, у входа). Вход находился с южной стороны. В жилище вела земляная лестница шириной 1 м; ее земляные ступени, вероятно, были укреплены небольшими камнями.

В северо-западном углу находилась прямоугольная печь, возвышавшаяся над уровнем пола на 0,50 м; размер топки 1,40 × 0,90 м. Печь была пристроена к стенам котлована, причем западная стенка топки обмазана саманом, а северная, кроме того, частично обложена «в елку» небольшими камнями. Южная и восточная стенки выложены из плоских поставленных на ребро плит. Устье печи (ширина 0,40 м) обращено на юг. В центре топки находился опорный столб, который поддерживал толстую плоскую саманную плиту; в ее восточной части имелось круглое отверстие — дымоход.

Подобные печи открыты и в более поздних жилищах. Их также устраивали в северо-западном углу помещения, но дымоход в саманной плите-перекрытии имел форму полукружия, обрамленного снаружи по краю толстым саманным валиком. Печь землянки подобна печам античного и средневекового Илурата¹¹. Такие же печи открыты в раннесредневековых

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат (Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.). МИА, № 85, 1958, стр. 135.

жилищах Мирмекия и Тиритаки. Печи более поздних жилищ по конструкции дымохода ближе к печам Тмутаракани¹². Возможно, что население, принесшее в Восточный Крым новый тип жилища — землянку, восприняло у аборигенов местный вид отопительного сооружения. Однако это произошло не повсеместно; в этом районе известны также очаги другой конструкции¹³.

Около северной стены землянки находилась зерновая яма. Ее глубина от уровня пола 0,70 м, диаметр устья 0,65 м, диаметр дна 0,90 м. На дне ямы сохранились зерна хлебных злаков: ячменя и пшеницы.

Перекрытие землянки было, вероятно, двускатным. Около восточной и западной стен выявлены ямки — гнезда для опорных столбов, на которые опирался переклад, служивший коньком крыши. Очевидно, переклад

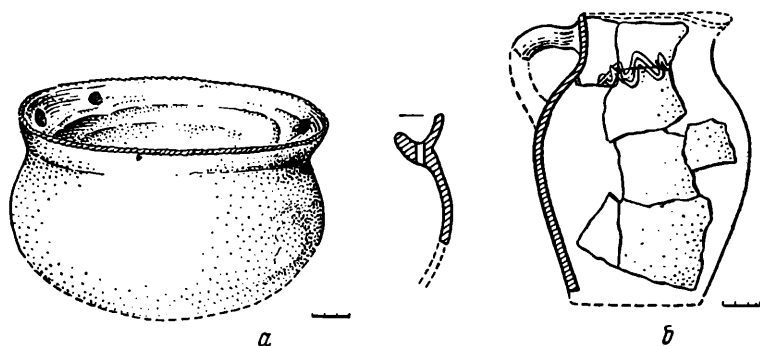

Рис. 22. Лепной котел с внутренними ушками (а) и лепной кувшин (б) из нижнего слоя зольника (графическая реконструкция)

был сбит из двух жердей, поэтому потребовался еще один опорный столб, о наличии которого свидетельствует третья опорная ямка в середине жилища.

На полу землянки найдены обломки гончарного горшка с отогнутым венчиком, украшенного волнистой врезной линией. Около устья печи, в золе лежал лепной квадратный светильник с четырьмя ушками для подвешивания. Кроме того, на полу землянки найдены роговые спицы для вязания сетей, стеклянная трехчастная бусина и половина обгоревшей трехцветной бусины из заглуженного стекла, обломки обычных для поселения стеклянных сосудов, кости животных (коровы, овцы, лошади), рыб, морских (или болотных) птиц и яичная скорлупа.

Тщательное исследование стратиграфии зольника, заполнившего котлован землянки после того как она была покинута, позволило определить последовательность ее гибели. Вначале некоторое время она разрушалась под действием естественных причин: оплывали стены, осыпалось внутрь земляное покрытие кровли. Затем были разобраны деревянные части постройки, после чего рухнули на дно ямы связки камыша, камки и соломы, составлявшие основу перекрытия. Только тогда в яму попал огонь, превративший этот легко воспламеняемый материал в мощную линзу золы, которая стала основанием зольника.

В нижнем слое зольника были найдены обломки тонкостенного лепного котла с внутренними ушками и обломки лепного кувшина, украшенного по тулову неровной волной и насечками по венчику (рис. 22).

¹² А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, № 3—4, 1932, стр. 58—60.

¹³ А. В. Гадло. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского. Археологический сборник. «Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции». ЛГУ, 1964, стр. 101.

Обломки лепных котлов встречены и в северной части поселения. Эта керамика связывает его обитателей с болгарским этническим массивом, обитавшим в VIII—X вв. в степном Подонье и Прикубанье¹⁴. Конструкция землянки также указывает на эту связь¹⁵.

До раскопок 1963 г. у дер. Героевки раннесредневековая культура Восточного Крыма представлялась как своеобразный сплав древних местных (античных) традиций и традиций, привнесенных переселенцами с Подонья и Северного Кавказа, причем удельный вес местного компонента в этом сплаве казался доминирующим¹⁶. Веским доказательством в пользу этого являлся такой важный этнографический признак, как тип жилища.

Теперь имеется основание придавать большее значение второму компоненту.

¹⁴ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 34—39.

¹⁵ В. Д. Белецкий. Жилища Саркела—Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 47—53.

¹⁶ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 487; он же. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 41, 42.

Г. Б. ФЕДОРОВ

РАБОТА ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
в 1963 г.

В 1963 г. Прутско-Днестровская экспедиция завершила полевые исследования Алчедарского поселения, начатые в 1950 г. Всего вскрыто около 12 тыс. м² площади (рис. 23), заложено свыше 150 раскопов и сотни шурфов, обнаружено свыше 200 жилищ, из них около 70 раскопано. На могильнике вскрыто 254 погребения. На поселении открыты десятки домниц для выплавки железа, печи для обогатительного обжига железной руды, мастерские ювелиров, оружейников и других ремесленников, найдены тысячи различных предметов: орудия труда, украшения, оружие, предметы быта и обихода, сотни тысяч фрагментов керамики. Раскопки Алчедарского поселения, основанного в IX в. и существовавшего непрерывно до конца XI или начала XII в. н. э., позволили не только изучить материальную культуру древнерусского населения Поднестровья, но и проследить пути формирования раннефеодального города. В 1963 г. полевые работы на поселении велись на городище (в цитадели, в неукрепленной части поселения на участке № 12) «Поляна» и на Алчедарском могильнике № 1.

Для уточнения конструкции вала городища, который раскапывался на протяжении ряда лет, в 1963 г. в северной, наиболее мощной части вала был заложен раскоп XXVIII, прорезавший с севера на юг вал и внешний ров. Высота насыпи вала до 4,5 м, глубина рва в среднем 3 м (рис. 24). Во рву прослежены на глубине 140—210 см остатки подпорной стены — ряжа из дерева и глины, укреплявшие внешний эскарп рва. Польский солид Сигизмунда рижской чеканки, вероятно, относится ко времени окончательного заполнения рва. В насыпи вала выделено 23 слоя. Вал сооружен на пронивелированной площадке поверх слоя раннеславянского селища, в свою очередь перекрывшего слой фракийского селища. Под насыпью вала открыта полуземлянка раннеславянского времени. Она в плане почти прямоугольной формы. Вдоль стен полуземлянка была выложена слоем утрамбованной глины толщиной 20—25 см. Стенки, видимо, были обшиты досками. Пол глинобитный. В северо-восточном углу жилища находилась прямоугольная печка-каменка. На полу возле печи найдены крупные фрагменты лепных славянских горшков пражского типа, толстостенных с примесью песка и шамота в тесте, с вдавлениями и защипами по краю венчика, а также фрагмент глиняной лепешницы или сковороды. Кроме того, на полу найдены костяная проколка, глиняное круглое плоское пряслице, сильно коррозированное железное кольцо, точильный брусок из песчаника, два фрагмента орудия из кости. Землянка вырыта в культурном слое фракийского селища. Выше находилось пять утрамбованных слоев, состоящих из бревен и ветвей, залитых жидкой

глиной. Такие слои создавали жесткую подушку вала. В нижней части насыпи вала, у перехода от вала ко рву, открыта ступенчатая конструкция из бревен, она состоит из обугленных бревен, лежащих горизонтально вдоль по периметру вала, на радиальных опорах консольного типа, которые своими внутренними концами опираются на материк. У вершины вала найдена вымостка из известняковых камней, видимо служившая основанием для городен. Выше нее был слой чернозема, камней, обожженной глины и фрагментов обугленных бревен — остатки городен, находившихся на вершине вала. В развале городен найдены железные славянские наконечники стрел X—XI вв. — втульчатый шиловидный и черенковый ромбовидный. Раскоп XXIX был заложен в юго-западной части плато городища, где имеется хорошо заметная западина округлой формы, диаметром примерно около 15 м. В раскопе обнаружены два колодца, срубы которых сделаны из дубовых отесанных бревен (рис. 25, 1—2). Колодец № 1 — остатки сруба открыты на глубине 4 м от современной дневной поверхности в слое материковой глины. Впрочем, сохранилась только нижняя часть колодезного сруба, так как яма колодца прослежена уже на глубине около 150 см с современной дневной поверхности. Она вырыта в материковой глине и заполнена черноземом с угольками. Наверху колодезная яма имела в длину 5 м, в ширину — 2,9 м. В заполнении в черноземе много угля, костей животных, известняковых камней, кусков глиняной обмазки, крупных и мелких фрагментов древнерусской керамики и различных предметов. Сруб из дубовых отесанных бревен имеет в длину 485 см, в ширину — 190 см. Бревна плотно пригнаны друг к другу, они отесаны так, что в сечении представляют собой прямоугольники. Внутренние стенки колодца настолько ровные и гладкие, что стыки между венцами из брусков на глаз почти не заметны. Ровно посередине колодец разделен стенкой из брусков на две камеры, каждая длиной около 240 см. Внутри каждой камеры находились внутренние срубы, имеющие в длину около 160 см, а в ширину — около 130 см. Венцы их сделаны также из тщательно отесанных дубовых брусков. Пространство между внешними и внутренними венцами было заполнено камнями и глиной. Такая тщательная отделка колодезных срубов, их сложная конструкция свидетельствовали об их исключительно важном значении, особенно в случае осады городища, когда этот двойной колодец был единственным источником воды для осажденных. Сруб прослежен на глубину 95 см (семь венцов)¹. Однако установлено, что глубина колодца была не менее 4,5—5 м от уровня дневной поверхности времени обитания городища. Аналогичный колодец, но с одинарным срубом и не разделенный на две камеры был открыт в 1957 г. на городище древнерусского поселения Лукашевка (Оргеевский р-н МССР), которое относится к тому же времени и культуре, что и Алчедарское поселение. Верхние венцы сруба Алчедарского колодца № 1 сгнили и не сохранились. Однако в колодезной яме найдены предметы: выше на 80 см первого сохранившегося венца найден серебряный дирхем с двумя сквозными круглыми отверстиями, указывающими на то, что дирхем служил подвеской, т. е. употреблялся в течение длительного времени после изготовления. Монета представляет собой болгарское подражание саманидским куфическим дирхемам. Круговые надписи: «Эта монета чеканена в Аш-Шаш» (Аш-Шаш — средневековое название Ташкента), «Монета чеканена Абдалах Ибн Микаилом». Год чеканки стерт². Абдалах Ибн Микаил правил Волжской Булгарией в середине X в. н. э. В центре аверса монеты изображен мусульманский символ веры. Этот тип монет не был раньше известен в нумизматике.

Сильная потертость монеты, использование ее в качестве подвески — все это свидетельствует о том, что слой, в котором она была найдена, следует

¹ Далее невозможно было из-за быстро прибывавшей воды продолжать работу.

² Надписи прочтены С. А. Яниной.

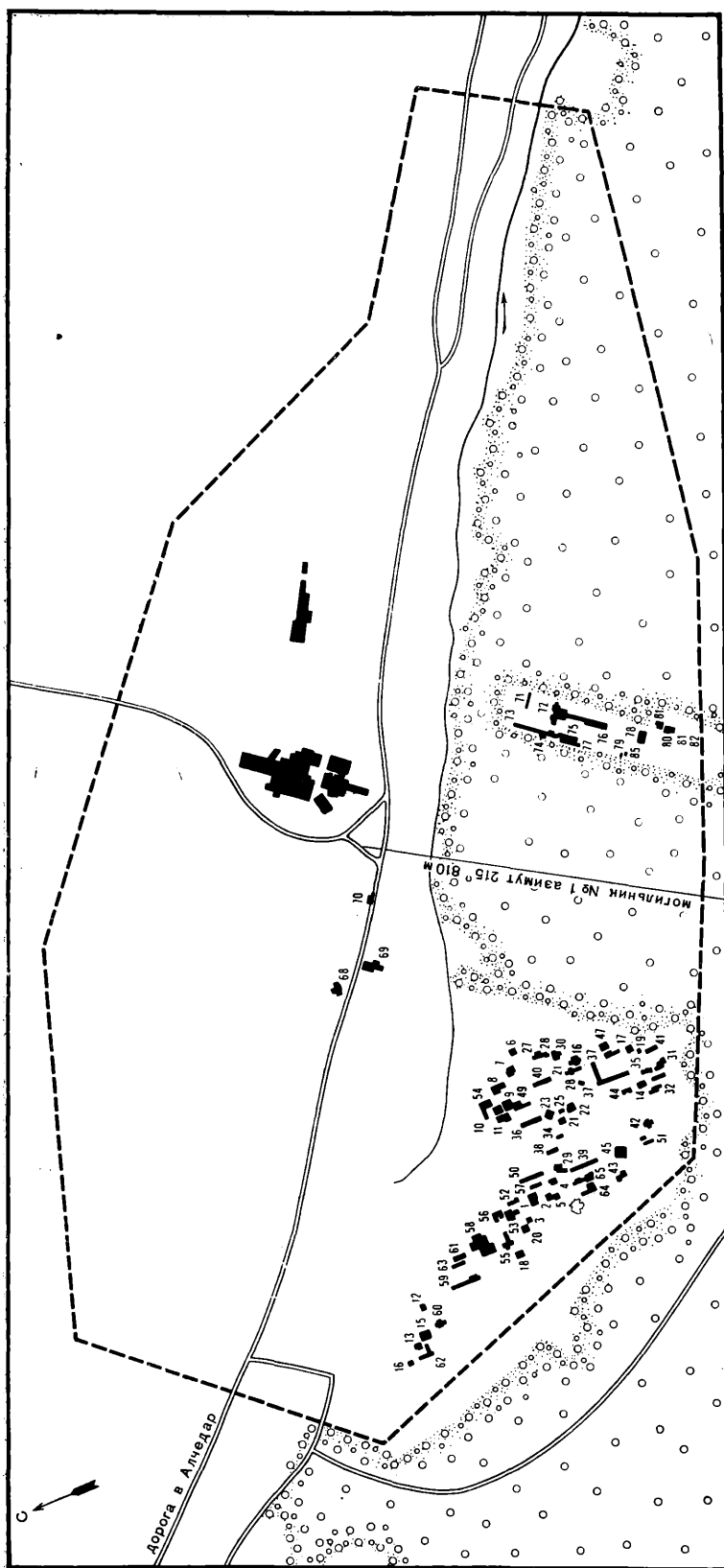

Рис. 23. Поселение Алчадар. План

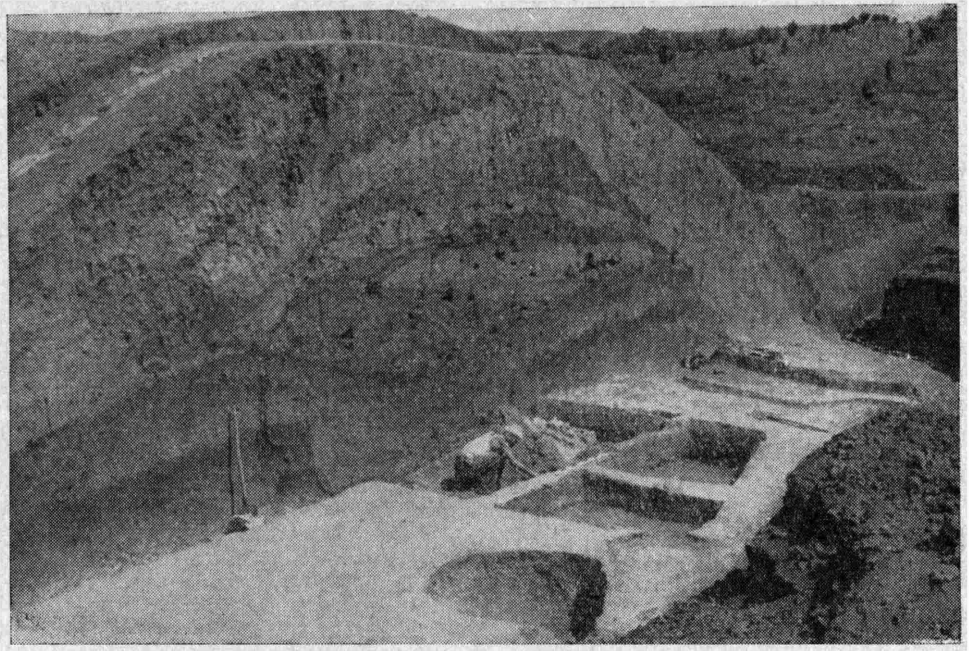

Рис. 24. Алчедарское городище. Профиль вала и славянская полуземлянка под насыпью

датировать не временем чеканки монеты — серединой X в., а позднее. Кроме монеты, возле колодца на разных уровнях найдено большое количество фрагментов массивных глиняных жаровен, крупные фрагменты древнерусской гончарной керамики — средние и большие горшки с линейным и волнистым орнаментом, известняковые камни. Там же и в самой яме обнаружены аналогичные фрагменты древнерусской керамики, железные обручи от деревянного ведра³, аналогичные екимаудским, железный втульчатый наконечник копья с лавролистным острием, железные наконечники стрел — втульчатые шиловидные, крученые и черенковые ромбовидные, железные ножи с прямой спинкой (в том числе типа «пакет»), костяные проколки, глиняные пряслица и т. д.

Колодец № 2 открыт под насыпью южной части вала городища на расстоянии около 2 м от колодца № 1, на глубине около 160—180 см от современной дневной поверхности уровня плато городища. С этого уровня и на глубину свыше 100 см колодезная яма была плотно засыпана крупными известняковыми камнями, поверх которых находилась насыпь вала. Таким образом, колодец № 2 был сооружен до возведения вала, т. е. раньше, чем колодец № 1, и перед сооружением вала был засыпан. Чем это объяснить? Дело в том, что колодец № 2 находится почти на самой стрелке того мыса, на котором сооружено Алчедарское городище. Здесь, на стрелке, достаточно было насыпать небольшой вал и слегка экскарпировать естественный склон стрелки мыса, чтобы получилась высокая (около 5 м) и крутая труднодоступная стена. Поэтому гораздо проще было засыпать имевшийся здесь колодец и на другом месте соорудить новый, чем возводить на другом месте вал, пренебрегая условиями естественной защищенности. Это и сделали строители цитадели. Прослежено восемь венцов сруба колодца № 2. В верхней части длина сруба 305, ширина 220 см. Как и первый колодец, он вытянут с юго-запада на северо-восток. Бревна,

³ Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 120, рис. 51/1.

Раскоп XXIX

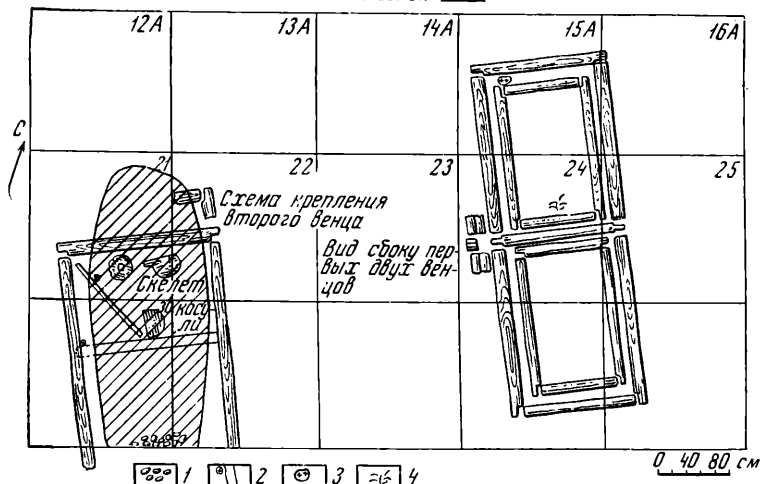

Рис. 25. Алчедарское городище:

1 — плав колодез из раскопа XXIX; 2 — дубовые подшипники водоподъемного механизма

как и в срубе колодца № 1, отесаны, как бруски, стенки сруба гладкие, плотно пригнаны друг к другу. Толщина бревен от 9 до 26 см, чаще всего — 15—16 см. На глубине около 80 см венцы западной и восточной стенок выступали внутрь сруба на 6 см каждая. На этом выступе находился поперечный, упирающийся в стенку сруба брус, врезанный в верхнюю часть выступающих венцов. Сечение бруса 18×9 см. Кроме того, этот дубовый брус поддерживался еще и 4 кольями (диаметр 7—10 см), расположенными вдоль стенок сруба. Поперечный брус и вертикальные дубовые колья были сделаны для придания жесткости всей конструкции. В черноземе заполнения колодца вместе с угольками, костями животных, керамикой найдены в значительном количестве и различные обломки дубовых плах, колев, брусков, указывающих на наличие сложной конструкции колодца. На глубине 100—150 см от верхнего венца найдены остатки водо-подъемного механизма из дуба: два массивных полуовальных подшипника с одной полукруглой и другой плоской поверхностями. В плоских поверхностях обоих подшипников имеются круглые выемки для вала диаметром 15 см и глубиной 18 см. Выемки довольно сильно разработаны от вращения вала. Подшипники имеют размеры примерно 30×60 см, при толщине около 30 см. Найдены также дубовый круглый вал или ворот диаметром около 10 см и длиной около 200 см, дубовое стопорное колесо с храповиком. Диаметр колеса 30—35 см, толщина 6 см, в центре квадратное отверстие (9×9 см), на колесе четыре симметрично расположенные глубокие

косые зарубки, в которые входила планка, останавливавшая при необходимости обратное движение ворота. В срубе колодца № 2 обнаружены 28 фрагментов керамики, из них 1 фрагмент лепной сковородки, 1 фрагмент лепного славянского горшка и 26 фрагментов гончарных горшков с линейно-волнистым орнаментом с примесью песка и пирита в тесте. Среди них есть фрагменты из очень грубого рыхлого теста. Кроме того, найдено одно керамическое воздуходувное сопло. Докопать колодезь удалось лишь до глубины 150 см от верхнего венца или около 320—340 см от уровня современной дневной поверхности⁴.

Стратиграфия колодцев указывает на то, что колодезь № 2 был сделан и использовался раньше, чем колодезь № 1. Это подтверждается и материалом, найденным в заполнении колодцев, в частности керамикой. Среди сотен фрагментов древнерусской керамики из колодца № 1 большинство имеет фигурные четко профилированные венчики, плотное тесто, стройные вытянутые пропорции, примесь известняка в тесте. Очень часто встречаются горшки, у которых наибольший диаметр тулова приходится выше середины высоты. Все эти признаки характерны для посуды XI—XII вв. Вместе с тем в колодце № 1 есть и керамика более раннего времени — с примесью песка и пирита в тесте, но ее меньше, а лепная керамика совсем отсутствует. В колодце № 2 имеется, правда, всего один лепной фрагмент, обычна керамика из рыхлого, грубого теста, господствует керамика с примесью песка и пирита. Керамика и по формам, и по примесям наиболее характерна для X в., есть и керамика более раннего времени. Из этого можно заключить, что вал Алчедарского городища был сооружен в X в., скорее всего в первой половине X в., что не противоречит ранее полученным данным. Возможно, что в южной части вал был дополнительно подсыпан во время второго строительного периода — в середине X в., тогда, возможно, и был засыпан колодезь. В неукрепленной части Алчедарского поселения раскопки велись на участке № 12 «Поляна», где в 1963 г. было заложено 10 раскопов (№ 76—85) общей площадью 385 м². На этой площади была проведена разведка с помощью потенциометра и магнитометра. Открыты и изучены домница для выплавки железа и печь для обогатительного обжига железной руды, обычного для Алчедара типа⁵, три полуземлянки с печами-каменками и пять хозяйственных ям. Полуземлянки прямоугольной формы (размеры их от 10 до 20 м² при глубине до 100 см) — обычные для алчедарского поселения жилища. В двух полуземлянках обнаружены столбовые ямы, поддерживавшие кровлю, в одной — остатки входного тамбура. Металлургические печи и жилища датируются, судя по керамике и другим изделиям, найденным в заполнении, временем от X до начала XII в. н. э. Видимо, эта часть Алчедарского поселения была заселена уже после возведения городищ. Наиболее интенсивные находки сосредоточены в основном в полуземлянках и возле них. Это глиняные пряслица, железная руда и шлак, костяные проколки, железные ножи, наконечники стрел, точильные бруски и т. д., керамика — обычная для Алчедарского поселения. На одном из днищ обнаружено клеймо — крест в круге. В 1963 г. продолжались и раскопки Алчедарского могильника, начатые в 1961 г. На площади могильника прослежены 34 курганные насыпи, располагающиеся сравнительно узкой полосой с юго-запада на северо-восток. Многие из насыпей сильно оплыли и едва заметны. В 1963 г. раскопано 5 курганов (№ 7—11). Размеры курганов, обряд погребений, датировка не отличаются от ранее изученных алчедарских курганов. Могильник датируется концом IX—первой половиной X в. н. э. Вскрыто

⁴ После достижения этой глубины сруб настолько быстро стал заполняться водой, что дальнейшие раскопки оказались невозможными.

⁵ Г. Б. Федоров. Население Юго-Запада СССР в I—начале II тыс. н. э. СЭ, 1961, № 5.

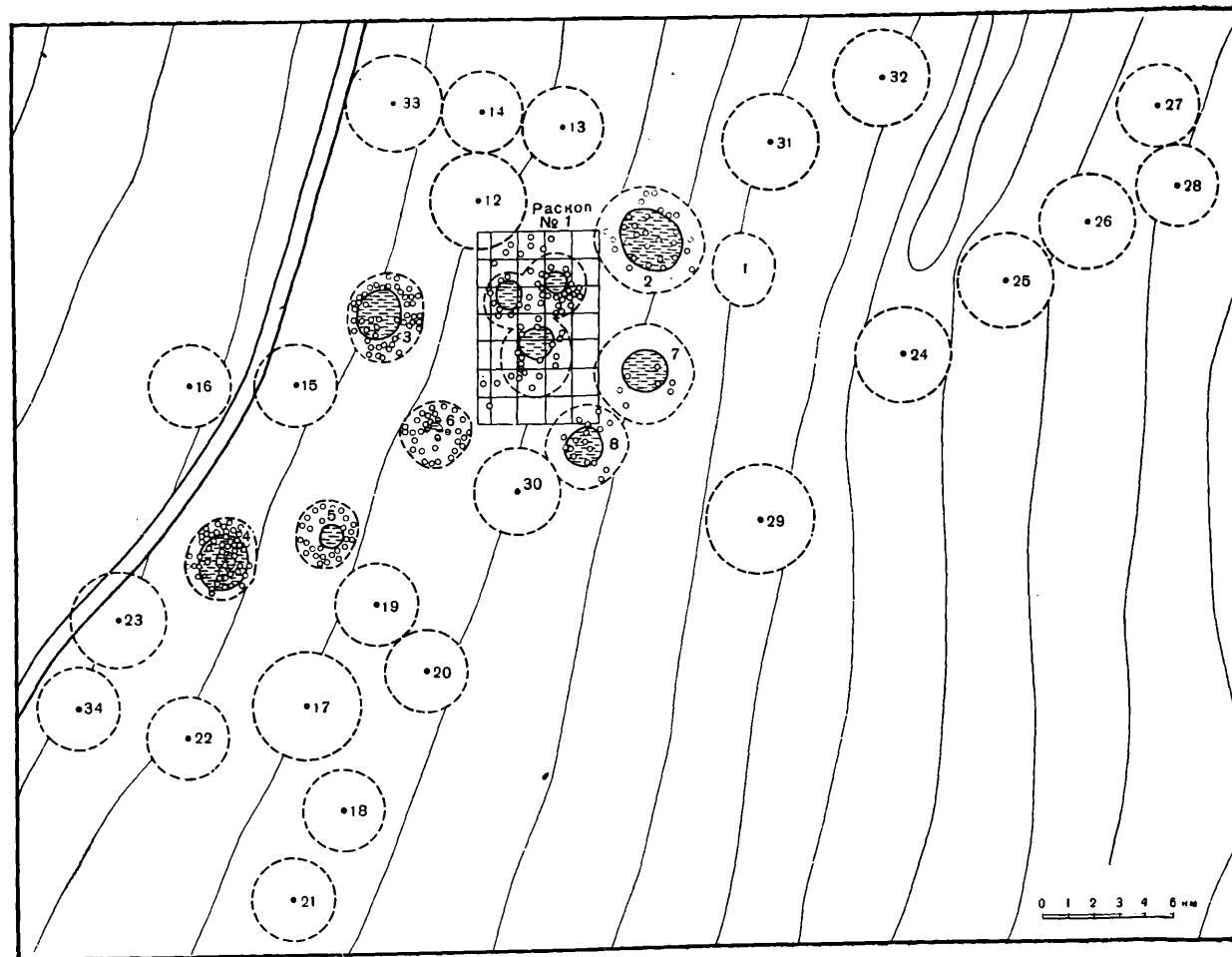

Рис. 26. Алчедарский могильник № 1. План курганов и раскопов

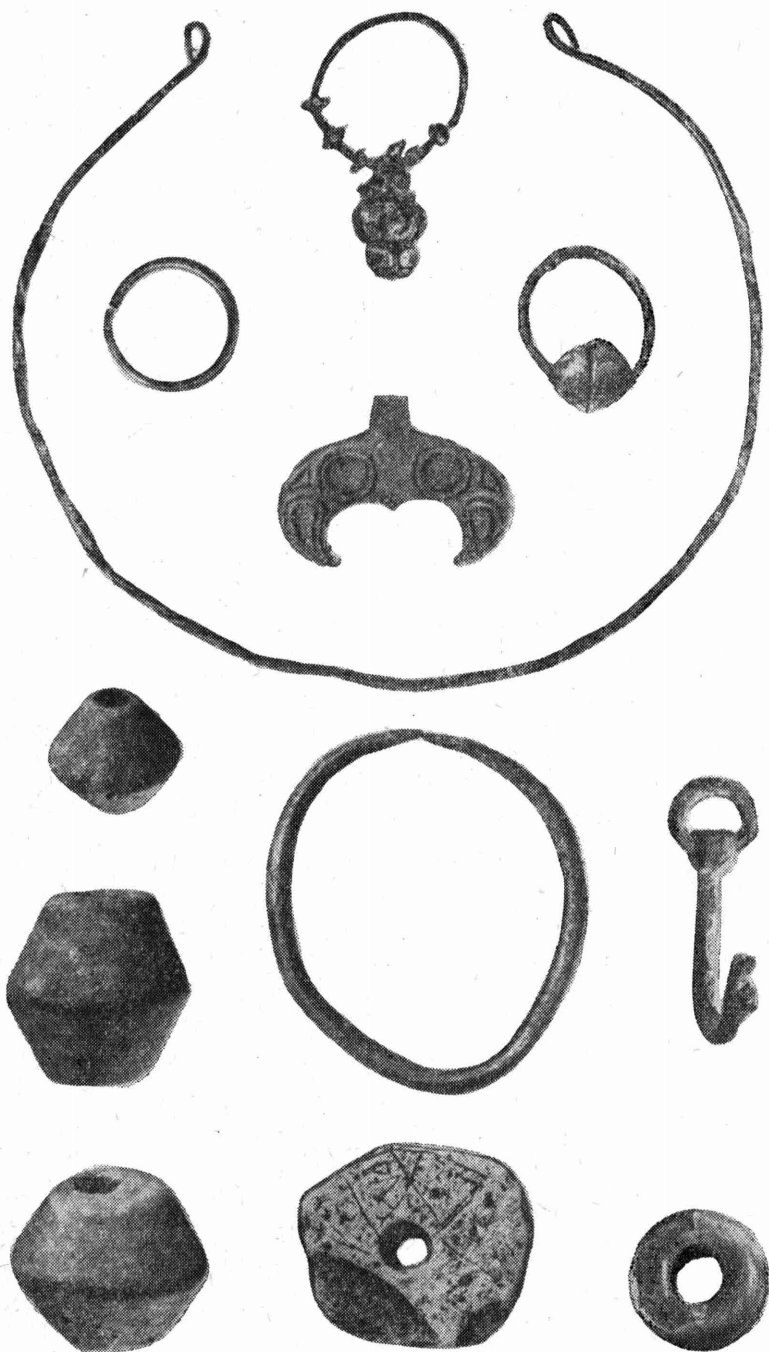

Рис. 27. Бранешты. Вещи из славянского могильника

65 погребений. Интересно соотношение различных видов керамических примесей. Примесь песка и дресвы (группа I) встречается в различных курганах в количестве от 52,9 до 85,5%, т. е. всегда преобладает, примесь пирита (группа II) — от 9 до 41%, примесь известняка от 1 до 7%, органические примеси и известняк — от 0 до 7%. Таким образом, как и в ранее раскопанных курганах, резко преобладает посуда с примесью песка, дресвы и пирита, т. е. с теми примесями, которые характерны для посуды X в., как это было установлено раскопками предшествующих лет. Горшки сделаны на ручном круге, имеют, как правило, несквозной и неравномерный обжиг. Наибольший диаметр тулова несколько выше середины. Инвентарь беден, всего в пяти курганах найдено: три железных ножа, четыре бусины (одна лимонная желтая из стеклянной пасты, две синих тройных из стеклянной пасты, одна 14-гранная сердоликовая, пять бронзовых изделий); две полные пряжки, два бронзовых колечка, прорезная подвеска от поясного набора с циркульным орнаментом.

В 1963 г. продолжались и раскопки древнерусского могильника у с. Бранешты Оргеевского района МССР, начатые в 1962 г. В 1963 г. исследовано 16 погребений. Все они совершены по обряду труположения (рис. 26). Скелеты вытянуты на спине головой на запад. Инвентарь — сделанные на ручном круге горшки, различные предметы из глины, кости, рога, серебра, железа, бронзы (рис. 27). Всего за два года раскопок вскрыто 97 погребений, из них 94 труположения и три трупосождения в урнах. Урны — славянские горшки с волнистым и линейным орнаментом — две лепные и одна, сделанная на ручном круге, такая же, как урны Алчедарского могильника. Среди инвентаря следует отметить шиферные и глиняные пряслица, железную, обтянутую бронзовым листком пластину от панциря, железные ножи, в том числе типа «пакет», бронзовую шейную гривну, бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, перстни, шаровидные пуговицы, гладкие кольцеобразные височные кольца, серебряные серьги типа «виноградная гроздь», аналогичные екимауцким и алчедарским, бубенчики, поясную бронзовую накладку со звериной головой, бронзовые лунницы, однобусинные височные кольца, бусины из сердолика (плитчатые 14-гранные) и различных цветов и форм из стеклянной пасты, в том числе и глазчатые, набор астрагалов, в том числе и бита со свинцовым грузиком, стеклянный шлак и обломки стеклянной посуды, железные стрелы — черенковые ромбовидные, втульчатые шиловидные и другие, перекрестье рукоятки большого ножа или кинжала, железные шилья, пробойники, иглы с ушками и т. д. Вещевой материал позволяет датировать могильник X—XI вв.

О начальной дате, как о рубеже IX и X вв., говорит и наличие трех погребений с трупосождениями. Остальные погребения — труположения. Интересно, что Бранештский могильник хронологически совпадает с Алчедарским могильником в нижней дате, однако в основном относится к более позднему времени, непосредственно сменяя Алчедарский. Это явствует из анализа инвентаря, керамики и т. д. Бранештский могильник использовался сразу же после Алчедарского, в котором господствовал обряд трупосождения и который датируется концом IX—первой половиной X в. н. э. Именно в это время в связи с формированием феодального общества, в частности в связи с возникновением феодальных городов, начинает широко распространяться у славян Прутско-Днестровского междуречья христианство. В противоположность предыдущему — языческому — периоду (к которому относится Алчедарский могильник) Бранештский — видимо, христианский могильник имел рядовую, а не гнездовую планировку.

Таким образом, работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. дали новые ценные материалы для характеристики славяно-русской материальной культуры на Юго-Западе СССР.

И. А. РАФАЛОВИЧ

ПОСЕЛЕНИЕ VI—VII вв. у с. ХАНСКА

Поселение Ханска-II расположено в 35 км к юго-западу от г. Кишинева, в долине р. Ботнишоары, на рубеже лесостепной и степной Молдавии. Оно занимает нижнюю переходящую в пойму часть склона в 1,5 км к юго-западу от с. Ханска в урочище Капрэрия. Протяженность селища в длину 100—120 м, в ширину 60—80 м. С южной стороны оно ограничено лесом, с запада — неглубокой ложиной, отделяющей его от исследованного в 1960 г. поселения VIII—IX вв. Ханска-I¹. Восточная граница селища примыкает к открытому в 1964 г. могильнику XI—XII вв. Ханска-Капрэрия, отдельные погребения которого находились и на территории поселения.

За два года раскопочных работ на селище вскрыта площадь более 2 тыс. м², открыто 14 жилых и 4 хозяйственных полуземляночных сооружений, хозяйственные ямы, очаги, получен значительный керамический и вещевой материал² (рис. 28, 1).

Наибольшее расстояние между жилищами не превышает 8 м; в ряде случаев отмечено парное расположение полуземлянок (№ 1—2, 3—4, 10—11, 6—9), расстояние между которыми не превышает 50—60 см.

Жилища-полуземлянки имеют форму квадрата с плавно закругленными углами и вертикальными стенками; ориентированы сторонами или углами по странам света. Полом служил слегка утрамбованный материк. Вход в полуземлянку был прослежен только в двух случаях: в жилой полуземлянке № 6 и парной с ней хозяйственной постройке № 9. В обоих случаях он представляет собою узкий проход шириной 0,80—1,10 м, длиной 0,90—1,30 м, без ступенек с полого наклоненным пандусом. Ни в одной из жилых полуземлянок не обнаружено каких-либо следов столбовой конструкции. Площадь полуземлянок колеблется в пределах 11,5—21,1 м². Жилые сооружения углублены в материковый грунт в среднем на 50—60 см (глубина от современной дневной поверхности 90—110 см). В некоторых полуземлянках (№ 3, 4, 8) в полу были вырыты хозяйственные ямы глубиной от 0,30 до 0,50 м от уровня пола.

В полуземлянках обнаружены печи-каменки, в редких случаях — углубленные очаги и глинобитные печи.

Печи-каменки имели в плане прямоугольную или подковообразную форму с размерами от 70 × 70 см до 140 × 140 см. Под печи овально-

¹ В. А. Башилов. Раннеславянское жилище на поселении у с. Хански в Молдавии. МИА, № 108, стр. 382—385.

² Раскопки производились Отрядом раннеславянской археологии ПДЭ под руководством автора.

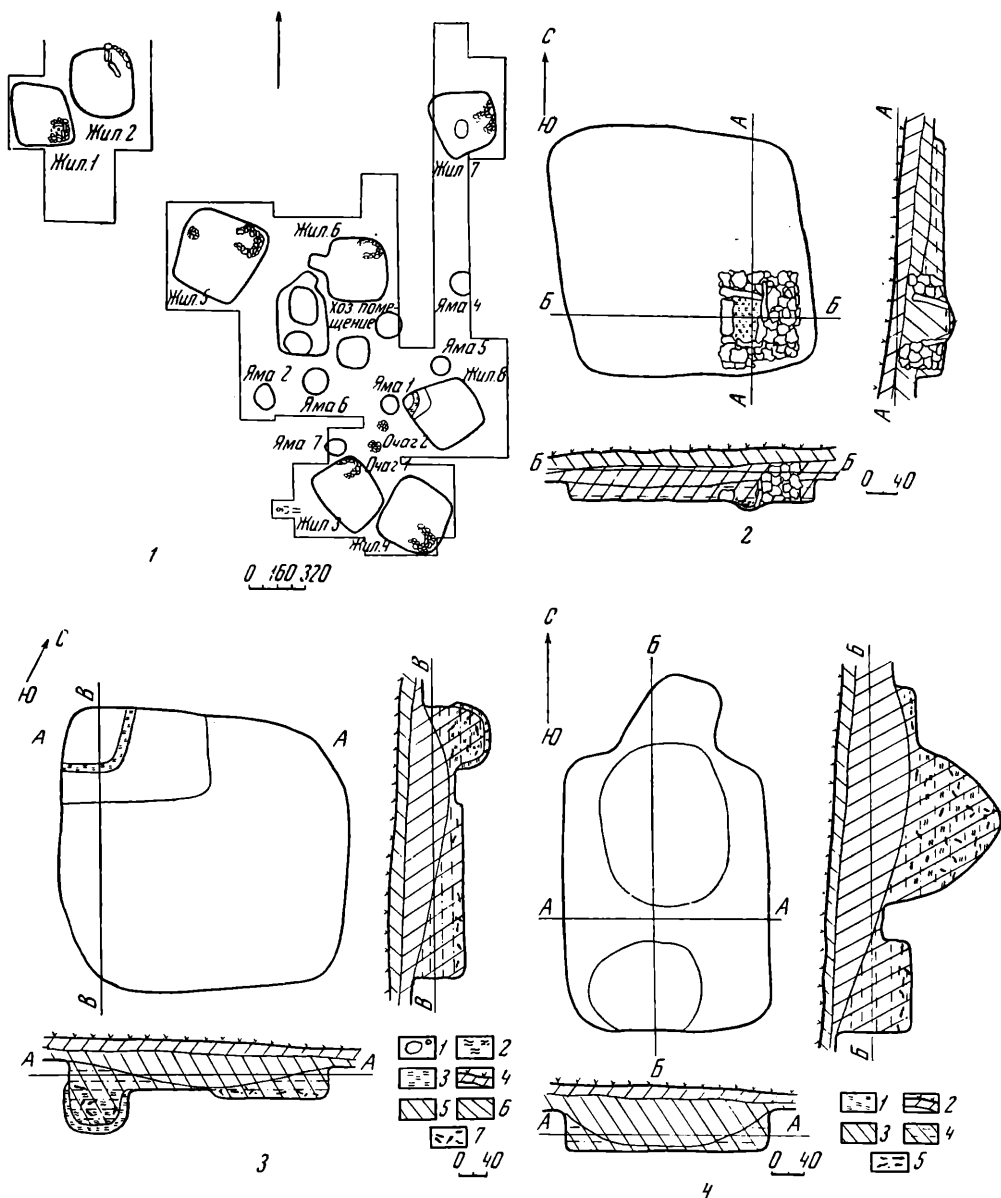

Рис. 28. Селище Ханска II:

1 — план раскопок. Условные обозначения: 1 — камни; 2 — зола; 3 — обожженная глина; 4 — пахота; 5 — чернозем; 6 — суглинок; 7 — древесный уголь; 2 — жилище № 1; 3 — жилище № 8; 4 — хозяйственная полуземлянка № 9

удлиненной формы обмазан слоем глины толщиной 5—7 см. В жилище № 1 под каменки был расположен ниже уровня пола на 0,15 м. В остальных печах под расположен на уровне пола жилища. Печи были сложены из известняковых камней, крупных в основании и более мелких в верхней части, щели между камнями иногда забивались фрагментами керамики. В отличие от других внутренние стены печи в жилище № 1 (рис. 28, 2) были облицованы поставленными на ребро плоскими плитами, а в устье был установлен невысокий каменный порог.

В полуземлянках 2, 4, 7 поверх печи-каменки были установлены прямоугольные в плане жаровни, изготовленные из глины с обильной примесью

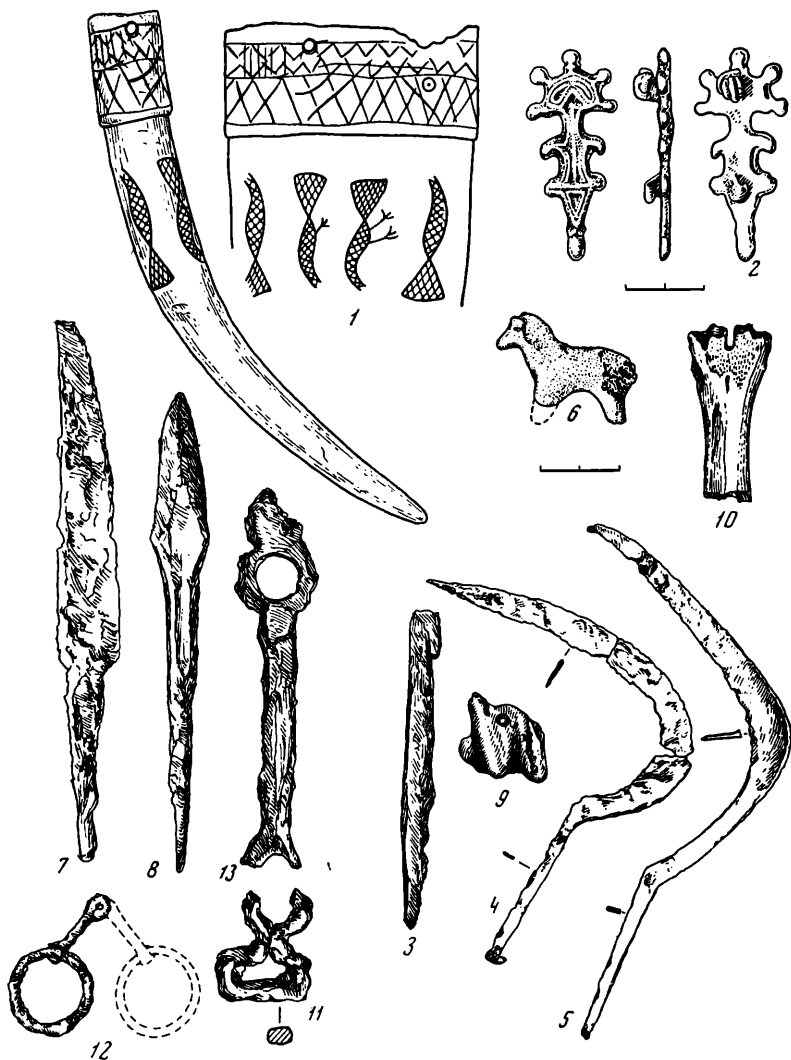

Рис. 29. Селище Ханска-II. Находки из поселения VI—VII вв.

соломы. Высота бортиков жаровен колеблется от 7 до 10 см. Фрагментарность не позволяет судить об их размерах.

В одном из полуземляных жилищ (№ 8) в северо-восточном углу находился останец из материковой глины $2,00 \times 1,20$ м, в котором вырыта очажная яма неправильно-округлой формы глубиной 0,45 м и диаметром 0,70 м. Стенки очажной ямы обожжены докрасна на глубину 10 см (рис. 28, 3). В полуземлянке № 11 открыта глинобитная печь, также вырезанная в материковом останце. С южной стороны на уровне пола в останце прорезано устье печи шириною в 0,30 м с сохранившимися остатками невысокого глинобитного свода.

В полуземлянке № 14, кроме печи-каменки, расчищен округлой формы очаг $0,5 \times 0,50$ м, вымощенный камнем.

Хозяйственные постройки в отличие от жилых лишены печей и имеют в плане удлиненную форму ($3,60 \times 2,70$ м; $3,60 \times 2,50$ м, $1,70 \times 1,10$ м). Полуземлянка № 9 (рис. 28, 4), углубленная в материковый грунт на 0,50 м, имеет в плане прямоугольную форму, размером $3,60 \times 2,70$ м,

вход — в северной стене. В материковом полу полуземлянки выкопаны две овальные в плане хозяйственные ямы. Первая — конической формы с диаметром 1,70—2,40 м и глубиной 1,65 м и вторая — цилиндрической формы с диаметром 1,55—1,20 м, глубиной 0,40 м и плоским дном. Ямы выкопаны таким образом, что между ними и стенками полуземлянки оставлен проход шириной в 0,50—0,70 м. Заполнение ям состояло из насыщенного золой и углем чернозема. В обеих ямах найдена керамика и кости животных.

Удлиненные хозяйственные постройки известны на раннеславянских селищах в Молдавии³ и за ее пределами⁴.

Открытые на поселениях хозяйственные ямы расположены двумя параллельными рядами между жилищами и тянутся с юго-запада на северо-восток. Большая часть ям имеет цилиндрическую форму диаметром от 0,80 до 1,50 м и глубиной от 0,60 до 1,80 м, ямы 1 и 4 — грушевидные. Ямы заполнены черноземом, без находок, в яме 5 на дне найден скелет собаки.

Расположение ям на селище рядами, возможно, говорит о существовании упорядоченной планировки поселения. На селище Ханска-II открыто четыре очага, представляющих собою округлые каменные вымостки диаметром 0,60—0,80 м. Камень обожжен докрасна, между камнями и рядом с очагами грунт насыщен древесным углем. Аналогичные очаги отмечены также и на поселении Хуча⁵.

В культурном слое и в жилищах были найдены изделия из металла, кости, рога и керамики. Большой интерес представляет найденная на полу жилища № 14 бронзовая пальчатая фибула (рис. 29) со слабо выраженным рельефным орнаментом на лицевой стороне и сильно стилизованными птичьими головками. Фибула отлита в односторонней литейной форме. Близкие по типу пальчатые фибулы были распространены в VII в. в Нижнем Подунавье (Сэрата Монтеору⁶, Сучава⁷). И. Вернер датирует этот тип фибул VII в.⁸ Это первая пальчатая фибула, найденная в пределах Молдавской ССР. Фибула из жилища № 14 особенно интересна, так как обнаружена в комплексе лепной и гончарной керамики.

Из железных изделий значительный интерес представляют два серпа (рис. 29, 4, 5) хорошей сохранности, близкие по форме к серпам, найденным в Пеньковке⁹.

Среди остальных находок отметим удила, ножи с прямой спинкой, ведрное ушко с частью железной дужки и два наконечника стрел (рис. 29, 3, 7, 8, 11, 12, 13).

Среди изделий из кости и рога наибольший интерес представляет богато орнаментированный предмет из рога благородного оленя с изображением птиц и рыб (рис. 29, 1). Кроме того, обнаружены орудия из ребер лошади, коровы, зашлифованные с одной стороны; один край ребра сработан и на нем часто можно различить более или менее четко выраженное углубление. Аналогичные орудия были найдены в Пеньковке¹⁰, назначение

³ И. А. Рафалович. Раннеславянское поселение Хуча VI—XII вв. в Молдавии. «Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР». Кишинев, 1964 г., стр. 36.

⁴ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, стр. 334—336.

⁵ И. А. Рафалович. Указ. соч.

⁶ Ion Nestor și Eugenia Zaharia. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. MCA, vol. VI. București, 1959, стр. 511, рис. 1.

⁷ Мирча Д. Матей. Славянские поселения в Сучаве. Dacia. IV. București, 1960, стр. 383, рис. 7.

⁸ Joachim Werner. Slawische Bügelfibeln der 7. Jahrhunderts, Reinecke Festschrift. 1950, Taf. 29 (25—29).

⁹ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 183, рис. 20.

¹⁰ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 160.

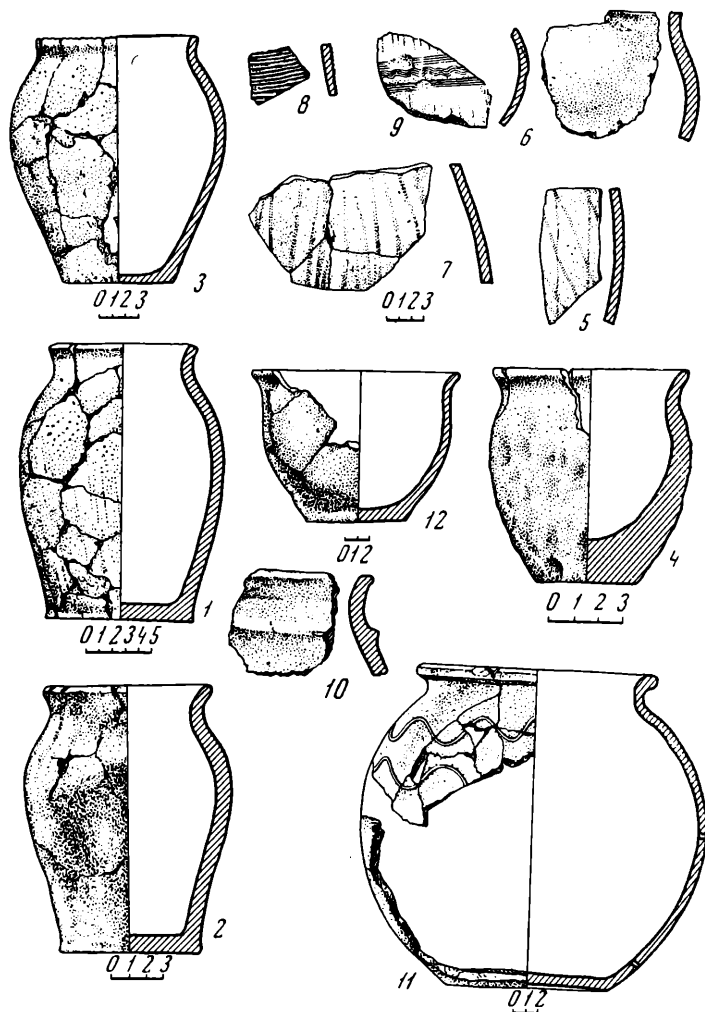

Рис. 30. Селище Ханска-II. Керамика из поселения VI—VII вв.

их пока неясно. Найдены также подвески, «коньки», заготовки рукоятей из рога козули и оленя, обрезки рога и костяная игла с ушком (рис. 29, 9, 10).

Интерес представляют находки глиняных фигурок, изображающих животных, вероятнее всего, коней (рис. 29, 6). Керамические фигурки, изображающие людей и животных, на раннеславянских памятниках Молдавии, известны по раскопкам поселений Старые Малаешты¹¹, Лопатна и Бранешты-I¹². Статуэтки из Хански аналогичны фигуркам животных из Бранешты, но хронологически они наиболее ранние из находок подобного рода на славянских памятниках в Прутско-Днестровском междуречье. За пределами Молд. ССР такие фигурки найдены на городище Опoшня¹³. К керамическим находкам относятся пряслица, большая часть из них имеет бико-

¹¹ Раскопки П. П. Бырни.

¹² Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 378.

¹³ И. И. Ляпушкин. Днестровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 246, рис. 142.

ническую форму, однако встречены и дисковидные, а также изготовленные из стенок сосудов. Найдены также фрагменты двух тиглей и модель глиняной сковороды (игрушка?).

Массовый керамический материал на поселении Ханска-II в основном представлен фрагментами лепной керамики с примесью шамота в тесте. Сосуды изготовлялись ленточным способом, на внутренней поверхности некоторых сосудов отчетливо видны следы заглаживания при скреплении лент. Обжиг неравномерный. Наружная поверхность желтовато-оранжевого или серо-коричневого цвета заглажена. Ассортимент керамических форм на поселении довольно беден и состоит из горшков, сковород и лепешниц (дисков).

Горшки являются на поселении господствующей формой, больше всего сосудов средней величины с вытянутым туловом, пологими плечиками и узкими горловинами и днищами. Диаметр горла равен или несколько меньше диаметра днища. Венчики горшков прямые либо слегка отогнуты наружу. Горшки обычно лишены орнамента и лишь в виде редкого исключения по краю венчика встречается орнамент в виде оттиска ногтя или косых насечек палочкой (рис. 30, 1, 2, 3). Такой тип горшков обычен для раннеславянских памятников VI—VII вв. в Нижнем Подунавье (Кэцелу Ноу¹⁴, Кымпул-Божа-Милитари¹⁵, Букурештий Ной¹⁶, Чу-рел¹⁷). Они встречены и в Сэрата-Монтеору¹⁸, где, судя по опубликованным материалам, также являются одной из основных форм. Преобладание этой формы горшков на довольно ограниченной территории между Нижним Поднестровьем и Нижним Подунавьем, по-видимому, отличает этот район от районов, где преобладающей формой являются горшки корчакского или пеньковского типов, и дает возможность поставить вопрос о выделении раннеславянской керамики VI—VII вв. в Нижнем Подунавье в особый тип.

Крупные биконические сосуды на поселении Ханска-II с резким перегибом тулова, подчеркнутым острым ребром, иногда украшены налепным валиком под венчиком (рис. 30, 10). Аналогичные формы широко распространены на памятниках пеньковского типа в среднем течении Днестра¹⁹ и Южного Буга²⁰, где они датируются VI—VII вв. На поселении Ханска-II эти горшки крайне немногочисленны и представлены лишь фрагментами.

Горшки вытянутых пропорций с широко раскрытой горловиной, прямым венчиком и относительно узким днищем имеют наибольший диаметр у горловины. Венчик обычно не выделен или чуть намечен (рис. 30, 6). Эти горшки также относительно редки и из-за фрагментарности могут быть реконструированы лишь графически. По форме и пропорциям они близки к горшкам пражского типа.

Такое сочетание различных типов керамики, отмеченное на раннеславянских памятниках Молдавии в VI—VII вв., очевидно, может быть объяснено как географическим положением Прутско-Днестровского между-

¹⁴ Valeriu Leahu. Raport asupra săpăturilor efectuate în 1960 la Caștelu Nou, Cercetări Arheologice în București. București, 1963, стр. 40—43.

¹⁵ Vlad Zirra și Gh. Cazimir. Unele rezultate ale săpăturilor arheologice de pe «Cimpul Boja» — Militari, Cercetări Arheologice în București. București, 1963, стр. 63—69.

¹⁶ M. Constantiniu și P. I. Panait. Săpăturile la București—Noi din 1960, Cercetări Arheologice în București. București, 1963, стр. 84—98.

¹⁷ Sebastian Morintz. Săpăturile de pe Dealul Ciurel. MCA, vol. VII. București, 1960, стр. 658—663.

¹⁸ Ion Nestor și Eugenia Zaharia. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. MCA, vol. VII, стр. 513—517.

¹⁹ Д. Ф. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 153.

²⁰ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, стр. 334, 340.

речь, где проходили пути продвижения различных славянских племенных групп к Дунаю, так и тем, что Днестр в течение долгого времени был границей, разделявшей крупные племенные союзы славян — антов и склавинов.

Сковороды характеризуются неправильно-округлой формой и невысоким отогнутым наружу бортиком, днища плоские. Для раннеславянских сковород VI—VII вв. в Молдавии (Ханска-II, Хуча, Бранешты-XIII) характерны относительная тонкостенность, отличающая их от массивных сковород VIII—IX вв. (Бранешты-I, Одая, Калфа). В керамическом тесте ряда сковород и на их поверхности отчетливо прослеживаются отпечатки зерен злаков и соломы. На памятниках VIII—IX вв. примесь соломы для сковород становится обычной.

Как керамическая форма сковороды известны в VI—VII вв. на ряде раннеславянских памятников в СССР²¹, Чехословакии²², Румынии²³, в то же время на ряде памятников этого времени сковороды еще не известны (Рипнев²⁴).

Лепешницы представляют собою плоские диски, толщиной в 1,5—2 см. Часто края их несколько утолщены и приподняты, образуя невысокий бортик, сближающий эту форму со сковородами.

В целом лепная керамика с поселения Ханска-II на основании многочисленных аналогий может быть датирована VI—VII вв. н. э. Эту датировку подтверждает находка в жилище № 14 бронзовой пальчатой фибулы VII в. и фрагментов стенок амфор красного цвета с желтым ангобом, покрытых глубоким частым рифлением. По материалам Истрии²⁵, такие амфоры датируются VI в. (рис. 30, 8).

Наряду с массой фрагментов раннеславянской лепкой керамики (97,7%) на поселении Ханска-II найдено некоторое количество гончарной керамики (3,3%). Эта керамика представлена фрагментами горшков округлых пропорций с отогнутыми наружу венчиками (рис. 30, 11). В тесте имеется примесь песка. Цвет черепка серый, реже коричневый. Горшки орнаментированы углубленными волнистыми, либо пролощенными вертикальными линиями и ромбической сеткой из пролощенных линий. Встречен орнамент из полосы волнистых линий, заключенных между пролощенными вертикальными линиями. В качестве аналогии этой группе керамики можно указать на гончарную посуду из Пастерского городища²⁶, близкую нашей по форме и орнаментации. Одним из существенных отличий между керамикой из Хански и Пастерского городища является отсутствие в последней орнамента из сетки ромбических пролощенных линий. Находки гончарной сероглиняной посуды, родственной керамике лесостепной Украины, может быть, связаны с алано-болгарским населением Причерноморских степей VI—VII вв. Вместе с тем в 1964 г. на селище было найдено 22 фрагмента гончарной (шероховатой и гладкой) керамики черняховского типа. Из этого количества 13 фрагментов обнаружено в слое и 9 в полуземлянках, причем из девяти открытых в 1954 г. на поселении полуземлянок в шести была найдена керамика этого типа. В сезон 1965 г. черняховской керамики не было обнаружено.

В исследованной на поселении Ханска-II площади четко выраженного черняховского слоя не обнаружено. Не выявлено ни одного объекта, где бы

²¹ П. И. Хавлюк. Указ. соч., стр. 236.

²² Ludvík Skřivný. Pevně-jejich vyskut, funkce a datování. «Památky Archeologické», Roc. LV, 1964, c. 2, str. 370—388.

²³ Valeriu Leanu. Указ. соч., стр. 42.

²⁴ В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я; і південно-західної Волині. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вып. 5 Київ, 1964, стр. 103, 104.

²⁵ Em. Condurachi. Şantierul arheologic Histria. MCA, vol. VII, 1960, стр. 240.

²⁶ М. Ю. Брайтчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 162—164.

была найдена только керамика черняховского типа или где бы она преобладала. Обследование территории в радиусе 2—2,5 км от селища также не привело к выявлению следов поселений черняховской культуры. Однако тот факт, что в 1965 г. в слое было найдено несколько узкогорлых светлоглиняных амфор II—III вв. н. э.²⁷, может говорить о том, что черняховская керамика не связана с основным слоем селища.

Поселение Ханска-II является пока самым южным из раннеславянских поселений VI—VII вв. на территории СССР и наиболее близко расположенным к районам Северного Подунавья, т. е. на той территории, которая по письменным источникам была занята славянскими племенами склавинов и антов.

²⁷ Датировка амфор произведена В. В. Крopotкинem.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛОЕВ
БЕЛГОРОДА ДНЕСТРОВСКОГО

в 1954 и 1958 гг.

Белгород Днестровский является одним из наиболее значительных археологических памятников Юго-Запада СССР. Его культурный слой сохранил ценнейшие остатки поселений, начиная с античного времени и до позднейшего средневековья.

Систематические раскопки этого памятника (наиболее важными из них являются исследования последних лет, проведенные экспедицией Института археологии Академии наук УССР под руководством А. И. Фурманской) имели своей главной задачей изучение древнейших горизонтов культурного слоя, относящихся к античному времени — к городу Тире. О средневековом же Белгороде — Четате Албе — Аккермане можно было составить представление по сохранившимся укреплениям (рис. 31) и находкам, относящимся к истории этого города в эпоху средневековья¹.

Однако специальных исследований средневековых горизонтов культурного слоя Белгорода Днестровского не производилось. Между тем такие работы могли бы дать представление о соотношении различных этнических компонентов населения города — славянского, молдавского, турецкого в различные периоды его истории. А это имело бы существенное значение и для этнической истории всего Юго-Запада нашей страны.

Задачей раскопок средневековых горизонтов культурного слоя Белгорода Днестровского в 1954 и 1958 гг.² было выявление стратиграфии

¹ Э. Р. Штерн. Раскопки в Аккермане. ЗООИД, т. XXIII, 1901; он же. Раскопки в Аккермане летом 1912 г., т. XXXI, 1913; Н. И. Репников. Несколько слов об Аккерманской крепости. «Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического об-ва», т. II; А. А. Кочубинский. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. ЗООИД, т. XV, 1889; он же. Тира — Аккерман, и его новая лапидарная надпись от 1454 г. ЗООИД, т. XXIII, 1901; А. Н. Зограф. Древний город Тира — Белгород — Аккерман. КСИИМК, вып. 8, 1940; G. I. Brătianu. Contribution a l'histoire de Cetatea Alba (Akkerman) aux XIII—XIV siècles BSH, t. III. Bucureşti, 1927; Cr. Avakian. Sapatorie de la Cetatea Alba. «Comisioane Monumentelor Istorice, Seitra din Basarabia», III, 1931. Большинство находок хранится в Одесском археологическом музее и в музее Белгорода Днестровского.

² Работы проводились комплексной Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедицией Института археологии и этнографии АН СССР и Института истории Молдавского филиала АН СССР. Руководитель экспедиции — Г. Б. Федоров. Руководство Белгород-Днестровским отрядом было поручено автору настоящей статьи; в раскопках принимали участие М. В. Житомирская, Г. П. Латышева, В. Н. Мыльникова, В. П. Петров, Т. В. Равдина, И. Г. Хынку, студенты Кишиневского университета и Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Раскоп I вне крепости находился в непосредственном соседстве с территорией, исследованной экспедицией ИА АН УССР. Раскоп II — во внешнем дворе крепости, у башни Пушкина; раскоп III — во внутреннем дворе крепости соответственно раскопу II.

средневековых горизонтов и их этнической принадлежности. С этой целью было заложено три раскопа (один — вне крепости и два — во внешнем и внутреннем дворах ее, поблизости от крепостных стен). Раскопы, не достигшие пока нижних средневековых горизонтов, дают возможность охарактеризовать лишь верхние горизонты культурного слоя и некоторые сооружения.

Верхний горизонт культурного слоя Белгорода Днестровского датируется XVI в. и более поздним временем. Внутри крепости в нем не открыто каких-либо значительных сооружений; вне каменных укреплений нужно отметить глассис — невысокий вал, насыпанный в начале XIX в. из земли, взятой, по-видимому, в различных местах города. В глассис попали при этом вещи средневековые и античные, в частности много фрагментов амфор с клеймами.

Основная масса вещевых находок верхнего горизонта относится ко времени турецкого владычества (XVI—XVIII вв.). В Аккерман попадало тогда довольно много керамических изделий из малоазийских областей Турции, в частности из Анатолии. Особенно интересны фрагменты анатолийских поливных сосудов с характерной подглазурной росписью, в основном синим по белому фону. Найдено множество глиняных курительных трубок с турецкими надписями, две турецкие монеты XVII в., а также черепица и бытовая керамика (возможно, местного производства).

Интересны некоторые изделия из кости. В большинстве — это рукояти ножей, сделанные на токарном станке. Обращает на себя внимание сравнительно часто встречающиеся среди навершеный схематические изображения клюва и фигуры птицы. Среди костяных изделий — крышка карманного компаса, какие были распространены в XVII—XVIII вв. Она разграфлена на манер солнечных часов и имеет числовые обозначения арабскими цифрами от 1 до 12: эта находка не случайна в Аккермане, портовом городе.

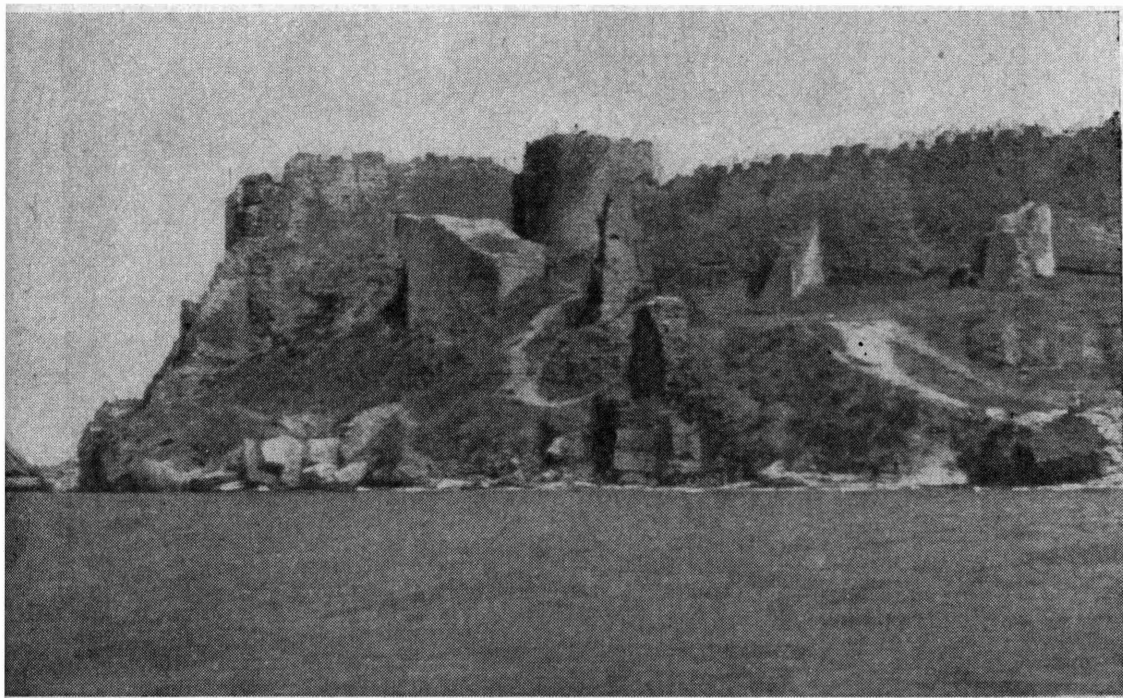

Рис. 31. Крепость Белгород Днестровский

1

2

Рис. 32. Средневековый слой Белгорода Днестровского.
Раскоп I: 1 — пол жилища с отверстием тондира; 2 — хлебная печь-тондир.

Крепость Аккерман на рубеже XVI—XVII вв. ремонтировалась. Сохранившиеся до наших дней каменные крепостные стены Белгорода Днестровского построены, как известно, в 1438—1454 г. при участии русских мастеров³. Усиление их через полтора столетия было необходимо. Этого требовала новая техника осады и обороны крепостей, при которой как осаждающие, так и осажденные широко применяли артиллерию, по-видимому, необходимо было утолщение стен и создание на них широкой боевой верхней площадки. Присыпка земли к стенам повышала их стойкость против артиллерийского обстрела, а широкая верхняя боевая площадка позволяла разместить на крепостной стене заряжаемые с дульной части пушки того времени⁴. Обычно землю присыпали с наружной стороны каменной крепостной стены, достигая этим двойного эффекта (земляная насыпь была лучшей защитой от пушечных ядер, чем каменная облицовка). Но в данном случае так поступать было нельзя, поскольку снаружи к стене непосредственно примыкал вырубленный в скале глубокий ров. Пришлось присыпать землю с внутренней стороны крепости. В раскопе II, расположенном у башни, названной именем Пушкина, удалось открыть эту присыпку из земли и камней. Она доходила почти до верха прежней стены и имела толщину от 4 до 6 м. Верхняя ее площадка шириной 4,5—5 м была обмазана слоем глины толщиной около 5 см. На сырой еще глине тогда же разложили костры, благодаря чему получилась как бы керамическая облицовка и образовалась твердая, прочная, удобная для защитников крепости боевая площадка. Этот прием создания твердой оболочки крепостных стен известен в Восточной Европе по крайней мере с XII в. и прослежен в крепостных валах Перемышля Московского (XII в.), Тушкова (XIV в.), Белгорода Курского (XVII в.)⁵. Непосредственно на присыпке крепостной стены и в наслоениях, лежащих немного выше, найдено множество (более 200) железных подковок от каблучков сапог. Эта находка, характерная для слоев XVII в. в разных городах, в данном случае еще раз подтверждает назначение насыпи.

Лежащие под верхним горизонтом наслоения XIV—XVI вв. сильно отличаются от него по своему характеру. В них встречены молдавские монеты, керамика преимущественно местного производства (хотя в небольшом количестве, имеется и привозная). Есть все основания связать этот второй горизонт с молдавским городом Четате Албе. В нем открыты и жилища горожан.

Вне стен крепости в раскопе I расчищены остатки погибшего при пожаре небольшого дома, по-видимому, жилища рядового горожанина (рис. 32, 1). Площадь дома была, вероятно, 15—16 м². Пол глинобитный и неоднократно подновлялся путем наложения новых слоев глины. Стены дома были также из глины на деревянном каркасе. Судя по остаткам обгорелой соломы, найденным на полу дома, кровля его была соломенной.

Особый интерес представляет наличие в этом жилище двух печей. У южной его стенки в 1954 г. открыта небольшая наземная печь. Она была глинобитная с куполообразным сводом и устьем, обращенным в сторону, противоположную стене. Напротив этой печи у северной стенки дома в 1958 г. расчищена довольно большая подземная хлебная печь — тондир. Она была сделана на гончарном круге и опущена в специально вырытую для нее под полом жилища яму, снабженную отводом для углекислого газа (рис. 32, 2). Под ее представлял собой как бы две касательные окруж-

³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 66.

⁴ М. Г. Рабинович. Осадная техника на Руси в X—XV вв. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VIII, № 1, стр. 73.

⁵ М. Г. Рабинович. К истории русской фортификации. Культура древней Руси. М., 1965, стр. 209 и сл.; он же. Крепость и город Тушков. СА, XXIX, XXX, 1959, стр. 280.

ности, а напротив точки их касания образовалось углубление для углей, к которому и подходил подземный отвод. Жилища с двумя печами — наземной для отопления и приготовления пищи и хлебной, иногда подземной, — до недавнего времени встречались в молдавских селах. Этнографически они прослежены еще несколько лет тому назад⁶. Круг распространения хлебной печи-тондира и в настоящее время довольно широк. Он охватывает и Среднюю Азию, и Закавказье, и Балканские страны, до недавнего времени и Крым.

В Белгороде Днестровском тондиры встречались и ранее, при раскопках Л. Д. Дмитрова, который предполагал, что такие печи по этнографическим признакам могут быть отнесены к молдавскому жилищу⁷. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

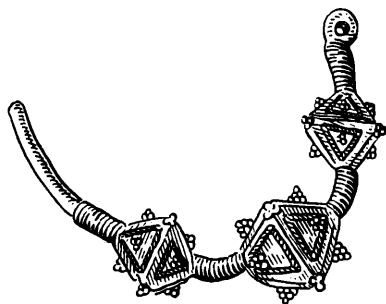

Рис. 33. Височное кольцо из Белгорода.

Внутри крепости, в раскопе II, у башни под описанной выше насыпью, во II горизонте средневекового культурного слоя открылись остатки богатого молдавского дома, разрушенного в середине XV в., возможно, в связи со строительством каменных крепостных стен. В раскоп попал лишь угол здания, но ясно, что уже вскрытая его площадь намного превышает указанную выше площадь мазанки рядового горожанина. Этот дом, по-видимому, был построен из кирпича. Стены, а может быть и потолки его внутренних помещений, были

оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Найдены фрагменты штукатурки с растительным орнаментом, выполненным коричневой и зеленой красками. Вдоль стены внутреннего помещения — короб калориферного отопления, выложенный из плитчатого кирпича. В развалинах дома найдены серебряная монета Стефана Великого, серебряный перстень-печать, на щитке которого выгравирована розетка, имеющая аналогии в изображениях на молдавских монетах (между рогами быка), а также фрагмент золотой фольги и маленькая круглая золотая бляшка, нашивавшаяся на одежду или на конскую сбрую. Все эти находки, по нашему мнению, указывают на то, что дом принадлежал богатому горожанину из Четате Албе.

Среди вещевого материала горизонта XIV—XVI вв. встречены и вещи, попавшие в результате перекопов из нижележащих горизонтов культурного слоя. Находки римских светильников и монет, фрагментов греческих амфор с клеймами и расписных краснофигурных сосудов связаны со слоями античной Тире. Особый интерес представляет находка в раскопе II трехбусинного височного кольца (рис. 33). Основа его из толстой проволоки с петелькой на конце (другой конец отломан) обвита спирально тоненькой проволочкой. Напускные бусы имеют форму октаэдра. На плоскости каждой грани этой фигуры выложен сканью треугольник. Центральная бусина крупнее боковых. На ее гранях внутри треугольника выложены пирамидки из десяти шариков зерна каждая; на вершинах октаэдра — такие же пирамидки зерна, но из четырех шариков. На меньших боковых бусинах — такие же пирамидки, но все по четыре шарика.

Это кольцо, видимо, относится к славянским слоям Белгорода. Дальние аналогии ему можно видеть в хранящихся в Киевском историческом

⁶ По сообщению начальника этнографического отряда Прутско-Днестровской экспедиции М. Я. Салманович.

⁷ Л. Д. Дмитров. Розкопки в м. Білгород Дністровському 1947 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV. Київ, 1952, стор. 61.

музее однобусинных височных кольцах с зернью. Они найдены в Киевской области и выставлены среди материалов XII в. (зал IV).

Отдельные фрагменты славянской керамики встречались в 1954 г. при зачистке культурного слоя с внешней стороны крепостных стен под их фундаментом.

Таким образом, наши разведочные раскопки в Белгороде Днестровском в 1954 и 1958 гг. показали наличие в его культурном слое внутри крепости и в непосредственном соседстве с ней горизонтов, которые могут быть связаны с турецким Аккерманом и молдавской Четате-Албе. Отдельные находки XII в. позволяют предполагать ниже культурный слой славянского Белгорода. Вспомним, что составитель известного списка русских городов конца XIV в. относил к их числу и «... на сей стороне Дунаа на усть Днестра над морем Бельгород, Черн, Ясвский торг на Пруте реце»⁸.

Работы по изучению средневековых слоев Белгорода Днестровского ведутся от случая к случаю, так как они требуют значительных сил и средств.

Исследования средневековых горизонтов культурного слоя Белгорода Днестровского должны быть продолжены, причем первоочередной задачей здесь является расширение площади существующих раскопов, исследование открывшихся в них крупных комплексов. Только после этого возможно дальнейшее углубление. При этом создается и широкий фронт работ для изучения более глубоких слоев античной Тиры. Особый интерес представит исследование соотношения средневековых и античных слоев и возможной культурной и этнической их преемственности.

Дальнейшие раскопки Тиры — Белгорода — Четате Албе — Аккермана необходимы для изучения этого памятника мирового значения.

⁸ «Новгородская I летопись». М.—Л., 1950, стр. 475.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА СЕРЕНСКА

Один из древнерусских городов в земле вятичей, прошлое которых слабо освещено письменными и археологическими источниками, Серенск, расположен на правом берегу р. Серены у дер. Серенск Мещовского р-на Калужской обл. Раскопки его начаты Верхнеокской экспедицией в 1965 г.¹

Упоминания о нем теряются среди сообщений летописца о бесконечных усобицах князей из рода Ольговичей и Мономаховичей за обладание Черниговским княжеством.

Будучи изгнан в 1146 г. из Новгорода-Северского черниговским князем Владимиром Давыдовичем, Святослав Ольгович уходит в землю вятичей и заключает союз с могущественным суздальским князем Юрием Долгоруким. Именно к этому времени и относится упоминание в летописях целого ряда городов вятичей, в том числе Москвы и Серенска. Под 1147 г. мы читаем в летописи по Воскресенскому списку, что, возвращаясь из Москвы — владений своего союзника — Юрия Владимировича, Святослав Ольгович «ста у Сереньска»².

Следующее упоминание Серенска появляется в летописи почти на сто лет позднее, и в нем Серенск назван «градом». Так, под 1232 г. в той же летописи написано: «Ярослав же с Константиновичи (князьми Ярославским и Белозерским. — Т. Н.) шедше к Сереньску град пожгоша, а людем избегшим, и много воеваше возвратишеса»³.

Не успели жители Серенска оправиться от набега ростовского князя Ярослава, как над ними пронеслась еще более страшная гроза: в 1238 г. полчища Батыея, повернув от Новгорода, устремились в землю вятичей, разоряя на своем пути многие поселения и города. Особенно мужественно, как известно, сопротивлялись жители Козельска, однако после семинедельной осады город был взят и предан огню и мечу. Та же участь, очевидно, постигла и Серенск, лежавший на пути к Козельску. И хотя это событие не записано летописцем, раскопки открыли картину катастрофы, разразившейся в городе.

Серенское городище состоит из детинца, имеющего форму треугольного мыса площадью около 2,5 тыс. м², и отделенного от него высоким валом и глубоким рвом посада, также отграниченного от плато валами и оврагами.

¹ Раскопки велись Верхнеокской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора совместно с Калужским управлением культуры, Краеведческим музеем и Пединститутом.

² ПСРЛ, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856 г., стр. 39. В некоторых летописях, как, например, Ипатьевской, этот город назван Нериньском: «Святослав же пришед ста оу Нериньска» (ПСРЛ, т. II. М., 1962 г., стр. 341).

³ ПСРЛ, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 138.

Площадь городища составляет 22 га. Въезд на территорию детинца находится с юго-западной стороны, где часть насыпи вала как бы срезана и детинец соединен с посадом перемышкой. Площадка детинца хорошо задернована; посад сохранился хуже: его территорию пересекают две грунтовые дороги, а в юго-западной части — кладбище.

Раскоп, разрезавший площадку детинца с севера на юг, имел площадь 240 м². В культурном слое (жирный чернозем) мощностью от 1,2 до 2 м (на склоне) четко выделялась прослойка толщиной 20—30 см, состоящая из остатков сгоревшего дерева, угля и горелого зерна, — следы большого пожара; прослойка насыщена предметами быта, оружием, орудиями труда и украшениями, не считая фрагментов керамики и костей животных, около 2 тыс. обломков стеклянных браслетов⁴ и около тысячи предметов из железа, цветного металла и других материалов.

Некоторые наконечники стрел имеют форму срезней, находки их характерны для поселений, разрушенных в середине XIII в. татаро-монголами⁵.

В разных частях детинца, и особенно в его южной части, найдены погребения в неглубоких ямах (0,70—0,80 м) головой на запад со смещением на северо-запад, свидетельствующие о поспешном захоронении покойных; подобные погребения характерны и для других городов и поселений, разрушенных во время татарского нашествия⁶. Женские погребения сопровождались набором украшений, характерных для племени вятичей: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, пластинчатые браслеты, хрустальные и сердоликовые бусы.

В культурном слое городища найдены не только готовые предметы, но и орудия труда, которые характеризуют высокий уровень ремесла и особенно ювелирного и кузнечного дела.

Инструменты для обработки металла, а также находки кузнечных шлаков говорят о том, что вещи из железа изготовлялись на месте. Возможно, как и новгородским ремесленникам, в Серенск железо поставлялось деревенскими металлургами⁷, однако железо также добывалось и в городах. Хорошо известна, например, домница Старой Рязани, остатки металлургических сооружений открыты на городище Слободка (летописный Домагощ) и в самом Серенске⁸.

Железоплавильная печь была расположена в юго-западной части детинца, у вала. Она сложена из крупных булыжников в основании и более мелких камней в верхней части. Развал этих мелких камней лежал плотным слоем, похожим на вымостку. В этом каменном завале было найдено пять больших шаровидных кусков шлака и непрокованная железная крица⁹. Нижняя часть печи, состоявшая из крупных нетесаных камней, сохранилась на высоту 0,30—0,40 м. Горн был сооружен прямо на поверхности материка и имел, по-видимому, цилиндрическую форму (рис. 34). Основание его составляла большая каменная плита, лежавшая на глубине 1,20 м от поверхности современного горизонта.

⁴ В 1966 г. в Серенске было найдено 5,5 тыс. обломков стеклянных браслетов, общее количество за 2 года равно 7,5 тыс.

⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 13, 32, рис. 15, 9 и стр. 167 (тип 19).

⁶ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955 г.

⁷ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 9; А. В. Успенская. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» М., 1959, стр. 105.

⁸ Потребность городских ремесленников в получении собственного железа, очевидно, особенно возросла в тревожные годы татаро-монгольского нашествия в 30-е годы XIII в.

⁹ Анализы шлаков Серенского городища выполнены О. Ю. Круг в лаборатории ИА.

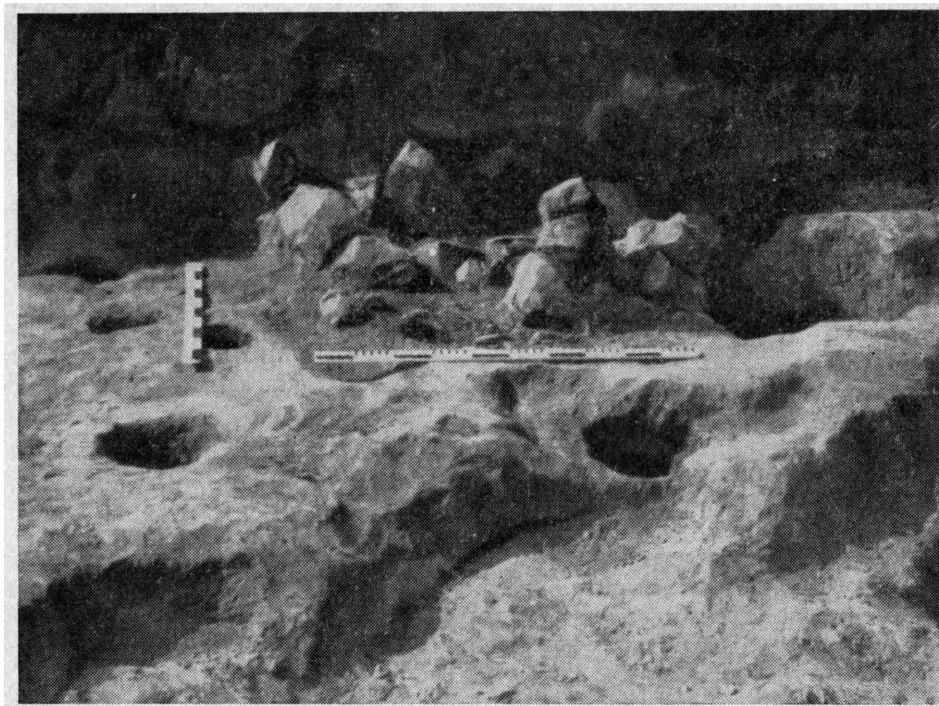

Рис. 34. Серенск. Основание каменного сыродутного горна

Внешний диаметр печи составляет 1,30 м, внутренний — 0,60 м. Вокруг горна по сторонам квадрата длиной около 4 м обнаружены ямки от столбов диаметром 0,15—0,40 м и глубиной в материке 0,20—0,40 м — следы наземного сооружения над горном. С западной стороны к горну примыкала прямоугольная в плане яма размером 1 × 0,35 м и глубиной в материке 0,75 м — предгорновый выем¹⁰. Восточнее горна обнаружена еще одна яма; заполнение ее состояло из слоя докрасна обожженной глины, шлака, угля и сажи. По-видимому, в эту яму сбрасывали отходы производства, когда разбирали плавильную печь. В основании печи не было обнаружено ни шлака, ни угля. Возможно, что она была уже заброшена и не функционировала. Судя по находкам вещей и обломкам гончарной керамики, печь была сооружена в слое XIII в.

Реконструкции подобных древнерусских сыродутных горнов сделаны А. В. Арциховским и Б. А. Колчиным¹¹.

Сооружение сыродутных печей в детинце или у городских ворот известно и на некоторых других древнерусских городищах¹².

Металлургическая продукция серенских кузнецов представлена предметами быта: железными ножами (рис. 35, 9), гвоздями, замками и ключами (рис. 35, 3; рис. 36, 12—15), железными кольцами; предметами

¹⁰ Подобные остатки горна открыты в Старой Рязани (А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 100, 101).

¹¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 83, рис. 43; А. В. Успенская. Metallургическое производство... , рис. 2; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 28, рис. 4.

¹² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 209; В. К. Гончаров. Раскопки древнего Городска. АП, т. III, 1952, стр. 182—186; Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв., по материалам Райковецкого городища. ПИДО, 1934, № 5, стр. 86.

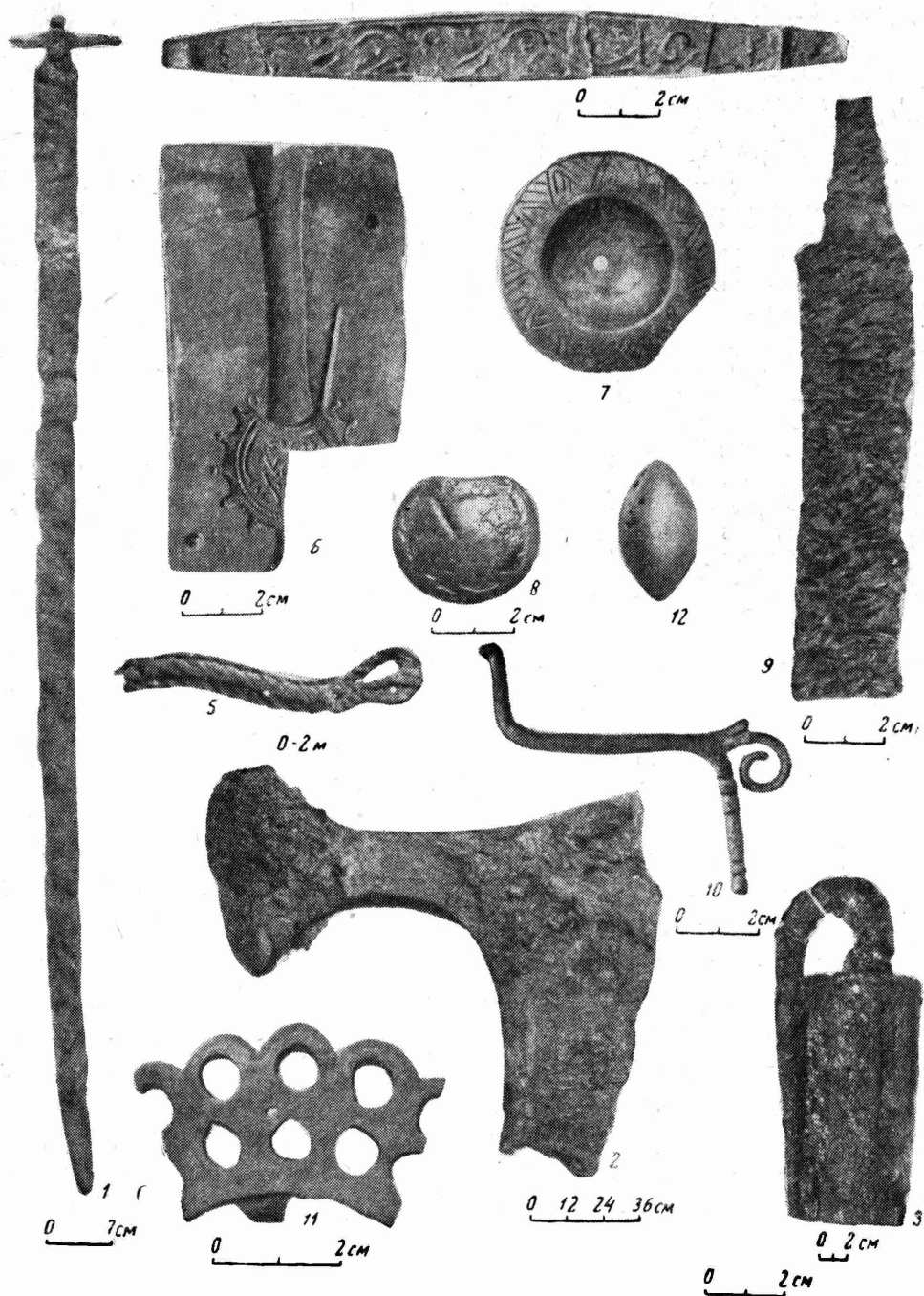

Рис. 35. Серенск. Предметы из бронзы (4, 5, 7, 8, 10, 11), железа (1, 2, 3, 9) и камня (6)

1 — сабля; 2 — топор; 3 — замок; 4 — браслет; 5 — обломок браслета; 6 — литейная форма для изготовления котлов; 7, 10, 11 — части хороса; 8 — матрица для изготовления котла; 9 — обломок ножа с остатками горелого верна

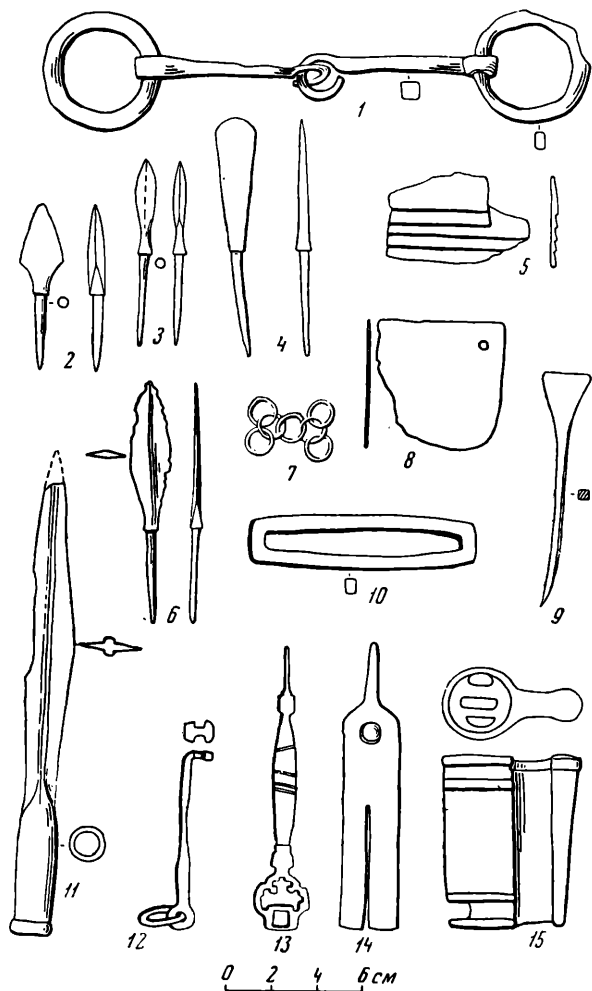

Рис. 36. Серенск. Предметы из железа:

1 — удила; 2, 3, 4, 6 — наконечники стрел; 5, 8 — части пластинчатого доспеха; 7 — обрывок кольчуги; 9 — писало; 10 — кресало; 11 — наконечник копьа; 12, 13 — ключи трубчатого замка; 14 — пружина внутреннего замка; 15 — трубчатый замок

вооружения: копьями, наконечниками стрел и обломками мечей и сабель (рис. 36, 2—6, 11); промысловым и сельскохозяйственным инвентарем: топорами (рис. 35, 2), косами-горбушами, серпами и т. д.¹³

Металлографический анализ некоторых железных предметов Серенского городища показал, что техника обработки черного металла ничем не отличалась от общерусской (в том числе и новгородской) XII—XIII вв.¹⁴ Вся кузнечная продукция изготовлена специалистами — кузнецами-ремесленниками, владеющими в совершенстве техникой металлообработки. В основе технологии изготовления железных изделий лежал тот же принцип разностороннего сочетания железа и стали. Чаще всего это торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой готового изделия. Один из серпов оказался со слож-

¹³ В раскопках 1966 г. найдены также сошники, плужный лемех и чересло.

¹⁴ Металлографическое исследование этих материалов проведено Г. А. Вознесенской в лаборатории ИА.

ной технологией изготовления: он имеет трехслойный клинок, в середине которого проходит стальная полоса почти до самой спинки. Эта технология серпов была трудоемкой, но наиболее практичной. Встречаются предметы и целиком изготовленные из стали (копье, нож). В исследованных инструментах железо и сталь хорошо освобождены от шлаковых включений. Что же касается массовой продукции (ножи), то иногда она изготовлена из металла невысокого качества.

Предметы вооружения представлены обломками лезвий от двух мечей, двумя перекрестьями меча, саблей (рис. 35, 1) и перекрестьем сабли. Одно из перекрестий меча имело форму, характерную для рубежа XII и XIII вв.¹⁵ Второе, слегка изогнутое бронзовое перекрестье меча относится к XII—XIII вв.¹⁶

Сабля, найденная в одной из хозяйственных построек вместе с топором (рис. 35, 2), имела малую кривизну лезвия. Ее прямое перекрестье с ромбическим расширением посередине характерно для распространенных на Руси в XI—XIII вв.¹⁷ и аналогично перекрестью, найденному в Новгороде в слое XIII в.¹⁸

Из трех наконечников копий интерес представляет массивное ромбовидное втульчатое копье, плоское в сечении, с расширением в средней части пера и бронзовой обоймой на конце втулки (рис. 36, 11). Перо наконечника имеет три осевых ребра, образующих полукруглый выступ.

Железные наконечники стрел все черешковые. Они делятся на две группы — плоские и граненые-бронзобойные. Срезни, найденные в верхнем горизонте культурного слоя не являются продукцией древнерусских кузнецов и связаны с татаро-монгольским нашествием (рис. 36, 4). Остальные наконечники являются довольно обычной находкой на многих древнерусских поселениях (рис. 36, 2, 3, 6) в слоях XI—первой половины XIII в. В Серенске найдены некоторые типы стрел, известные только в памятниках IX—X и начала XI в., например ромбовидный наконечник с расширением в средней части пера и пропорцией 1 : 2¹⁹ (рис. 36, 2), а также бытующие на Руси с XI—по XIV в. — ланцетовидный ромбического сечения²⁰ (рис. 36, 3) или в памятниках VIII—XIV вв. треугольные наконечники.

К защитному доспеху относятся три обрывка железных кольчуг (диаметр колечек 12 мм) (рис. 36, 7) и три пластинки от панциря (рис. 36, 5, 8). Одна из пластинок прямоугольная с закругленной стороной (рис. 36, 8) представляла собой часть оторочки доспеха²¹, обломок железной пластинчатой брони состоял из пяти соединенных вместе пластинок, заходящих одна на другую (часть куртки?) (рис. 36, 5). Остатки такого доспеха известны в Новгороде в слоях XI—XIII вв. Третья прямоугольная пластинка так же, как и первая, имела отверстие для нашивания на кожаную подкладку²². Из снаряжения всадника в Серенске найдены стремена и шпоры, характерные для XII—XIII вв., а от конского снаряжения удила (рис. 36, 1) и подковы.

¹⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 122, рис. 1, 9, стр. 123.

¹⁶ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 53, прав. тип I. Медное перекрестье меча найдено на городище Княжая Гора. В одном из курганов X—XI вв. близ Гочева обнаружен меч, имевший аналогичное медное перекрестье и набалдашник (Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 116).

¹⁷ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 69 лев.

¹⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 122, рис. 1, 7.

¹⁹ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, луки и стрелы, самострелы VIII—XIV вв. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 66, тип 42, табл. 16, 5.

²⁰ Там же, стр. 79—80, табл. 25, 14, табл. 28, 18.

²¹ Там же, стр. 63, табл. 13, 20.

²² А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 178, 179, рис. 18, 1.

Рис. 37. Серенск. Предметы из бронзы:

1 — височное кольцо; 2 — подвески-иконки с изображением Георгия, пронзающего змея; 3 — обломок створчатого браслета; 11, 13, 14 — браслеты; 8, 12, 15 — перстни; 4, 7, 9, 10 — подвески к ожерелью; 5 — крест-энколпион; 6 — крестик каменный

Самая многочисленная категория находок в Серенске — предметы быта. Цилиндрические навесные замки (рис. 35, 3; 36, 13) и ключи к ним (рис. 36, 12, 13), как и в других древнерусских городах, изготовлены из железа, а детали их соединялись медной пайкой. Иногда большой цилиндр замка укреплен медными обручами. Некоторые замки, по-видимому, целиком обмеднялись. Технология производства подобных замков детально изучена Б. А. Колчиным²³. Замки типа Б и В по хронологической классификации материалов Новгорода²⁴ составляют значительное большинство (18) и датируются XII—XIII вв. К типу Г относятся всего два замка. Ключи входят в группы А (4), Б (4) и В (11) (рис. 36, 13). Целых замков группы А пока не найдено. Кроме навесных замков, имеются пружины от нутряных замков с деревянным засовом (рис. 36, 14).

Железное писало с полукруглой лопаточкой (рис. 36, 9) напоминает подобные стили, найденные в слоях середины XI—первой половины XII в. Новгорода, Друцка, Старой Рязани, Новогрудка²⁵.

Из ювелирных изделий в Серенске найдены бронзовые и серебряные, витые и пластинчатые браслеты²⁶ (рис. 35, 4, 5; рис. 37, 11, 13), семилопастные височные кольца (рис. 37, 1), решетчатые, щитковые и витые перстни (рис. 37, 12, 8, 15), различные привески к ожерелью (рис. 37, 4, 7, 9, 10), два серебряных трехбусинных височных кольца, бронзовые кресты-энколпионы (рис. 37, 5), сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, обломки стеклянных браслетов.

Многочисленные предметы украшений и прикладного искусства, находки матриц и литейных форм для изготовления этих предметов позволяют говорить о выделении ювелиров-ремесленников, работающих не только по заказу, но и рассчитывающих на широкий спрос. И если литейная форма для изготовления великолепного серебряного створчатого браслета с чернью (рис. 38), каменные литейные формы (рис. 35, 6) и медные матрицы для серебряных колтов и бус (рис. 37, 8) говорят о том, что украшения эти принадлежали богатым и знатным заказчикам, разнообразные бронзовые браслеты и перстни, височные кольца и подвески к ожерелью позволяют заключить, что местные ювелиры в XII—XIII вв. также поставляли свои изделия на рынок.

Нельзя не упомянуть и о находке обломка бронзового литого створчатого браслета, орнаментированного ложной зернью очень тонкой работы (рис. 38, 3). Подобные украшения, являющиеся подражанием серебряным створчатым браслетам, встречаются довольно редко²⁷, по характеру орна-

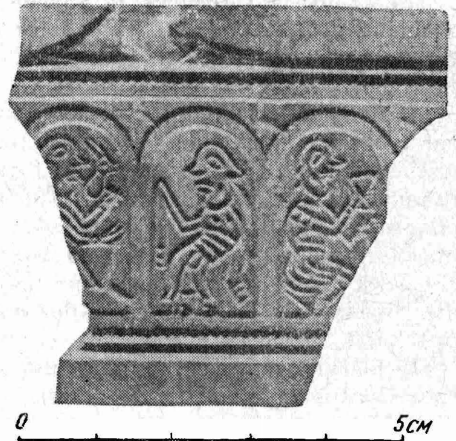

Рис. 38. Серенск. Каменная литейная форма для изготовления створчатого браслета

²³ Б. А. Колчин. Черная металлургия... стр. 158—162.

²⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло... стр. 78—86, рис. 70 (таблица).

²⁵ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, рис. 1, 4, стр. 73, 74; М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 33, 7.

²⁶ О витых браслетах Серенска см. статью Т. В. Равдиной в настоящем сборнике.
²⁷ Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 221, 222. В 1966 г. в Серенске найден еще один обломок аналогичного бронзового браслета.

мента серенская находка сближается с биллоновым браслетом, найденным в Новгороде в слое конца XII в.²⁸

Среди привесок — монетовидных с крестообразной прорезью, скорлупкообразных и т. п. — наибольший интерес представляет бронзовая привеска-иконка с изображением Георгия Победоносца на коне, поражающем змея (диаметр иконки 3 см) (рис. 37, 2). Подобная же иконка найдена в Старой Рязани, а несколько больших размеров — в слое рубежа XI—XII вв. в Новгороде²⁹.

Найдены в Серенске и другие предметы художественного литья, являющиеся, по-видимому, импортом из Киева³⁰. К ним относятся обломки бронзового паникадила (пластина цилиндрической части круга и части подсвечников) (рис. 35, 7, 10, 11).

Изучение стеклянных браслетов по составу стекла и по цвету показало, что подавляющее количество обломков принадлежит браслетам калиево-свинцово-кремнеземного стекла, изготовление которых велось главным образом в Киеве³¹. Любопытно отметить, что среди других обломков браслетов (коричневых, зеленых, синих, желтых) фиолетовые браслеты составляют $\frac{2}{3}$ — это больше, чем в каком-либо другом городе. В самом Киеве им принадлежит не более $\frac{1}{4}$ от общего количества найденных браслетов; подавляющее большинство обломков составляют крученые браслеты.

Огромное количество найденных обломков стеклянных браслетов, их своеобразие по цвету и по форме, слитки стекловидной массы позволяют предположить в Серенске их местное производство.

Материалы, полученные при раскопках Серенска, довольно определенно датируют его основной культурный слой второй половиной XII—первой половиной XIII в. Город был, очевидно, разрушен и сожжен войсками Батыя в 1238 г. Именно в этом слое пожара (пл. 3—4) найдена основная масса стеклянных браслетов, замки и ключи типов Б и В, витые браслеты, кресты-энколпионы, большая часть наконечников стрел, овальные кресала (рис. 36, 10), гончарная керамика XII—XIII вв. и т. д. К этому же времени относится и городской посад.

Однако на территории детинца найдены отдельные предметы, относящиеся к более раннему времени — X—началу XII в. (ромбовидные наконечники стрел, ключи типа А, иконка с изображением Георгия, писало, грубая гончарная керамика с горизонтальным рифлением). Мысовая форма детинца Серенска, являющаяся основным типом укреплений в бассейне верхней Оки в X—XI вв.³² позволяет думать, что древнерусское поселение возникло здесь на рубеже XI—XII вв., хотя четко выраженного слоя этого времени пока не обнаружено.

Подобно многим другим древнерусским городам, Серенск после монгольского разорения не смог в полной мере возродиться³³. Последнее упоминание о нем в письменных источниках относится к 1508 г. (договор Василия III с Сигизмундом).

Так как находки этого времени (XIV—XV вв.) при раскопках детинца пока единичны, можно предположить, что это позднее поселение занимало только территорию посада.

²⁸ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 179, рис. 138, 12; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 246, рис. 8, 16, стр. 253.

²⁹ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 232, рис. 3, 18, стр. 237.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 257 и сл., рис. 57.

³¹ Стеклянные браслеты исследованы Ю. Л. Шаповой.

³² П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, стр. 31.

³³ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. Сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 160.

Т. В. РАВДИНА

О ДАТИРОВКЕ ВИТЫХ БРАСЛЕТОВ

(по материалам Серенского городища)

Ни на одном древнерусском поселении не найдено столько женских украшений, как на вятическом Серенском городище.

Еще в 1930 г. А. В. Арциховский отмечал, что «инвентарь вятических женских курганов гораздо обильнее и разнообразнее, чем инвентарь мужских», что «женские погребения у вятичей богаче, чем у новгородцев, кривичей, радимичей, дреговичей, северян, древлян»¹. Очевидно, обилие женских украшений характерно не только для погребений вятичей, но и для их поселений.

На вятическом Серенском городище Калужской обл.² в 1965—1966 гг. с раскопанной площади в 630 м² (треть этой площади — вал городища) при толщине слоя 1,5 м найдено много женских украшений: свыше 7 тыс. обломков стеклянных браслетов, 213 бронзовых браслетов (из них 127 проволочных витых, 10 плетеных, 11 ложновитых), 44 перстня (из них 24 бронзовых решетчатых, 4 серебряных, 2 золотых, 2 стеклянных), 69 височных колец (из них 44 семилопастных и одно пятилопастное), шейные гривны, бусы и подвески.

В Новгороде с площади 5 тыс. м² при толщине слоя до 7 м найдено всего 19 витых и 70 других бронзовых браслетов³.

Из металлических браслетов витые браслеты наиболее характерны для вятичей. На вятическом Бородинском городище (в Смоленской области) среди бронзовых браслетов также преобладают проволочные витые, а среди перстней — решетчатые⁴. По имеющимся данным, в курганах вятичей значительно больше находят витых браслетов, чем в курганах кривичей⁵. У остальных древнерусских племен витые браслеты встречаются очень редко. Правда, витые браслеты, как и вятические курганы с семилопастными височными кольцами, появились не раньше рубежа XI—XII вв., а радимичские и кривичские курганы — раньше и еще не могли поэтому иметь витых браслетов. Но, может быть, витые браслеты, как и стеклянные золоченые бусы, признак не племенной, а хронологический: золоченые бусы характерны для XI в., и поэтому их нет в вятических курганах,

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 103.

² Т. Н. Никольская. К истории древнерусского Серенска. См. наст. сборник, стр. 107—115.

³ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 247—249.

⁴ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 116-лев.

⁵ Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов. СА, 1965, № 1, стр. 124.

а витые браслеты характерны для XII—XIII вв., и поэтому не встречены в курганах более ранних.

В классической работе А. В. Арциховского «Курганы вятичей» утверждается, что браслеты витые тройные и четверные характерны для XIII в., а браслеты сложновитые (2×3 , 2×4 , 3×3 , 4×3) — для XIV в. На основании этой работы в последующие десятилетия археологи датировали раскопанные древнерусские погребения XIII в., если в них были тройные и четверные браслеты, или XIV в., если в них находились браслеты сложновитые (2×3 , 2×4 , 3×3 , 4×3).

Накопленный новый археологический материал, включающий не только курганы, но и поселения вятичей, позволяет считать, что сложновитые браслеты характерны не для XIV, а для XIII в. и существовали даже в XII в.⁶

Не все археологи согласны с такой передатировкой витых браслетов, а следовательно, и древнерусских курганов.

Материалы Серенского городища дают еще одно подтверждение датировки витых браслетов XII—XIII вв. В статье Т. Н. Никольской подробно разобраны почти все находки из культурного слоя городища и обоснована его датировка. Следует лишь добавить, что в слое найдено 84 шиферных пряслица, а шиферные пряслица позже середины XIII в. не бытовали; они характерны для XI—XII вв. Древнерусский культурный слой Серенского городища датируется XII — серединой XIII в. В этом слое найдено 127 проволочных витых браслетов: 35 тройных, 37 четверных, 20 витых 2×3 , 12 — 2×4 , 5 — 3×3 и 18 обломков от витых 2×3 или 2×4 .

Многочисленные, хорошо датированные находки из культурного слоя Серенского городища, встреченные вместе с витыми браслетами, также датируются XII—XIII вв. Следовательно, сложновитые (2×3 , 2×4 , 3×3 , 4×3) браслеты нужно датировать не XIV, а XII—XIII вв.

⁶ Т. В. Равдина. Указ. соч.

Г. М. КОВНУРКО

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АМФОР
ИЗ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

В 1952 г. была раскопана одна из гончарных печей VIII—IX вв., расположенная близ замка Чабан-Куле в восточной части Крыма¹. В этих печах, как показали раскопки, обжигались главным образом амфоры салтовского или вернее причерноморского типа — яйцевидной формы с расширенным венчиком и массивными ручками. В дальнейшем число обнаруженных и раскопанных печей для обжига подобных амфор увеличилось; было высказано предположение, что яйцевидные амфоры производились не только для удовлетворения нужд местного населения, но и вывозились в виде тары за пределы Крыма в поселения салтово-маяцкой культуры². Это предположение, впервые высказанное И. И. Ляпушкиным, необходимо было проверить. С этой же целью в Лаборатории археологической технологии ЛОИА по инициативе М. А. Фронджуло мы приступили к петрографическому анализу амфор, первые результаты которого изложены ниже.

Мы исходим из того, что амфоры, изготовленные в одной печи или в близрасположенных, должны иметь не только одинаковую структуру, что является следствием общей технологии производства, но и одинаковый состав глины и отошителя вследствие единого источника сырья. Для проверки этого предположения из материалов раскопок Чабан-Куле и Мисхора было отобрано по 11 образцов керамики. Всего было изготовлено 140 шлифов из обломков амфор, обнаруженных при раскопках памятников, указанных на карте (рис. 39).

Изучение шлифов с помощью поляризационного микроскопа показало, что среди множества образцов разнообразного состава выделяются несколько групп амфор, объединяемых близким составом и структурой (таблица 1). Наиболее многочисленна группа I, состоящая из 62 образцов.

В группу I входят амфоры, изготовленные из глины, окрашенной в процессе обжига в кирпично-красный цвет. Продукты обжига глины изотропны, а показатель преломления больше показателя преломления канадского бальзама. Количество непластичного материала (включая шамот) достигает 50%³. Именно благодаря особенностям состава отоши-

¹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164.

² А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 108; он же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 472; В. П. Бабенчиков. Средневековая гончарная печь в Мисхоре. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 113; он же. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре. ЗОА, т. 1 (34), 1960, стр. 277.

³ Количественно минералогические подсчеты произведены под микроскопом визуально.

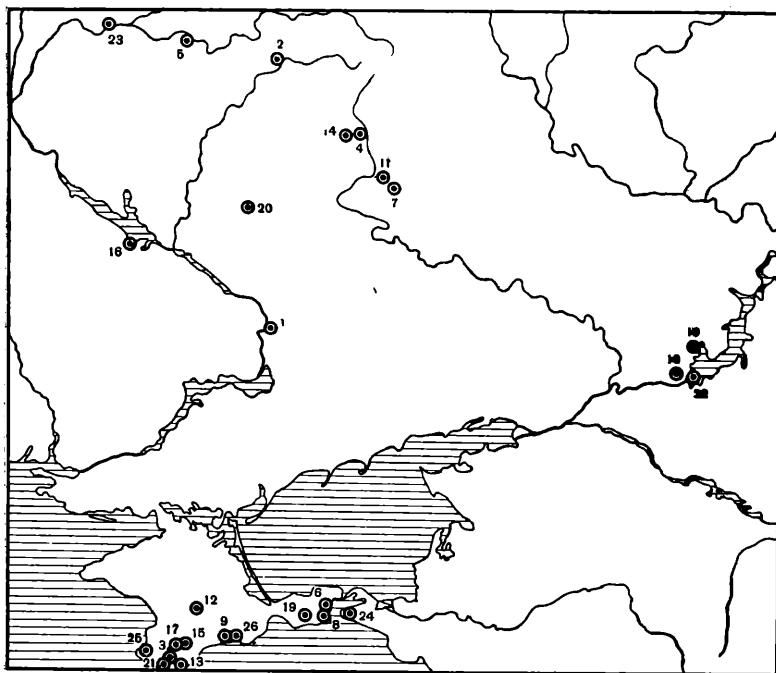

Рис. 39. Карта местонахождения амфор, подвергнутых петрографическому анализу

теля шлифы группы I отличаются от других. Все 62 образца содержат частицы алевролита средней окатанности, достигающие в диаметре 3 мм. Отдельные алевритовые частицы кварц-полевошпатового состава, сцементированные в большинстве случаев сильно железистым глинистым материалом, имеют часто остроугольные очертания; размеры их изменяются от 0,01 до 0,1 мм. В пределах каждого обломка алевролита размеры его частиц изменяются мало. Содержание обломков алевролита в большинстве образцов достигает 20—30%.

Керамический материал амфор группы I содержит также алеврит, представленный зернами полевых шпатов и главным образом кварца и равномерно рассеянный в плоскости шлифа. Среднее содержание алеврита — 15—20%. Многие образцы содержат шамот, частицы округлой формы, достигающие 3 мм в поперечнике и отличающиеся от цементирующей их массы более интенсивной кирпично-красной окраской. Содержание шамота в керамике до 10%.

В некоторых частях хорошо различимы землистые агрегаты тонкозернистого кальцита, имеющие неправильную форму и размер до 0,5 мм. Обычно кальцит окружен изотропной реакционной каймой толщиной 0,01 мм, образовывавшейся в процессе обжига при взаимодействии продуктов диссоциации кальцита с окружающими его глинистыми минералами. Содержание диссоциированного и частично регенерированного кальцита 0—5%.

Керамика группы II (18 образцов) сложена из продуктов обжига глинистых минералов, аналогичных по кристаллооптическим свойствам обожженной глине керамики группы I. В качестве отощителя был использован только алеврит кварц-полевошпатового состава, подобный описанному выше. Содержание алеврита в керамике колеблется от 20 до 30%. Какие-либо другие непластичные примеси не обнаружены.

Амфоры, вошедшие в группу III, включающую 10 образцов, изготовлены из глины с примесью карбонатных минералов. При обжиге глины образовалась изотропная масса красно-бурого цвета, а карбонатный материал разложился. Под микроскопом хорошо видны округлые поры диаметром 0,1—0,5 мм, стенки которых сложены из продуктов взаимодействия глинистых минералов с разложившимся карбонатом. Кальцит, по-видимому, регенерированный, встречается редко. Содержание карбонатов до обжига составляло 15—20% объема теста. Кроме того, в состав керамики группы III входят обломки кварца средней окатанности, достигающие 0,5 мм в поперечнике. Количество кварцевого песка достигает 15%.

Следует отметить, что в пределах каждой группы минеральный состав материала незначительно колеблется. Например, в некоторых шлифах из Чабан-Куле (группа I) кальцит отсутствует, тогда как в других нет шамота. Но колебания несущественны и не связаны с географическим положением памятника. По-видимому, амфоры каждой из трех групп обжигались в одной печи, или несколько печей изготавливали сосуды одного минерального состава. В последнем случае гончары строго придерживались единой технологии, начиная с замеса керамического теста и кончая обжигом. Более точное описание групп возможно лишь после значительного увеличения числа проанализированных образцов.

КЛАССИФИКАЦИЯ АМФОР VIII—IX вв. ПО МИНЕРАЛЬНОМУ СОСТАВУ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

№ п.п.	Наименование памятника	Автор раскопок	I группа	II группа	III группа	Прочие
1	Балка Воронеж	Д. Т. Березовец	1	—	—	—
2	Битица	И. И. Ляпушкин	1	—	—	—
3	Бобровка	А. Л. Якобсон	2	—	—	1
4	Верхний Салтов	Д. Т. Березовец	1	—	—	2
5	Вольнцево	Д. Т. Березовец	—	—	3	2
6	Героевка	А. В. Гадло	5	1	—	2
7	Жовтнево	Д. Т. Березовец	3	1	—	2
8	Заветное	А. В. Гадло	1	—	—	6
9	Канакская балка	А. Л. Якобсон	10	—	1	—
10	Карнаухово	И. И. Ляпушкин	6	—	1	1
11	Мартово	И. И. Ляпушкин	—	—	—	2
12	Меловое	А. В. Гадло	3	1	—	2
13	Мисхор	В. П. Бабанчиков	1	9	—	1
14	Непайловка	Д. Т. Березовец	—	1	1	2
15	Пампук-Кая	А. Л. Якобсон	1	—	—	3
16	Пеньковка	Д. Т. Березовец	1	3	—	5
17	Поляна	А. Л. Якобсон	1	—	—	—
18	Правобер. Цимл. городища	И. И. Ляпушкин	1	—	1	5
19	Пташкино	А. В. Гадло	2	1	1	—
20	Решетняки	И. И. Ляпушкин	2	—	—	—
21	Родниковое	А. Л. Якобсон	2	—	—	1
22	Саркел	М. А. Артамонов	1	1	—	3
23	Сосница	Д. Т. Березовец	—	—	—	2
24	Тамань	Б. А. Рыбаков	4	—	—	5
25	Херсонес	А. Л. Якобсон	3	—	1	3
26	Чабан-Куле	А. Л. Якобсон	10	—	1	—
Итого:			62	18	10	50

Не вошедшие в первые три группы 50 амфор отличаются одна от другой теми или иными особенностями. Наблюдаются различия и в кристаллооптических свойствах продуктов обжига глины, и в гранулометрическом составе обломочного материала, и в минеральном составе обломков. В частности, в шлифах можно обнаружить чешуйки слюды, попавшие в керамику вместе с ошощителем, и чешуйки слюды размером до 0,01 мм, образовавшиеся при обжиге глины, зерна недиссоциированного кальцита и тонкозернистый кальцит, равномерно рассеянный в глине, обломки амфиболов и пироксенов и других минералов. Среди 50 последних шлифов некоторые весьма близки по составу, однако для выделения соответствующих групп необходимы дополнительные материалы.

Кроме того, нами были изучены шлифы керамики из салтовских поселений Подонья заведомо местного происхождения (керамика представлена И. И. Ляпушкиным). Они резко отличаются от шлифов амфор причерноморского типа.

Таким образом, проделанный микроскопический анализ керамики VIII—IX вв. из Крыма подтвердил высказанное ранее предположение, что амфоры причерноморского типа вывозились отсюда в поселения салтово-маяцкой культуры и прежде всего в район Подонья. Насколько правильна предлагаемая группировка материала, покажет анализ нашей керамики с помощью какого-либо другого независимого от кристаллооптического петрографического метода⁴ (термического, спектрального и т. п.) или путем изучения механических свойств керамики (пористость, твердость и т. п.).

Кроме того, надежность выводов, понятно, возрастет при увеличении количества анализируемых образцов.

⁴ О. Ю. Круг. Применение петрографии в археологии. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 146.

К. К. ШИЛИК

ПРИМЕНЕНИЕ МАГНИТОРАЗВЕДКИ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В КРЫМУ¹

Продолжая начатые в 1962 г. работы по внедрению геофизических методов разведки в археологическую практику², Лаборатория археологической технологии ЛОИА летом 1964 г. на целом ряде средневековых памятников Крыма применила в качестве основного поискового инструмента отечественный магнитометр М-17. Будучи прибором феррозондового типа с электронной схемой измерения, М-17 является весьма производительным инструментом и позволяет делать за смену до 400 замеров. Как показал опыт предыдущего полевого сезона³, чувствительность прибора вполне достаточна для обнаружения печей производственного назначения.

Первым среди многих памятников, на которых широко применялся магнитометр, был «порт» Судакской крепости в поселке Уютное, где вел раскопки М. А. Фронджуло.

Первым исследованным здесь объектом были остатки крупной печи (возможно, гончарной), заметные в береговом обрыве непосредственно над пляжем в виде обожженной полосы. При измерении на узенькой полке, образовавшейся на уровне печи при зачистке, прибор зафиксировал отрицательную аномалию вертикальной составляющей магнитного поля (ΔZ) протяженностью в 7 м и величиной в 620 γ (рис. 40, 1). На графике, как и на всех последующих, напряженность невозмущенного поля (фон) принимается равной нулю. При измерении на бровке берегового обрыва аномалия оказалась положительной (+120 γ), с той же протяженностью. Разность знаков аномалии объясняется следующими причинами. Магнитное поле печи обязано своим происхождением магнитному полю Земли (печь намагничивается при остывании в поле Земли). В силу этого векторы напряженности обоих полей направлены в одну сторону. Но силовые линии поля печи (как и любого магнита) представляют собой замкнутые кривые. Поэтому магнитометр, измеряющий только изменение поля (приращение), фиксирует непосредственно над печью поле того же направления (знака), что и земное, а рядом с печью — противоположного. Абсолютная величина аномалии над печью невелика, так как слой

¹ Доклад, прочитанный 19 апреля 1966 г. на заседании секции славянорусской археологии пленума Института археологии АН СССР.

² Г. С. Франтов. Применение геофизических методов разведки в археологии. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 244; он же. Геофизика в археологии. Л., 1966.

³ К. К. Шилик. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 252.

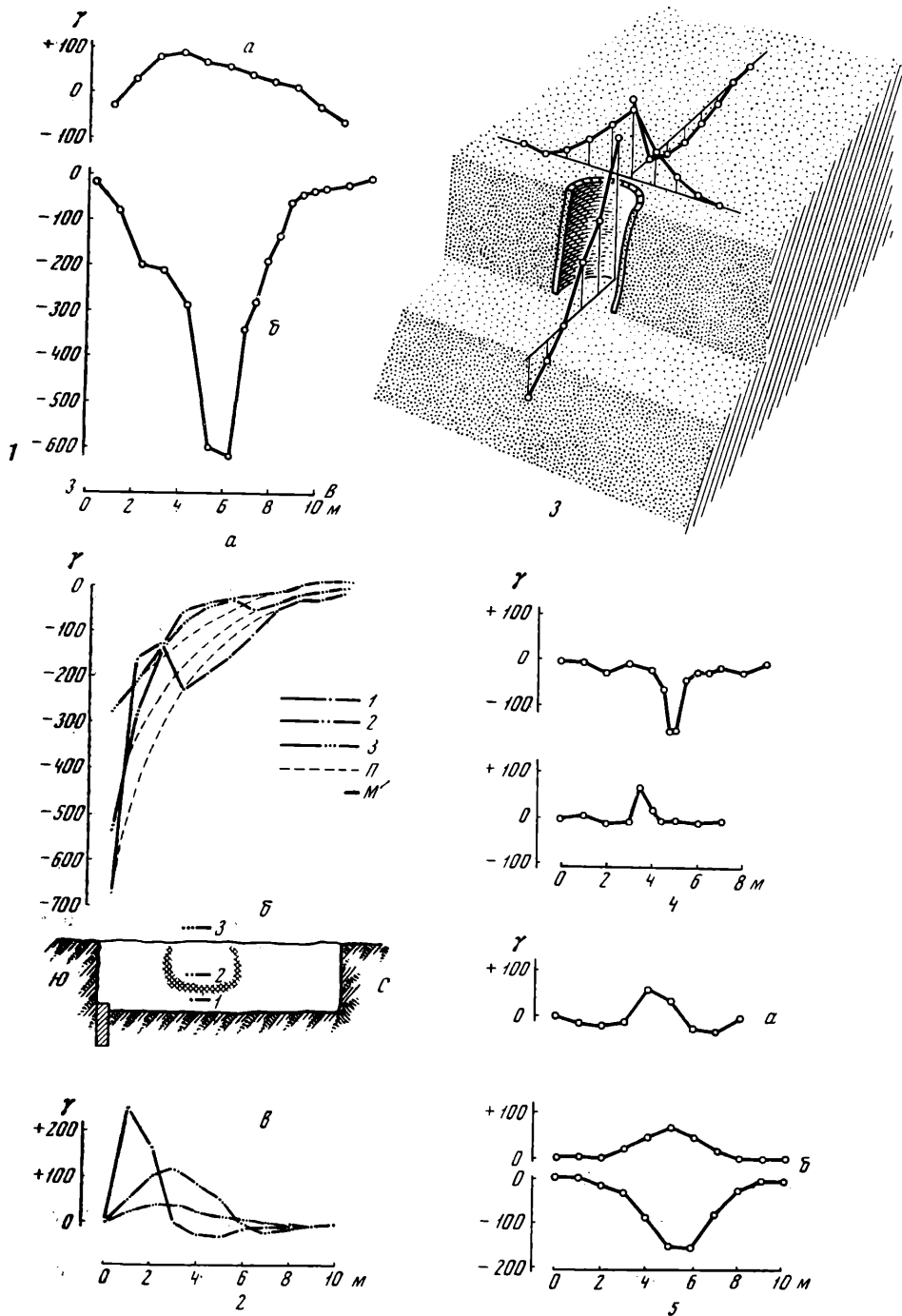

Рис. 40. Графики аномалии вертикальной составляющей напряженности магнитного поля (ΔZ) печи в береговом обрыве «порта» Судакской крепости:

1а — профиль над печью, б — профиль на уровне печи; 2 — графики ΔZ гончарной печи в котловане корпуса № 2 пансионата Львовской ж. д. в Уютном (Судак); а — графики без учета помехи; б — разрез печи; в — перестроенные графики; 1, 2 — графики, полученные в котловане; 3 — график, полученный над печью; П — кривые напряженности от помехи; М — высота расположения магниточувствительного блока; 3 — графики ΔZ печи для выжигания извести (Уютное); 4 — графики ΔZ железных предметов (Уютное); 5 — графики ΔZ : а — домашнего очага (Планерское), б — печи (Приветное)

покрывающего грунта имеет большую мощность (около 2,5 м). На обрыве же магнитометр располагался в непосредственной близости от печины.

С целью накопления статистического материала там же в Уютном было обследовано несколько ранее открытых печей. Наиболее интересны: гончарная печь XIII—XIV вв., обнаруженная в обрыве котлована под фундамент корпуса № 2 пансионата Львовской ж. д., и современная печь для выжигания извести у дома Руденко.

Первая из печей была исследована тремя профилями. Два из них (1 и 2) были пройдены в котловане, но на разных уровнях (с различной высотой треноги), а третий — на поверхности непосредственно над бровкой. Все три графика (рис. 40, 2а) построены на одной оси. Картина усложняется тем, что в 2,3 м от центра печи, несколько ниже уровня пода, находилась железобетонная плита фундамента, чем и объясняется крутой завал кривых влево. Вследствие этого величину аномалии нужно брать не относительно горизонтальной оси, как обычно, а относительно кривой напряженности, создаваемой помехой (в данном случае арматурой железобетонного блока). После перестройки графики приобретают нормальный вид (рис. 40, 2в).

Вторая печь в настоящее время частично разрушена. Это крупное сооружение, встроенное в обрыв. Сохранившаяся высота около 4 м, внутренний диаметр 2,8 м, толщина стенок почти 0,4 м. На рис. 40, 3 представлены очень четкие, близкие к теоретическим кривым, графики, показывающие, как распределяется вертикальная составляющая напряженности на такого рода объектах. Четкость кривых обусловлена отсутствием развала печины.

В «порту» несколькими профилями длиной по 40 м, с шагом в 1 м была обследована нижняя часть правой стороны припортовой территории. Было обнаружено около десятка различных аномалий в $+50 \div +100$ γ. При шурфовке в точках аномалий неизменно показывалась печина. Магнитометр, опущенный в шурф, фиксировал значительно большую аномалию (до $+300$ γ).

Там же было обнаружено пять резко затухающих, характерных для железных предметов, аномалий величиной от $+50$ до $+380$ γ. Источниками трех из них оказались куски стальной проволоки; источниками двух других аномалий, оказавшимися под землей, были крупные куски современного железа неизвестного назначения. График напряженности над металлическими предметами, находящимися на малой глубине, имеет характерный вид — пик его очень узок (рис. 40, 4), поэтому обнаружить аномалию можно только на очень близком расстоянии.

Были обследованы и другие места Восточного Крыма, интересные с точки зрения магниторазведки.

В Планерском (бывш. Коктебель) на холме Тепсень был исследован ранее раскопанный небольшой домашний очаг, присыпанный слоем грунта в 0,5 м. Аномалия в $+80$ γ оказалась вполне отчетливой (рис. 40, 5а). В Приветном двумя профилями была исследована печь (вероятно, гончарная), обнажившаяся в обрыве (рис. 40, 5б). Как и при исследовании печи в береговом обрыве «порта» Судака, профиль над бровкой дал положительную аномалию, профиль у подножия обрыва — отрицательную. На обожженном пятне магнитометр зафиксировал — 700 γ.

В 5 км к западу от с. Морского (бывш. Капсихор) Судакского района на высокой скале расположены остатки генуэзского замка (Чабан-Куле). У подножия скалы находится район гончарных печей, где ранее вели раскопки А. Л. Якобсон и М. А. Фронджуло. Все видимые остатки печей (А. Л. Якобсон насчитал 22 печи)⁴ обнаружены в обрывах оврагов,

⁴ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164—172.

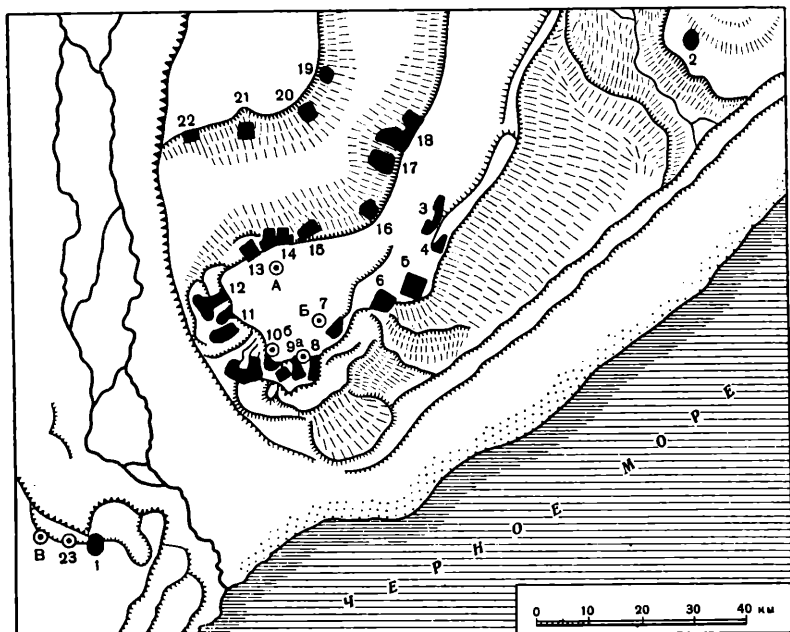

Рис. 41. Карта средневековых памятников в Крыму, исследованных с применением магниторазведки.

прорезающих окружающую местность (рис. 41). Огромное количество битой керамики свидетельствует о длительном использовании печей.

Здесь было проложено несколько поисковых профилей вдоль обрывов. С целью определения оптимального шага на поисковых профилях была исследована ранее раскопанная печь № 18 (рис. 41) — крупное сооружение около 5×5 м. На графике (рис. 42, 1) видно, что ширина аномалии вместе с отрицательными «крыльями» достигает 8 м. Очень большая величина аномалии (+2960 γ) и глубокие «провалы» слева и справа объясняются отсутствием покрывающего грунта и возвышением печи над уровнем дневной поверхности. «Двугорбость» графика (+2960 γ и +2640 γ) объясняется особенностью конструкции этой печи: она двухканальная⁵. Видимо, в силу каких-то причин левый канал прогревался сильнее правого, что привело к большему намагничиванию левой стороны. Перегородка между каналами не прогревалась полностью, чем и объясняется «провал» на графике. Интересно, что большему левому положительному пику, полученному при измерении над печью, соответствует большая абсолютная величина отрицательной аномалии в левом топочном канале (—1500 γ), меньшему же правому — меньшая (всего — 1000 γ). Несимметричность графика (меньшая ширина правого плеча) объясняется частичным разрушением печи после раскопок. Исследование этой печи показало, что для обнаружения столь крупного объекта вполне достаточен шаг в 5 м.

Общая длина профилей при обследовании всего района печей Чабан-Куле превысила 800 м. Основной шаг (5 м) местами уменьшался до 2,5 м. В результате обследования выяснилось, что в настоящее время на всем этом участке имеется семь печей, которые можно выделить по наличию

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака (по раскопкам 1953 г.). КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 102—109.

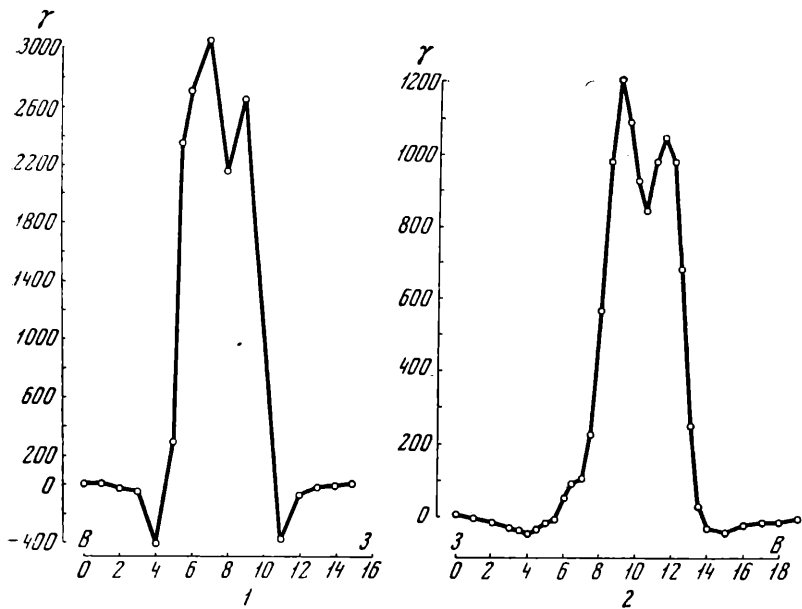

Рис. 42. 1 — график ΔZ над печью № 18 (Чабан-Куле); 2 — график ΔZ над печью № 4 в Канакской балке по профилю А

остатков печины *in situ*. Это прежде всего печи № 5 и 18, раскопанные А. Л. Якобсоном, и печь № 1, раскопанная М. А. Фронджуло в 1962 г., а также остатки печей № 2, 6 и 20 (рис. 41). Остатки седьмой печи были обнаружены автором на западном берегу ручья рядом с печью № 1 (этой печи можно присвоить № 23, поскольку обнаружена она визуально). Все эти печи создают заметные аномалии величиной от +3000 γ (печь № 18) до +180 γ (печь № 20)⁶. Кроме аномалий, создаваемых указанными печами, удалось зафиксировать еще пять аномалий, не обозначенных на плане А. Л. Якобсона (на рис. 41 они обозначены кружками). Три из них (А, Б и В) имеют величину от +900 до +1000 γ . Центры аномалий А и Б расположены соответственно в 4 и 6 м от бровки обрыва, центр аномалии В — на обрыве. Протяженность аномалий значительная (до 6—7 м). Хотя внешние признаки печей отсутствуют, есть все основания полагать, что это именно гончарные печи и притом неплохо сохранившиеся, ибо аномалии такой величины и протяженности не могут быть созданы случайными причинами: измерение магнитности крупных кусков печины (до 30 см в поперечнике) показало, что создаваемая ими аномалия лежит за пределами чувствительности прибора. Других крупных аномалий обнаружено не было. Аномалии А и Б (+50 и +80 γ) создаются, вероятно, небольшими остатками почти полностью разрушенных печей (над аномалией А видны куски печины)⁷. В древности печей, наверное, было больше: склоны, а вместе с ними и печи, сильно разрушаются. В настоя-

⁶ На западном берегу у северной оконечности обрыва имеется одно обожженное пятно, которое не создает, однако, заметной аномалии.

⁷ При съемке в 1967 г. магнитного плана всего этого участка по сети 1 × 1 м и 1 × 2 м было обнаружено еще шесть мелких аномалий величиной около +100 γ и размером от 1 до 2 м. Все они расположены в нескольких метрах от обрывов. Происхождение их пока неясно. Съемка показала также, что печь А — двухканальная, печь Б — скорее всего одноканальная, а печь В разрушена наполовину. Выяснилось, что фон на этом участке чрезвычайно неравномерен: разброс доходит до ±50 γ .

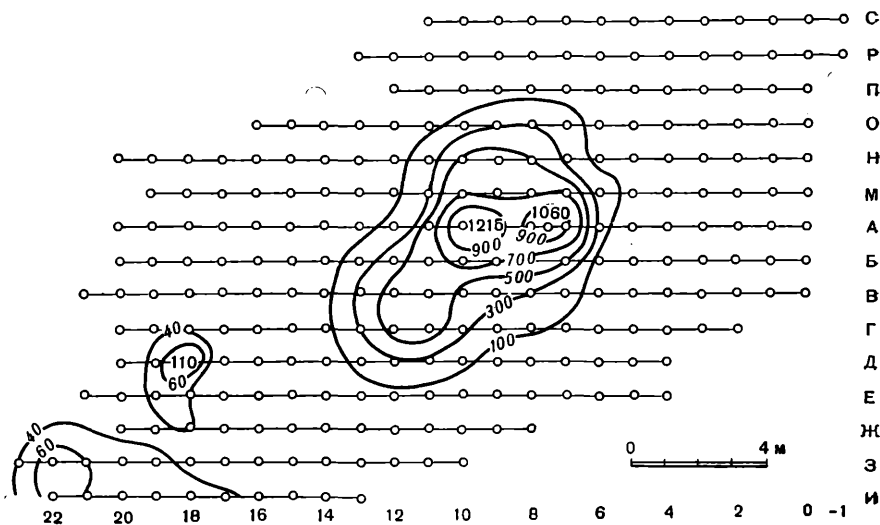

Рис. 43. План изодинам ΔZ над печью № 4 в Канакской балке

щее же время их не более 11—12. Однако огромное количество (целые отвалы) производственного брака и куски печины сильно искажают картину, так что без магнитометра очень трудно в этом разобраться.

В устье Канакской балки, расположенной в 10 км западнее с. Приветного (бывш. Ускют) того же Судакского района, предполагалось наличие четырех гончарных печей VIII—IX вв.⁸ Печь № 1 была раскопана М. А. Фронджуло в 1962 г. От печи № 2 сохранилась лишь нижняя часть топочной камеры, слегка возвышающаяся над дневной поверхностью. Печь № 3 была обнаружена по обширному развалу кусков печины. О печи № 4 в отчете М. А. Фронджуло за 1961 г. сказано: «В 15 м к западу от предполагаемой печи № 3 встречены обломки сырцов и следы обожженной глины. . . Вероятно, и здесь была гончарная печь (№ 4)».

Необходимо было найти точное место расположения печей № 3 и № 4. Печь № 3 найти не удалось. Многочисленные куски печины не создавали никакой аномалии. Можно утверждать, что эта печь разрушена полностью. Печь № 4 обнаружили очень быстро, хотя она не имела никаких внешних признаков, так как склон густо зарос травой. Однако широкая аномалия величиной более +1200 γ говорила о наличии печи (рис. 42, 2). Небольшой шурф, заложенный после того как был уточнен центр аномалии, вскрыл на глубине около 0,4 м печину. Позже был снят магнитный план аномалии (рис. 43). Замкнутые линии на плане — изодинамы ΔZ (кривые, соединяющие точки с одинаковой величиной вертикальной составляющей напряженности магнитного поля). Величина напряженности — в гаммах. Невозмущенное поле условно считается равным нулю. Измерения велись по квадратной сети 1 × 1 м. На некоторых профилях шаг уменьшался до 0,5 м.

Изучение этого плана и сравнение графиков на рис. 42, 1 и 42, 2 позволяет говорить не только о местоположении объекта, но и о его характере. Так, большая абсолютная величина аномалии свидетельствует о неглубоком залегании объекта. Небольшие отрицательные «крылья»

⁸ Архив Крымского отдела ИА АН УССР. Отчет М. А. Фронджуло «О работе разведочного отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1961 г.»

(—40 и —50 γ) по краям и очень резкое возрастание аномалии (горизонтальный градиент достигает максимума) в точках 6 и 12 по профилю А (рис. 42, 2) показывают, что тело, создающее аномалию, имеет в этих местах резкую вертикальную границу и сравнительно большую мощность, иначе говоря, с западной и восточной сторон нет развалов. «Язык» в юго-западную сторону говорит, наоборот, о возможности наличия развала в этом месте. Овальная, слегка приближающаяся к прямоугольной форма изодинамы +700 γ, вероятно, приблизительно очерчивает контуры основного тела объекта. Двойной максимум (+1215 γ и +1060 γ) свидетельствует о двух центрах наибольшего нагрева. По всем этим данным можно с большой уверенностью предположить, что мы имеем дело с двухканальной гончарной печью типа чабан-кульской № 18. Передняя часть ее, вероятно, разрушена, но тем не менее общая сохранность объекта все же достаточная⁹.

Остальные памятники, на которых применялась магниторазведка, расположены в юго-западной части Крыма.

В с. Гончарном в районе Севастополя по просьбе А. Л. Якобсона магнитометр был применен на раскопках средневекового сельского поселения VIII—IX вв. для определения центра скопления продуктов металлургического производства. Измеренная предварительно в лабораторных условиях магнитная восприимчивость образцов оказалась очень высокой, что позволило уверенно, без химического или спектрального анализа, считать эти образцы продуктами железоплавильного производства. Многочисленные куски шлаковидного продукта попадались в раскопе на большой площади, наибольшая же концентрация была в юго-западном его углу. За несколько часов работы был точно установлен центр аномалии (он оказался в 3 м от раскопа) и выявлен ее характер. Дополнительные профили полностью разъяснили картину. Аномалия округлой формы, диаметром около 5 м, имеет четко выраженный пик в центре. Величина ее около +200γ. Характер графика (сильная изломанность и растянутость) показывает, что объект некомпактен. Резкое уменьшение показаний прибора в каждом понижении рельефа на 150 ÷ 200 γ (даже на расстоянии 7 м от центра) говорит о наличии магнитных масс на большой площади и об очень малой глубине залегания слоя, содержащего продукт. В 15 м от аномалии на дне раскопа понижение чувствительного элемента прибора на 0,3 м вызывало уменьшение показаний на 30 ÷ 50 γ, что свидетельствует о присутствии указанного продукта. Можно сказать, что объект сильно разрушен. Если это железоплавильная печь, то от нее осталось, вероятно, одно основание¹⁰.

В Херсонесе совместно с А. Н. Щегловым были исследованы остатки средневековой гончарной печи, расположенной в известняковом береговом обрыве в 50 м к северо-востоку от башни № 1. Магнитометр зарегистрировал аномалию в +225γ, хотя никаких следов конструкции (печины, кирпича, обмазки) не сохранилось. Остался лишь обожженный до розового цвета оолитовый известняк, который считается маломангнитным материалом. Однако наш опыт показывает, что сооружения из известняка, побывавшие в огне, можно исследовать с помощью магнитометра.

Помимо средневековых памятников были обследованы два памятника скифского времени. По просьбе Т. Н. Высоккой на городище Альма-кермен

⁹ В 1967 г. при исследовании всего этого участка была обнаружена еще одна аномалия от крупной печи (№ 5). Она имеет округлую форму с одним максимумом (+1000 γ).

¹⁰ Раскопками 1966 г. установлено, что на этом месте в XIV в. было сооружено помещение, при строительстве которого, вероятно, и была полностью разрушена печь.

была предпринята попытка обнаружить печи. Произведенные измерения (более 150) выявили аномалию протяженностью около 2 м и величиной в $+50\gamma$. Позже на этом месте была раскопана сильно разрушенная печь небольшого размера. Печина ее оказалась слабо обожженной. На городище Заячьем была локализована и измерена магнитная аномалия, ранее обнаруженная геодезистами у борта имевшегося на городище раскопа. Аномалия оказалась отрицательной (-30γ), что говорит о металлическом характере объекта. В раскопе абсолютная величина аномалии возростала (до -160γ).

Работы в Крыму показали, что магнитометр М-17 может успешно применяться для картирования широкого круга памятников.

ПАМЯТИ
ТАТЬЯНЫ СЕРГЕЕВНЫ
ПАСЕК

4 августа 1968 г. после тяжелой продолжительной болезни скончалась ответственный редактор «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» — выдающийся советский археолог, лауреат Государственной премии, доктор исторических наук Татьяна Сергеевна Пасек.

Т. С. Пасек была крупнейшим специалистом в области первобытной археологии. Ее многолетние и успешные исследования памятников неолита, энеолита и бронзового века и созданная ею общепринятая теперь периодизация трипольской культуры послужили основой для всестороннего изучения истории древнейших земледельческих культур юга Европейской части СССР. Ее труды внесли большой вклад в изучение этнической истории племен, населявших территорию современных Украины и Молдавии в VI—II тысячелетиях до н. э.

Глубокое знание отечественного и зарубежного археологического материала позволило Т. С. Пасек в своих трудах рассматривать раннеземледельческие культуры Украины и Молдавии на широком историческом фоне.

На основе личного практического опыта в области полевых исследований Т. С. Пасек разработала новую методику раскопок трипольских поселений. И только после этого создалась возможность изучения многих вопросов, связанных с планировкой и хронологизацией многочисленных и своеобразных памятников трипольской культуры.

Велика заслуга Т. С. Пасек и в деле воспитания научных кадров. Всегда окруженная молодежью, своими знаниями и примером как в экспе-

дициях, так и в кабинетной работе, она умело направляла своих учеников, заражая их своим энтузиазмом, любовью к науке, чувством долга и ответственности за порученное дело.

Большие заслуги Т. С. Пассек в развитии советской археологии были отмечены высокой правительственной наградой — орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

С момента основания «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» Татьяна Сергеевна была бессменным руководителем нашего издания. Редакция «Кратких сообщений» выражает глубокую скорбь в связи с безвременной кончиной дорогой Татьяны Сергеевны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВВ	— Византийский Временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЗОА	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИГАИМК	-- Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КИАМ	— Керченский историко-археологический музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет
ЛОИА	-- Ленинградское отделение института археологии АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАЭ	— Марийская археологическая экспедиция
МГУ	— Московский Государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИЭ	-- Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, этнографии
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ПДЭ	— Прутско-Днестровская экспедиция
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПКМ	— Псковский краеведческий музей
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории
МСА	— Materiale și cercetări arheologice

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

- В. В. Кропоткин. Некоторые проблемы изучения археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья 3

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

- А. К. Амброз. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.) 10
В. В. Седов. Ятвяжское племя Дейнова 24
А. Ф. Медведев. Новые материалы к истории Городца на Волге 31
Г. А. Архипов. К вопросу об этногенезе марийцев 41
В. Ф. Каховский, А. П. Смирнов. К вопросу о болгарских городах правобережья Волги 47
В. А. Леквинадзе. О некоторых сооружениях древнего Питиунта 53
Л. Г. Ишханов. Новый памятник архитектуры Кавказской Албании 59
И. М. Мизиев. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии 63
В. И. Кочедамов. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири 67
Ю. П. Спегальский. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) 74

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. В. Гадло. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) 78
Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. 85
И. А. Рафалович. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска 94
М. Г. Рабинович. Исследование средневековых слоев Белгорода Днестровского в 1954 и 1958 гг. 102
Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска 108
Т. В. Равдина. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища) 117
Г. М. Ковнурко. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья 119
К. К. Шилик. Применение магниторазведки при исследовании средневековых памятников в Крыму 123
Памяти Татьяны Сергеевны Пассек 131
Список сокращений 133

**Средневековые памятники
Восточной Европы**

*Краткие сообщения о докладах
и полевых исследованиях
Института археологии,
вып. 113*

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Технический редактор *П. С. Кашина*

Сдано в набор 29/II-1968. Подписано к печати 25 X-1968 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд.
л. 10,8 Тираж 1800 экз. Тип. зак. 953. Т. 16202.
Цена 63 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62 Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства «Наука».
Ленинград, Р-34, 9-я линия, д. 12